

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет
Кафедра экологического и аграрного права

Традиции и перспективы
развития науки экологического,
природоресурсного и аграрного права

Сборник статей по материалам
круглого стола, приуроченного к юбилею
кафедры экологического и аграрного права БГУ,
Минск, 20 мая 2021 г.

Минск
2021

УДК 349.4/6(06)

Т 65

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета БГУ
11 октября 2021 г., протокол № 2

Редакционная коллегия:

Т. И. Макарова (отв. ред.), В. Е. Лизгаро, И. П. Кузьмич, И. С. Шахрай,
Н. А. Шингель, В. В. Саскевич

Рецензенты:

Грунтов И. О., доктор юридических наук, профессор, научный консультант, профессор кафедры уголовного права юридического факультета БГУ;

Мартыненко И. Э., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Традиции и перспективы развития науки экологического, природоресурсного и аграрного права: сборник статей по материалам круглого стола, приуроченного к юбилею кафедры экологического и аграрного права БГУ, Минск, 20 мая 2021 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. экологического и аграрного права ; [редкол.: Т. И. Макарова (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – 157 с. – Библиогр. в конце ст.

В сборнике помещены статьи ученых и практикующих юристов Республики Беларусь, зарубежных стран по актуальным проблемам науки экологического, природоресурсного и аграрного права, подготовленные по материалам докладов на круглом столе, приуроченном к юбилею кафедры экологического и аграрного права БГУ.

Макарова Т. И.

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ НАУКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ¹

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ekolog_310@mail.ru

В основе формирования категориального аппарата науки экологического права лежат представления об объекте, подлежащем правовому регулированию эколого-правовыми нормами. При некоторых различиях в определении учеными оптимального круга общественных отношений, включаемых в сферу экологического права, специалисты сходятся в том, что признаками, которые позволяют выделять экологические отношения в особую группу, являются: а) естественное происхождение объекта отношений (природы со всеми ее компонентами); б) нахождение объекта правоотношения в цепи экологических связей природной среды. Однако объективный процесс расширения круга общественных отношений, включаемых в предмет экологического права, главным образом за счет развития естественных и технических наук, что находит отражение в общественной жизни, демонстрирует, что такая характеристика не раскрывает в полной мере этот постоянно изменяющийся объект – окружающую среду.

Процессы, сформировавшие современный взгляд на охрану окружающей среды на глобальном уровне, также повлияли на системообразующие категории экологического права. Так, резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН (РГА ООН) понятие «охрана природы» было трансформировано в концепт «охрана окружающей среды» (РГА ООН от 18.12.1962 № 1831/XVII); признана роль благоприятной окружающей среды для соблюдения основных прав человека (РГА ООН от 03.12.1968 № 2398/XXIII); подтверждена связь социального прогресса с охраной окружающей среды (РГА ООН от 16.12.2005 № 60/157). Декларациями международных конференций ООН введена концепция устойчивого развития, как сочетания взаимодополняющих основ – экономической, социальной сфер и охраны окружающей среды, реализуемых на глобальном, региональном, локальном уровнях (Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, 1992 г., Йоханнесбургский саммит по устойчивому развитию, 2002 г.); посредством концепта «зеленой» экономики подтверждена связь экономического развития и социального прогресса с сохранением окружающей среды (РГА ООН от 27.06.2012 66/288, от 25.09.2015 № 70/1).

Отражение изменяющегося подхода мы можем видеть и в редакциях Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», первая из

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ в рамках гранта «Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства государств – членов Евразийского экономического союза».

которых (от 26 ноября 1993 г.) по объективным причинам во многом тяготела к подходам, сформировавшимся в природоресурсном законодательстве советского периода. В ней в качестве объекта правоотношений рассматривались «объекты природы, подлежащие охране». Вторая редакция этого закона (от 17 июля 2002 г.) определяет объект иначе – «объекты отношений в области охраны окружающей среды». И хотя перечни таких объектов первой и второй редакций практически идентичны (земля, недра, воды, атмосферный воздух, озоновый слой, леса, растительный и животный мир), однако в этой редакции закона эти объекты включены в природно-социальный комплекс – окружающую среду, представляющую собой «совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов». Включение в сферу эколого-правового регулирования объектов, не имеющих естественного происхождения, но без которых не существует сама окружающая среда, потребовало иного концептуального подхода. Так, определение природно-антропогенного объекта указывает на возможность признания таковым как природного объекта, измененного в результате хозяйственной и иной деятельности, так и объекта, созданного человеком, обладающего свойствами природного объекта. Налицо тождественность, существующая между объектами, имеющими естественное происхождение (компоненты природной среды, природные объекты), и объектами, которым таковое не присуще (природно-антропогенные объекты). Эта тождественность проявляется в том, что все они для признания их объектами экологических отношений должны находиться в составе окружающей среды и иметь с ней естественную связь. Признак же естественного происхождения первостепенного значения уже не имеет.

Частью окружающей среды являются также антропогенные объекты. Последние рассматриваются как объекты, созданные человеком для обеспечения его социальных потребностей и не обладающие свойствами природных объектов, целесообразность включения которых в состав окружающей среды обусловлена тем, что при осуществлении охраны окружающей среды избираемые при этом меры (а таковые закреплены в экологическом законодательстве) зависят именно от антропогенных объектов, воздействующих на природную среду. Экологическое законодательство устанавливает требования, предъявляемые к антропогенным объектам с позиций охраны природной среды.

Таким образом, системообразующие категории экологического права «окружающая среда» и «охрана окружающей среды» не статичны: в их развитии прослеживается путь от восприятия охраны как деятельности по сохранению природы, т. е. отказу от воздействия на естественные экологические системы и проистекающие в них процессы, до признания обусловленности сохранения окружающей среды экономическим развитием и социальным прогрессом.

Другое, используемое наукой понятие, – «экологическая безопасность» и сопряженное с ним – «обеспечение экологической безопасности» –

феномен иного порядка: в его появлении и применении невозможно проследить процесс эволюции как научной категории, но зато обнаруживается множество научных подходов в определении сущности такого явления, как «экологическая безопасность» и ее обеспечение. В науке экологического права как поддерживается взгляд на самостоятельность отношений по обеспечению экологической безопасности [напр., 1–5], так и критикуется выделение понятия в качестве самостоятельной правовой категории в силу того, что в практической деятельности обеспечение экологической безопасности не реализуется как самостоятельное направление, осуществляемое отдельно от охраны окружающей среды [6].

На что, как нам представляется, следует обратить внимание при сравнении категорий «охрана окружающей среды» и «обеспечение экологической безопасности», так это терминологическая «беспредметность» последней, что видно уже из легального определения, фиксирующего «состояние защищенности окружающей среды», при том что обеспечение экологической безопасности имеет под собой стратегический фундамент, поскольку рассматривается в качестве самостоятельного направления национальной безопасности в соответствии с документами программного характера, что переводит рассуждения в принципиально иную плоскость, придающую понятию «экологическая безопасность» конкретность относительно территории, на которой требуемое «состояние защищенности окружающей среды» подлежит обеспечению [7]. В таком контексте экологическая безопасность как результат природоохранных мероприятий по минимизации последствий хозяйственной деятельности – не только определенное состояние, но еще и процесс, «вписанный» в конкретное жизненное пространство, на что, в частности, указывают Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, документ, который устанавливает стратегические основы национальной безопасности (включая безопасность экологическую) в отношении территории Республики Беларусь. Это обстоятельство добавляет к характеристике категории «экологическая безопасность» (состояние защищенности, совокупность эколого-значимых процессов) еще и фактор территории или жизненного пространства, для которых эти состояния и процессы актуальны. Таким образом, «эколого-безопасное пространство» – это территория, в границах которой происходит взаимодействие общества с окружающей средой с соблюдением экологических требований. Формирование такого пространства экологической безопасности происходит под влиянием разнообразных факторов как природного, так и антропогенного характера, и обусловлено экономическими и социальными условиями. Процессы трансформации окружающей среды в эколого-безопасное пространство должны сопровождаться политическими и институциональными преобразованиями на всех уровнях – международном, региональном, внутригосударственном, локальном.

Итак, современной доктрине экологического права, ее научно-категориальному аппарату недостает определенных параметров, которые могут быть введены понятием «эколого-безопасное пространство». Ведь если «охрана окружающей среды» – процесс реализации разработанных человечеством природоохранных механизмов и инструментов, обеспечивающих и поддерживающих экологическую безопасность, тогда «экологическая безопасность» – достигнутое вследствие применения природоохранных средств состояние защищенности окружающей среды. Для демонстрации результата недостает территориально-пространственного признака, указывающего на то, в границах какой территории осуществляются такого рода процессы с соответствующим результатом в виде обеспеченности экологической безопасности. Введение пространственного критерия, очерчивающего институциональные рамки, устанавливаемые международным договором, межгосударственным соглашением, законом, позволяет конкретизировать объект (территорию), в отношении которого применимы эколого-правовые меры.

Список использованных источников

1. Краснова, Ю. А. Право екологічної безпеки України: теоретичні аспекти : монографія / Ю. А. Краснова. – Київ : НУБіП України, 2017. – 589 с.
2. Колбасов, О. С. Концепция экологической безопасности (юридический аспект) / О. С. Колбасов // Совет. государство и право. – 1988. – № 12. – С. 47–55.
3. Тимошенко, А. С. Глобальная экологическая безопасность – международно-правовой аспект / А. С. Тимошенко // Совет. государство и право. – 1989. – № 1. – С. 84–92.
4. Русин, С. Н. Концептуальные проблемы экологической безопасности и государственная экологическая политика (правовой аспект) / С. Н. Русин // Эколог. право. – 2010. – № 5. – С. 12–18.
5. Краснова, И. О. Экологическая безопасность как правовая категория [Электронный ресурс] / И. О. Краснова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.
6. Бринчук, М. М. Охранять окружающую среду или обеспечивать экологическую безопасность? / М. М. Бринчук // Государство и право. – 1994. – № 8–9. – С. 118–127.
7. Макарова, Т. И. Эколого-безопасное пространство: юридическое содержание категории и место в науке о правовой охране окружающей среды / Т. И. Макарова // Государство и право в XXI веке [Электронный ресурс] : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию юрид. фак. Белорус. госуд. ун-та, Минск, 26–27 нояб. 2020 г. ; [редкол.: Т. Н. Михалёва (гл. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 33–42. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/259804>. – Загл. с экрана. – №005624052021. Деп. в БГУ 24.05.2021.

Балашенко С. А.

ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА БЕЛАРУСИ: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ekolog_310@mail.ru*

30-летие кафедры экологического и аграрного права юридического факультета БГУ ознаменовано созданием современной научной школы, высокотехнологичного образовательного процесса, фундаментальными исследованиями и инновационными практическими разработками.

С момента открытия ее характеризовали как молодую и активно развивающуюся. Вместе с тем кафедра продолжает оставаться все такой же молодой и эффективно развивающейся, хотя можно сказать, что прошла целая эпоха становления эколого-правовой науки и образовательного процесса. Коллектив кафедры активно и плодотворно участвует не только в подготовке юристов-экологов, но и в совершенствовании государственного регулирования охраны окружающей среды и природопользования, внося значительный вклад в развитие действующего экологического, земельного, аграрного законодательства, в подготовку новых законопроектов, обеспечивающих защиту и сохранение природы, рациональное использование природных ресурсов.

Формирование нового правового отношения к природе, осмысление таких правовых категорий, как окружающая среда, экология, во всем мире и в Белорусской ССР в частности мы относим ко второй половине XX в.

С правовой точки зрения особой вехой является создание 29 августа 1960 г. специализированного государственного органа, обеспечивающего охрану природы, и принятие 21 декабря 1961 г. комплексного нормативного акта, Закона «Об охране природы в Белорусской ССР».

В соответствии с постановлением Совета Министров БССР от 29 августа 1960 г. образован Государственный комитет Совета Министров БССР по охране природы. На него были возложены обязанности по сохранению, восстановлению и обогащению природных ресурсов, контролю за их рациональным использованием, охране и контролю за рациональным использованием водных ресурсов республики и переданы следующие государственные структуры:

- а) Государственная инспекция по охране рыбных запасов и регулированию рыболовства при Совете народного хозяйства БССР;
- б) Управление охотничьего хозяйства и заповедников Главного управления лесного хозяйства при Совете Министров БССР;
- в) Березинский государственный заповедник, а также Волмянский, Ленинский, Козьянский, Налибокский, Чериковский и Чечерский охотничьи заказники).

Шоковое переосмысление вопросов охраны окружающей среды во многом связано с аварией и последствиями взрыва 26 апреля 1986 г. на 4-м энергоблоке Чернобыльской АЭС.

В Постановлении Верховного Совета СССР от 27 ноября 1989 г. «О неотложных мерах экологического оздоровления страны» впервые в истории СССР была раскрыта объективная информация о состоянии окружающей среды в стране и предписывалось: «Начиная с 1990 года открывать финансирование работ по всем проектам и программам только при наличии положительного заключения государственной экологической экспертизы, обеспечить независимость экологической экспертизы» (п. 2).

В 1990 г. Государственный комитет БССР по охране природы переименован в Государственный комитет Республики Беларусь по экологии, а в 1994 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 марта 1994 г. «О совершенствовании структуры органов государственного управления Республики Беларусь и сокращении расходов на их содержание» Государственный комитет Республики Беларусь по экологии преобразован в Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь.

Системные подходы к формированию эколого-правового образования и науки связаны с концом 80-х – началом 90-х гг. XX в. Кафедрой государственного права и советского строительства БГУ в 1990 г. в учебные планы подготовки специалистов по специальности «Правоведение» включается учебная дисциплина «Экологическое право». Возглавлял кафедру и успешно осуществлял научное руководство первыми диссертационными работами в области охраны окружающей среды признанный ученый с мировым именем, родоначальник школы конституционного права профессор А. А. Головки.

На первом этапе эколого-правовое образование и наука во многом формировалась на основах государственного, природоресурсного и аграрного права.

В 1990 г. С. А. Балашенко, А. И. Бобылёвым было издано первое в СССР учебно-методическое пособие по курсу «Экологическое право» [1]. В современном понимании это издание являлось первым учебно-методическим комплексом, который включал: 1) тематический план лекций и практических занятий; 2) планы практических занятий, задачи, нормативные акты; 3) схемы по экологическому праву; 4) методики решения задач; 5) эколого-правовые термины по изучаемым темам; 6) тематику курсовых и дипломных работ по экологическому праву. Студентам рекомендовалась литература и нормативные акты для обязательного изучения.

В 1991 г. в издательстве «Университетское» публикуется монографический учебник «Вопросы общей теории экологического права» (С. А. Балашенко, А. И. Бобылёв) [2].

В 1991 г. из состава кафедры государственного права и советского строительства БГУ выделяются дисциплины экологическое право, земельное право и аграрное право (колхозное право) и создается кафедра экологического и аграрного права.

Особые заслуги в создании и становлении кафедры экологического и аграрного права связаны с именем профессора Анатолия Ивановича

Бобылёва, который был назначен первым заведующим кафедрой. Мэтром аграрного права являлся доцент Адам Адамович Шингель.

Кафедра активно включилась в исследования, связанные с преодолением последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. Важное значение имели совместные работы и сотрудничество с Институтом радиобиологии Национальной академии наук Беларуси и лично с директором Евгением Фёдоровичем Коноплей – радиобиологом, биохимиком, академиком Национальной академии наук Беларуси.

Специалисты кафедры участвуют в подготовке законопроекта об охране окружающей среды. Принимается название закона «Об охране окружающей среды», обоснованное С. А. Балашенко. Другие республики СССР приняли законы об охране природной окружающей среды, но в дальнейшем пришли к варианту Беларуси.

Активное сотрудничество осуществлялось с министерствами и ведомствами. Так, например, Министерству лесного хозяйства были разработаны «Наставления о производстве по делам о лесонарушениях» (С. А. Балашенко) [3].

Новый этап развития кафедры экологического и аграрного права Белгосуниверситета связан с избранием заведующим кафедрой член-корреспондента Национальной академии наук Беларуси, профессора Николая Васильевича Сторожева (1993–2004) и с тесным сотрудничеством с отделом сельскохозяйственного и экологического права Института философии и права НАН Беларуси.

С 2004 г. по декабрь 2017 г. кафедрой экологического и аграрного права руководил доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, председатель совета по защите диссертаций Д 02.01.01 при Белорусском государственном университете Сергей Александрович Балашенко. Кафедра активно включилась в реализацию международных проектов ПРО ООН/ООН, ГЭФ, Всемирного Банка, Всемирного фонда дикой природы, ФЛЕГ, ЕС, ТЭМПУС-ТАСИС и др. Особое значение имело сотрудничество с Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. Профессорско-преподавательским составом кафедры защищены две докторские и ряд кандидатских диссертаций по экологическому праву.

В настоящее время кафедру возглавляет доктор юридических наук, профессор Тамара Ивановна Макарова, она также является Председателем экспертного совета ВАК по юридическим наукам. Особое развитие получает докторантура по специальности 12.00.06 – земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право.

Важнейшей составляющей организации учебного процесса является подготовка научных кадров. Диссертационные работы готовились по наиболее актуальным направлениям деятельности.

Об этом свидетельствует тематика диссертационных исследований по кафедре экологического и аграрного права, отражающих государственное управление в области охраны окружающей среды и реализацию

экологической функции государства, правовое положение физических лиц в экологических правоотношениях, преодоление последствий чернобыльской катастрофы в системе функций государства, правовое обеспечение участия общественности в процессе принятия экологически значимых решений и др., которые приведены далее.

1. Балашенко Сергей Александрович – «Правовые основы управления лесным хозяйством Республики Беларусь» (кандидатская 29.01.1993). Научный руководитель – д.ю.н., профессор А. А. Головки.

1.2. Балашенко Сергей Александрович – «Государственное управление в области охраны окружающей среды» (докторская 04.07.2001). Научный консультант – д.ю.н., профессор А. А. Головки.

2. Демичев Дмитрий Михайлович – «Функция преодоления последствий чернобыльской катастрофы в системе функций государства» (кандидатская 29.01.1993). Научный руководитель – д.ю.н., профессор А. А. Головки.

2.2. Демичев Дмитрий Михайлович – «Деятельность Советов по преодолению последствий чернобыльской катастрофы» (докторская 04.07.1996). Научный консультант – д.ю.н., профессор А. А. Головки.

3. Макарова Тамара Ивановна – «Теоретические проблемы правового положения физических лиц в экологических правоотношениях» (докторская 26.09.2008). Научный консультант – д.ю.н., профессор С. А. Балашенко.

4. Карпович Наталья Александровна – «Реализация экологической функции государства в законодательной деятельности Парламента Республики Беларусь» (кандидатская 06.12.2000). Научный руководитель – д.ю.н., профессор Н. В. Сторожев.

4.2. Карпович Наталья Александровна – «Теоретические проблемы реализации экологической функции государства» (докторская 11.04.2012). Научный консультант – д.ю.н., профессор С. А. Балашенко.

5. Лаевская Елена Владимировна – «Организационно-правовое обеспечение охраны лесов в Республике Беларусь» (кандидатская 1994). Научный руководитель – д.ю.н., профессор Н. В. Сторожев

6. Лизгаро Виктория Евгеньевна – «Правовой режим особо охраняемых природных территорий и объектов Республики Беларусь» (кандидатская 16.12.1999). Научный руководитель – д.ю.н., профессор Н. В. Сторожев.

7. Шингель Наталия Адамовна – «Правовая охрана окружающей среды городов» (кандидатская 16.12.1999). Научный руководитель – д.ю.н., профессор Н. В. Сторожев.

8. Кузьмич Ирина Петровна – «Сельскохозяйственный производственный кооператив как организационно-правовая форма ведения сельскохозяйственного производства» (кандидатская 29.03.2002). Научный руководитель – д.ю.н., профессор Н. В. Сторожев.

9. Шахрай Ирина Сергеевна – «Право специального лесопользования» (кандидатская 25.09.2003). Научные руководители – д.ю.н., профессор Н. В. Сторожев, к.ю.н., доцент Е. В. Лаевская.

10. Жлоба Альберт Анатольевич – «Правовое регулирование национальных парков» (кандидатская 29.06.2006). Научный руководитель – д.ю.н., профессор С.А. Балашенко.

11. Саскевич (Игнатович) Вероника Васильевна – «Правовой режим земель промышленности, транспорта, связи, энергетики» (кандидатская 07.10.2008). Научный руководитель – к.ю.н., доцент Т. И. Макарова.

12. Дмитрук Марина Николаевна – «Правовое регулирование финансирования охраны окружающей среды» (кандидатская 07.10.2008). Научный руководитель – д.ю.н., профессор С. А. Балашенко.

13. Мороз Олег Васильевич – «Правовое обеспечение экологической экспертизы» (кандидатская 05.03.2009). Научный руководитель – к.ю.н., доцент В. Е. Лизгаро.

14. Манкевич Валерий Викторович – «Правовое регулирование экологического страхования» (кандидатская 05.03.2009). Научный руководитель – д.ю.н., профессор С. А. Балашенко.

15. Губская Наталья Сергеевна – «Правовое обеспечение участия общественности в процессе принятия экологически значимых решений» (кандидатская 19.11.2009). Научный руководитель – к.ю.н., доцент Т. И. Макарова.

16. Голованов Сергей Викторович – «Правовое обеспечение экологической безопасности в процессе обращения с отходами производства» (кандидатская 14.01.2011). Научный руководитель – д.ю.н., профессор С. А. Балашенко.

17. Рогожкина Тамара Владимировна – «Правовое регулирование лицензирования в области охраны окружающей среды» (кандидатская 13.01.2012). Научный руководитель – д.ю.н., профессор Т. И. Макарова.

18. Хотько Ольга Александровна – «Правовое регулирование ограничений и обременений прав на земельные участки» (кандидатская 27.06.2013). Научный руководитель – к.ю.н., доцент Н. А. Шингель.

19. Самусенко Лидия Анатольевна – «Право рекреационного природопользования» (кандидатская 27.06.2013). Научный руководитель – д.ю.н., профессор С. А. Балашенко.

20. Речиц Екатерина Викторовна – «Правовая охрана водно-болотных угодий» (кандидатская 22.12.2017). Научный руководитель – д.ю.н., профессор Т. И. Макарова.

21. Ванькович Евгений Эдуардович – «Правовое обеспечение экологической безопасности при использовании возобновляемых источников энергии» (кандидатская 22.12.2017). Научный руководитель – д.ю.н., профессор С. А. Балашенко.

22. Джабаилдаева Гульнар Токсанбаевна – «Правовая охрана земель в Республике Казахстан» (кандидатская, 2020). Научный руководитель – д.ю.н., проф. Т. И. Макарова.

23. Макарова Надежда Владиславовна – «Правовое регулирование обращения с объектами растительного мира» (кандидатская 02.02.2021). Научный руководитель – д.ю.н., профессор С. А. Балашенко.

Важной составляющей подготовки кадров и совершенствования образовательного процесса является изучение международного опыта и участие в международных проектах.

С. А. Балашенко, Т. И. Макаровой при содействии ООН/ПРООН впервые в СНГ подготовлено и издано учебное пособие «Международно-правовая охрана окружающей среды и права человека» [4].

В реализации международных проектов в составе экспертов, координаторов и руководителей проектов активное участие принимали сотрудники кафедры экологического и аграрного права, ученые юристы-экологи С. А. Балашенко, доктор юрид. наук, профессор; А. А. Жлоба, канд. юрид. наук, доцент; И. П. Кузьмич, канд. юрид. наук, доцент; Е. В. Лаевская, канд. юрид. наук, доцент; В. Е. Лизгаро, канд. юрид. наук, доцент; Т. И. Макарова, доктор юрид. наук, профессор; О. В. Мороз, канд. юрид. наук, доцент; В. В. Саскевич, канд. юрид. наук, доцент; Л. А. Самусенко, канд. юрид. наук, доцент; И. С. Шахрай, канд. юрид. наук, доцент, Н. А. Шингель, канд. юрид. наук, доцент и др. В процессе работы над проектами издан ряд учебников, учебных, научно-практических пособий и руководств [5–12].

Особого внимания заслуживают следующие международные проекты:

Программа ПРООН-ГЭФ экологического оздоровления бассейна Днепра (1 сентября 2000 г. – 28 апреля 2004 г.) – международного проекта, сторонами которого являлись Республика Беларусь, Российская Федерация, Украина. Результаты проведенных в рамках Программы исследований опубликованы в коллективной монографии «Conservation of Biological and Landscape Diversity in the Dnipro River Basin», изданной в Канаде в 2005 г. [8];

Подготовка Стратегической программы действий для бассейна Днепра и разработка механизмов ее реализации – Программа ПРООН ГЭФ (1 сентября 2000 г. – 28 апреля 2004 г.);

Развитие потенциала по обеспечению соблюдения экологического законодательства в Республике Беларусь. Разработка Руководства о порядке организации и проведения проверок соблюдения законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов – проект Всемирного банка и Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь (7 мая 2001 г. – 7 мая 2003 г.);

Программа по укреплению институционального развития Республики Беларусь. Разработка концепции оптимизации Национальной системы мониторинга окружающей среды Республики Беларусь – проект Всемирного банка и Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь (1 января 2002 г. – 1 апреля 2003 г.);

Экологическое информирование в судебной системе – проект Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Беларусь (1 июня – 30 октября 2003 г.);

Анализ экологического законодательства – проект Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и Министерства природных

ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь (1 июля – 1 декабря 2004 г.);

Разработка проекта Национального плана действий по рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей среды на 2006–2010 гг. – проект Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь (1 апреля – 1 ноября 2005 г.);

Подготовка проекта Экологического кодекса Республики Беларусь – проект Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и государственного научного учреждения «Институт государства и права Национальной академии наук Беларуси» (1 июня – 30 ноября 2006 г.);

Участие научной общественности в разработке Экологического кодекса Республики Беларусь – проект юридического факультета Белорусского государственного университета и Общественного объединения «Экоправо» (18 октября 2005 г. – 30 сентября 2006 г.);

Программа развития ООН «Построение потенциала в области Стратегической экологической оценки и в области реализации природоохранных конвенций в Республике Беларусь», а также Программы ТЕМПУС-ТАСИС «Разработка нового учебного плана в области европейского экономического права» (2009–2010 гг.);

Правовые основы устойчивого развития на местном уровне (ЕС/ПРООН-ООН, 2010);

Анализ нормативной правовой базы в сфере лесопользования и лесопользования, структуры и динамики нарушений лесного и природоохранного законодательства, разработка проектов дополнений и изменений в нормативные правовые акты в целях их совершенствования в контексте ФЛЕГ (2010 г.) – Программа, реализуемая Всемирным Банком совместно с Международным союзом охраны природы и Всемирным фондом дикой природы;

Совершенствование правоприменения и управления в лесном секторе (ФЛЕГ) в странах Европейской политики добрососедства и в России (2011 г.);

Проект по созданию специализированных направлений «Право социального обеспечения» и «Экоправо» (Министерство иностранных дел Королевства Нидерланды, Агентство США по Международному Развитию (USAID), Фонд «Евразия», 28.06.2010–23.12.2011);

Совместный проект юридического факультета БГУ и организации «Фонд Евразия» по поддержке юридического клинического образования в Республике Беларусь (2010–2011 гг.);

«Правовое обеспечение альтернативных способов урегулирования конфликтов и споров» в рамках программы ТЕМПУС. Координатор Университет Потсдама (Германия), 5 университетов из ЕС (Германия, Италия, Литва, Польша), 5 университетов стран-партнеров (Беларусь и Украина), ОО «Белорусский республиканский союз юристов» (2013–2016 гг.);

Безопасность человека (охрана окружающей среды, контроль качества продуктов питания, охрана здоровья, социально-правовая защита) на территориях, пострадавших от радиоактивного загрязнения – в рамках программы ТЕМПУС;

Академическое сотрудничество с Институтом прав человека и гуманитарного права имени Рауля Валленберга, Лундским университетом (Швеция) при финансовой поддержке Шведского агентства по международному сотрудничеству в целях развития (2012–2019 гг.).

Важным аспектом для развития кафедры является межвузовское партнерство с известными зарубежными университетами и их подразделениями:

Вильнюсский университет;

Киевский университет права;

Левобережный университет (Лондон);

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Национальная юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого (Украина);

Университет Пикардии имени Жюль Верна (Франция);

Университет Эрланген-Нюрнберг (Федеративная Республика Германия);

Университет Граца (Австрия);

Университет г. Марбурга (Федеративная Республика Германия);

Южно-Уральский государственный университет;

Юридический факультет Киевского национального университета имени Тараса Шевченко;

Юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова;

Юридический факультет Львовского Национального университета;

Юридический факультет Университета Каменского (г. Братислава);

Факультет права и экономики (г. Лимож) и др.

Мы должны вписать золотыми буквами в историю кафедры экологического и аграрного права такие имена наших коллег и партнеров ряда зарубежных вузов, как:

Андрейцев Владимир Иванович; Балюк Галина Ивановна; Боголюбов Сергей Александрович; Бринчук Михаил Михайлович; Гетьман Анатолий Павлович; Голиченков Александр Константинович; Елюбаев Жумагельды Сакенович; Кисс Александр; Краснова Мария Васильевна; Малышева Наталья Рафоэльевна; Мацкевич Игорь Михайлович; Петров Владислав Васильевич; Сафин Завдат Файзрахманович; Устюкова Валентина Владимировна; Шемшученко Юрий Сергеевич и др.

Значительную роль кафедра экологического и аграрного права играет в реформировании национального законодательства и формировании институтов гражданского общества.

Каждое государство и гражданское общество, объединяя граждан, нуждаются в постоянном формировании, передаче и закреплении стереотипа активного правомерного поведения в области рационального природопользования и охраны окружающей среды.

Именно это определяет особую роль кафедры экологического и аграрного права БГУ в формировании и развитии институтов гражданского общества. При этом базовым принципом выполнения данной роли является принцип мягкого, непрямого воздействия, в том числе за счет аккумуляции социальной практики с ее последующим научно-практическим осмыслением и предложением обоснованных принципов для изменения социальных практик.

Сотрудники кафедры участвовали в организации и активно взаимодействуют со структурами и профессиональными общественными организациями (ОО «Экоправо», ОО «Центр устойчивого развития», ОО «Белорусский республиканский Союз юристов», Юридическая клиника БГУ).

Кафедра практикует различные методы и формы работы:

- информационную (развитие системы правовой информации, обеспечение реализации права граждан на получение своевременной достоверной информации о состоянии окружающей среды, государственных органах и процедурах, системе институтов гражданского общества (комментирование нормативных правовых актов, выступление с лекциями и мастер-классами перед различными социальными и возрастными группами, формирование ответственного поведения в правовой сфере));
- правовую (экспертиза и участие в разработке законопроектов, посвященных данной сфере, анализ действующего законодательства по различным проблемам, в том числе по развитию отдельных институтов гражданского общества);
- социальную (вовлечение максимально большего количества людей в сферу гражданского общества);
- образовательную и научную (выполнение методологических и методических функций по развитию национальной системы экологического образования, научное осмысление практической деятельности важнейших государственных органов в рамках научно-консультативных советов);
- международную (сотрудничество с международными структурами в рамках развития институтов гражданского общества).

В качестве отдельных мероприятий можно выделить:

- участие в ежегодном и перспективном планировании законодательства (осуществляется по поручению Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь в первой половине каждого года);
- включение сотрудников и преподавателей (их коллективов) в научные коллективы по разработке проектов нормативных правовых актов, участие в анализе проектов нормативных правовых актов, разработке концепций законопроектов, выступление с лекциями перед работниками правотворческих и правоприменительных органов;
- работа в научно-консультативных советах государственных органов;

- научное редактирование (участие в редакционных коллегиях) и рецензирование научно-практических журналов (Судовы веснік, Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь, Право.ВУ, Юстыцыя Беларусі, Журнал Белорусского государственного университета. Право и т. д.);

- организация на базе факультета юридической клиники как особой инновационной формы юридического экологического образования;

- проведение конференций, в том числе международных, с приглашением иностранных участников;

- проведение научных исследований, в том числе по поручению институтов гражданского общества (ПРООН, ОБСЕ и т. д.);

- разработка инновационных методов образования, разработка образовательного стандарта, учебных программ, иных учебно-методических документов;

- сотрудничество с государственными органами и субъектами гражданского общества (обсуждение актуальных проблем нормативного регулирования деятельности отдельных институтов гражданского общества, разработка конкретных нормотворческих инициатив, анализ правоприменительной практики, ее научное осмысление, определение стратегических основ правовой политики в отдельных областях);

- организация советов по защите диссертаций, научных экспертиз диссертаций и т. д., участие в работе Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь;

- организация взаимодействия с отдельными институтами гражданского общества по проведению круглых столов, конференций, встреч.

Кафедра видит важные перспективы и новые этапы развития. К таким направлениям можно отнести исследования «Электронное правительство в области природопользования и охраны окружающей среды», правовое моделирование, проект «Климат», тесное сотрудничество с Национальным центром устойчивого развития и другие направления деятельности.

Современная история кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белгосуниверситета только начинается и каждый из сотрудников не только имеет право, но и обязан вписать свои страницы в новейшую историю кафедры и юридического факультета Белорусского государственного университета.

Список использованных источников

1. Балашенко, С. А. Экологическое право : учебно-методическое пособие / С. А. Балашенко, А. И. Бобылёв. – Минск : БГУ, 1990. – 154 с.

2. Бобылёв, А. И. Вопросы общей теории экологического права / А. И. Бобылёв, С. А. Балашенко. – Минск: Изд-во Университетское, 1991. – 124 с.

3. Балашенко, С. А. Наставления о производстве по делам о лесонарушениях / С. А. Балашенко. – Минск : Минлесхоз, 1992. – 96 с.

4. Балашенко, С. А. Международно-правовая охрана окружающей среды и права человека : учеб. пособие / С. А. Балашенко, Т. И. Макарова. – Минск : Word Wide Printing, ООН/ПРООН, 1999. – 256 с.
5. Балашенко, С. А. Экологическое право : учеб. пособие / С. А. Балашенко, Д. М. Демичев. – Минск : Ураджай, 1999. – 398 с.
6. Балашенко, С. А., Право на благоприятную окружающую среду (как его защитить?) : научно-практическое пособие / С. А. Балашенко, Т. И. Макарова, Е. В. Лаевская ; под ред. Е. В. Лаевской, Т. И. Макаровой. – Минск : World Wide Printing, 2000. – 168 с.
7. Руководство о порядке организации и проведения проверок соблюдения законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов / С. А. Балашенко, Т. И. Макарова, В. Е. Лизгаро [и др.]. – Минск: Юнипак, 2003. – 280 с.
8. Review of Dnipro Basin Biodiversiti Legislation ensuring Public Participation and Support / S. A. Balashenko, T. I. Makarova, V. E. Lizgaro [and others] // Conservation of Biological and Landscape Diversity in the Dnipro (Dnieper) River Basin: Water quality research journal of Canada. – 2005. – № 6. – Burlington, Ontario. – P. 68–82.
9. Экологическое право : учеб. пособие / С. А. Балашенко [и др.] ; под ред. Т. И. Макаровой, В. Е. Лизгаро. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – 514 с.
10. Лаевская, Е. В. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь от 26 ноября 1992 года «Об охране окружающей среды» в редакции Закона от 17 июля 2002 года / Е. В. Лаевская, В. Е. Лизгаро, Т. И. Макарова. – Минск : Тонпик, 2005. – 272 с.
11. Экологическое право : учебник / С. А. Балашенко [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – 501 с.
12. Балашенко, С. А. Экологическое право : учебник / С. А. Балашенко, Т. И. Макарова, В. Е. Лизгаро. – 2-е изд., перераб. – Минск : Вышэйшая школа, 2021. – 399 с.

Карпович Н. А.

**ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВА ГРАЖДАН НА БЛАГОПРИЯТНУЮ
ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ В СВЕТЕ РАЗРАБОТКИ ПРОЕКТА
ИЗМЕНЕНИЙ В КОНСТИТУЦИЮ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ekolog_310@mail.ru*

Конституцией Республики Беларусь гарантировано право каждого на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права (ч. 1 ст. 46), которое рассматривается как условие обеспечения благосостояния человека и осуществления иных его основных прав, включая право на жизнь, право на охрану здоровья как неотчуждаемого блага каждого, и других. Содержание права на благоприятную окружающую среду и конституционные гарантии его реализации, принципы деятельности

государства и его органов по реализации этого права определяются рядом положений Конституции, согласующихся с международно-правовыми стандартами.

Так, конституционным нормам о праве граждан на информацию о состоянии окружающей среды (ч. 1 ст. 34) корреспондируют положения ряда международных документов о праве каждого жить в окружающей среде, благоприятной для его здоровья и благосостояния, об обязанности как индивидуально, так и совместно с другими охранять и улучшать окружающую среду на благо нынешнего и будущих поколений.

Согласно ст. 59 Конституции государственные органы, должностные и иные лица обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности. Так, к полномочиям Парламента прямо отнесено регулирование основополагающих принципов и норм охраны окружающей среды, рационального природопользования (ч. 1 ст. 97 Конституции). Дискреция законодателя при этом ограничена необходимостью защиты и обеспечения конституционно значимых ценностей, достижения справедливого равновесия – баланса между конституционными правами и обязанностями как основополагающего условия безопасного устойчивого развития общества. Из норм Конституции вытекает, что законодательное регулирование экономической деятельности, связанной с воздействием на окружающую среду, должно осуществляться таким образом, чтобы через выполнение каждым его конституционного долга охранять природную среду обеспечивался баланс интересов субъектов этой деятельности и интересов человека и общества в целом, гарантировалось поддержание благоприятной окружающей среды, соблюдение и защита экологических прав граждан. На основе норм Конституции Конституционным Судом Республики Беларусь сформулирован также принцип приоритета публичных интересов при правовом регулировании отношений в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности (решение от 6 июля 2016 г. № Р-1047/2016).

На конституционном уровне закреплён долг каждого охранять природную среду (ст. 55), который приобретает юридическое значение общеобязательного веления объективно-субъективного характера, обеспечиваемого государством в целях создания надлежащих условий для реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду; при этом должны создаваться правовые условия для осознания каждым необходимости выполнения данного конституционного долга (решения Конституционного Суда от 21 апреля 2014 г. № Р-920/2014, от 10 декабря 2019 г. № Р-1201/2019 и от 17 апреля 2015 г. № Р-978/2015).

Конституцией предусмотрена также исключительная собственность государства на некоторые природные ресурсы (ч. 6 ст. 13). На международном уровне такая собственность выступает элементом суверенитета государства и восходит к принципу суверенного равенства государств, закреплённому в международно-правовых актах. Вместе с тем,

исходя из ст. 44 Конституции (ч. 6), осуществление права собственности не должно наносить вреда окружающей среде.

Важно, что обеспечение благоприятного состояния окружающей среды остается сферой ответственности государства и в интеграционных отношениях, что обуславливает соответствующие задачи его органов при осуществлении интеграционного взаимодействия, формирования надлежащего экологического правового пространства в рамках ЕАЭС с учетом международных экологических стандартов и на основе повышения экологической культуры (решения Конституционного Суда от 6 июня 2014 г. № Р-926/2014 и от 17 апреля 2015 г. № Р-978/2015).

Неразрывной является связь права каждого на благоприятную окружающую среду и обязанностей государства по реализации мер сбалансированного социально-экономического и экологосовместимого развития, включая обеспечение рационального природопользования (ч. 2 ст. 46 Конституции), что обуславливает обязанность государства осуществлять эффективный государственный контроль за соблюдением законодательства в области охраны окружающей среды, видами и размерами возможного воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности, сохранением биологического и ландшафтного разнообразия, финансирования охраны окружающей среды (решения Конституционного Суда от 16 октября 2012 г. № Р-759/2012, от 17 апреля 2015 г. № Р-978/2015 и др.).

В современный период можно констатировать высокий динамизм изменений в мире, трансформацию функций национального государства. Ясно обозначилась роль безопасности, в том числе экологической, как основы благополучия и достойной жизни граждан. Во многих зарубежных странах в конституции внесены изменения, которые отражают важность в этих условиях гарантирования ценности конституционной стабильности, с одной стороны, и сохранения правовых достижений и ценностей развития, отвечающих вызовам современной эпохи, модернизации конституционно-правовой системы, с другой. При этом идеи экологической безопасности, права каждого жить в здоровой окружающей среде остаются неизменными. Однако в конституциях разных стран они получают содержательное наполнение, находят развитие гарантии реализации соответствующих прав. Например, закрепляется право каждого жить в условиях здоровой окружающей среды; собирать сведения о подлинном ее состоянии и получать возмещение за ущерб, нанесенный здоровью и имуществу в связи с экологическим правонарушением (Республика Азербайджан); устанавливается, что государство стимулирует охрану, улучшение и восстановление окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов, руководствуясь принципом устойчивого развития и учитывая ответственность перед будущими поколениями; каждый обязан проявлять заботу об охране окружающей среды (Республика Армения) и др.

Концептуальной основой проводимой сейчас работы по подготовке изменений в Конституцию Республики Беларусь является важность как сохранения преемственности в конституционном развитии Беларуси, так и

его модернизация, в том числе укрепление правового фундамента социального прогресса в экологической сфере, расширение гарантий экологических прав в иных отношениях.

Так, в отечественных эколого-правовых исследованиях предлагается закрепить в Конституции статус лесов, недр, вод как национального достояния, уточнить либо исключить из ее положений понятие «исключительная собственность государства». Такой подход в определенной степени прослеживается в конституциях Армении, Казахстана, Российской Федерации и др.

В связи с этим необходимо отметить, что национальное достояние понимается как абсолютное общественное благо, не имеющее собственника в лице одного человека, но принадлежащее всей нации; его признаками выступают универсальность, уникальность, неценимость, неотчуждаемость, принадлежность народу. Такой подход учитывается и в практике Конституционного Суда, который отмечает, что недра, воды, леса составляют исключительную собственность государства, которая, являясь общественным достоянием, удовлетворяет общественные потребности, призвана служить интересам всего общества не только в настоящем, но и в будущем; это отвечает положению преамбулы Конституции, декларирующему ответственность народа Беларуси за ее настоящее и будущее (решение от 6 июля 2016 г. № Р-1047/2016).

В ряде научных работ также указывается, что закрепление в Конституции юридической конструкции «национальное достояние» носило бы декларативный характер, поскольку не выработаны юридические формы реализации обществом (народом в целом) соответствующих правомочий, вытекающих из обладания этим достоянием; такое закрепление требует уточнения его соотношения с нормами, определяющими формы (виды) собственности (ч. 1 ст. 13 Конституции).

Таким образом, действующая Конституция закрепляет право на благоприятную окружающую среду как неотъемлемое конституционное право каждого. В Конституции определены условия и порядок многоаспектной деятельности органов государства и иных субъектов отношений исходя из ответственности перед народами и будущими поколениями за реализацию этого права, общности интересов разных государств в охране природной среды. Вместе с тем в конституционном регулировании экологических отношений должны учитываться многообразное воздействие глобализации на все сферы общественных отношений, а также соблюдаться требования правовой обеспеченности и правовой определенности. Исходя из постоянства запроса общества на гарантирование экологических прав, достижений деятельности государства в этом направлении, актуально дальнейшее развитие конституционных гарантий обеспечения благоприятного состояния окружающей среды, эффективного осуществления экологической функции государства.

Кузьмич И. П.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ ВЕТЕРИНАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ekolog_310@mail.ru

Законодательство Республики Беларусь не содержит универсального определения понятия биологической безопасности, фрагментарно используя данный термин в нормативных правовых актах, наполняя его разным содержанием в зависимости от сферы общественных отношений в рамках которых наиболее очевиден риск возникновения угроз соответствующего характера. Это, например, военная сфера, сфера здравоохранения, обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, экологической и ветеринарной безопасности и некоторые другие. Так, в сфере здравоохранения биологическая безопасность характеризуется как система организационных, медико-биологических и инженерно-технических мероприятий и средств, направленных на защиту работников, населения и окружающей среды от воздействия условно-патогенных микроорганизмов и патогенно биологических агентов (постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 6 января 2017 г. № 2 «Об утверждении Санитарных норм и правил “Требования безопасности при осуществлении работ с условно-патогенными микроорганизмами и патогенными биологическими агентами, к организации и проведению их учета, хранения, передачи и транспортировки”»), а в ветеринарии – это комплекс мер, направленных на снижение угрозы заноса и распространения заразных болезней животных (Инструкция о порядке проведения регионализации, утверждена постановлением Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 16 мая 2017 г. № 31). В части действия Конвенции о биологическом разнообразии от 17 ноября 1995 г. и Картахенского протокола по биобезопасности от 29 января 2000 г., к которым Республика Беларусь присоединилась в 2002 г., биобезопасность рассматривается в контексте применения современной биотехнологии, способной оказать неблагоприятное воздействие на сохранение и устойчивое использование биологического разнообразия, с учетом также рисков для здоровья человека и с уделением особого внимания трансграничному перемещению любого живого измененного организма.

Отсутствие комплексного видения проблем, представляющих биологическую опасность, не позволяет объективно оценивать риски и своевременно выявлять угрозы по направлениям и в сферах, на первый взгляд напрямую не связанных с обеспечением биологической безопасности, а также выстроить систему законодательства, учитывающую все разнообразие общественных отношений, влияющих на состояние биологической безопасности. Не созданы предпосылки для формирования единой правовой основы и в рамках Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики

Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, в связи с отсутствием не только упоминания о биологической опасности в целом, но и о каких-либо отдельных аспектах, находящихся во взаимосвязи с данным видом угрозы.

В наиболее широком смысле понятие биологической безопасности представлено в Постановлении Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств № 35-11 «О Рекомендациях по гармонизации и унификации законодательства государств – участников СНГ в сфере обеспечения химической и биологической безопасности» (принято в г. Санкт-Петербурге 28 октября 2010 г.). Биологическая безопасность рассматривается как состояние защищенности человека и окружающей среды от воздействия патогенных биологических агентов, обеспечиваемое путем осуществления системы политических, правовых, экономических, технологических, организационных и иных мер. При этом под патогенными биологическими агентами понимаются микроорганизмы (бактерии, вирусы, хламидии, риккетсии, простейшие, грибы, микоплазмы), прионы, генно-инженерно-модифицированные организмы, яды биологического происхождения (токсины), способные при попадании в организм человека или животного вызвать клинически выраженное заболевание или носительство, а также любые объекты и материалы, подозрительные на содержание перечисленных агентов.

Опираясь на данный подход, позволяющий получить наиболее полное представление о состоянии биологической безопасности, предлагается рассмотреть проблему в контексте ветеринарного законодательства, затрагивая при этом аспект, не нашедший в нем прямого отражения. Речь идет о проблеме распространения резистентности (устойчивости) микроорганизмов к противомикробным препаратам. Например, в Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу, утвержденных Указом Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97, распространение антимикробной резистентности обозначено в качестве одной из основных биологических угроз. И это не случайно. Антимикробная резистентность в настоящее время – одна из главных угроз глобальному сообществу [1]. Уже сегодня от лекарственно-устойчивых заболеваний в мире ежегодно умирают 700 тысяч человек, а к 2050 г. болезни, вызванные бактериями, устойчивыми к антибиотикам, будут убивать ежегодно около 10 миллионов человек [2]. И если эта проблема не будет решена, то в ближайшей перспективе самые обычные инфекции могут снова стать смертельными. Это означает, что бесконтрольное применение ветеринарных препаратов, относящихся к противомикробным, для лечения животных является прямой угрозой для здоровья людей и роль ветеринарного законодательства в решении данной проблемы приобретает особое значение.

Осознание реальности и масштаба данной угрозы на международном уровне нашло свое отражение в Кодексе здоровья наземных животных, содержащем целый ряд глав (гл. 6.7–6.11), посвященных проблеме

резистентности, нацеленных на сдерживание ее распространения [3]. Изменение национального ветеринарного законодательства в соответствии с рекомендациями ООН по ограничению использования противомикробных препаратов в животноводстве – существенный шаг в формировании эффективного правового механизма обеспечения биологической безопасности в стране.

В связи с этим необходимо отметить, что в Республике Беларусь сферы здравоохранения и ветеринарии разделены. Это отражается на характере и полноте требований, предъявляемых к ветеринарным препаратам. Правовую основу обращения на рынке лекарственных средств составляют нормы Законов «О здравоохранении» от 18 июня 1993 г. № 2435-XII и «Об обращении лекарственных средств» от 20 июля 2006 г. № 163-З, а ветеринарных препаратов – Закона «О ветеринарной деятельности» от 2 июля 2010 г. № 161-З. Никакой взаимосвязи между нормами данных законодательных актов не прослеживается. В отношении лекарственных средств и ветеринарных препаратов предусмотрена государственная регистрация и ведение соответствующих государственных реестров. Но процедуры государственной регистрации, как и сами реестры, также никак не связаны между собой. В сфере здравоохранения действуют приказы Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 29.12.2015 г. № 1301 «О мерах по снижению антибактериальной резистентности микроорганизмов», от 16.03.2012 г. № 292 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения мониторинга резистентности клинически значимых микроорганизмов к антибактериальным лекарственным средствам в организациях здравоохранения». В сфере ветеринарии ни одного нормативного правового акта, посвященного данной проблеме, не принято.

Одновременно в рамках права ЕАЭС идет процесс по формированию по сути общего правового режима обращения на рынке лекарственных средств, в том числе используемых для ветеринарных целей, позволяющего существенно повысить требования к качеству и безопасности ветеринарных препаратов, обеспечить надлежащий контроль и надзор за их обращением на рынке. Это подтверждается положениями Правил надлежащей производственной практики Евразийского экономического союза (Решение Совета Евразийской экономической комиссии, 3 ноября 2011 г., № 77), которые распространяются и на ветеринарные лекарственные средства, требованием о соответствии регистрационных досье ветеринарных лекарственных средств Фармакопеи Евразийского экономического союза (Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии, 11 августа 2020 г., № 100), установлением по сути единых требований к маркировке лекарственных средств для медицинского применения и ветеринарных лекарственных средств (Решение Совета Евразийской экономической комиссии, 3 ноября 2016 г., № 76).

Анализ ветеринарного законодательства Республики Беларусь свидетельствует о том, что в отношении противомикробных препаратов в сфере ветеринарии не установлено особого правового режима, не

осуществляется мониторинг за их обращением на рынке, не предусмотрено повышенных требований к их утилизации, маркировке, упаковке, рекламе, отсутствует прямой запрет на их использование при производстве кормов, кормовых добавок, в том числе премиксов. Правовые категории «противомикробный препарат», а также «лечебный корм» законодательно не закреплены. Все вышеизложенное свидетельствует, что Республике Беларусь следует кардинальным образом пересмотреть свое национальное законодательство в контексте вовлечения в международный процесс по ограничению бесконтрольного применения противомикробных препаратов как при лечении людей, так и животных, что существенно повысит уровень обеспечения биологической безопасности в стране.

Список использованных источников

1. Устойчивость к противомикробным препаратам [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. – Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/antimicrobial-resistance>. – Дата доступа: 10.05.2021.

2. К 2050 году устойчивые к антибиотикам инфекции будут уносить 10 миллионов жизней ежегодно [Электронный ресурс] // Новости ООН. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2019/04/1354081>. – Дата доступа: 11.05.2021.

3. Кодекс здоровья наземных животных (МЭБ). Том 1. Общие положения. Двадцать восьмое издание, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fsvps.gov.ru/fsvps-docs/ru/oie/oie_terrestrial_code_g_t1.pdf. – Дата доступа: 10.05.2021.

Лизгаро В. Е.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ: НОВАЦИИ И ПЛАНИРУЕМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ¹

Белорусский государственный университет,

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ekolog_310@mail.ru

Эколого-правовая ответственность выступает важным звеном обеспечения охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. «Об охране окружающей среды» закрепляет ответственность за нарушение законодательства в рассматриваемой сфере в качестве одного из принципов, на которых должна осуществляться хозяйственная и иная деятельность юридических лиц и граждан, оказывающая воздействие на окружающую среду.

Институт эколого-правовой ответственности в силу своего межотраслевого характера [1; 2, с. 113–150] претерпел определенные

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ в рамках гранта «Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства государств – членов Евразийского экономического союза».

изменения в связи с принятием новых нормативных правовых актов иного отраслевого содержания – Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 (КоАП) и Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-3.

Среди множества новелл указанных законодательных актов – появление норм, определяющих условия освобождения от ответственности за административные правонарушения против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования (далее – экологические правонарушения). Принципиально новые правила освобождения от ответственности установлены в Общей части КоАП (глава 8). В примечании к структурной части КоАП, посвященной экологическим правонарушениям (глава 16), определены условия, при совокупности которых лицо, совершившее такое правонарушение, освобождается от административной ответственности. К таковым относятся: признание лицом факта совершения правонарушения и выражение согласия на освобождение от административной ответственности с вынесением предупреждения; отсутствие признака повторности (в течение 1 года до совершения правонарушения на лицо не налагалось административное взыскание и лицо не освобождалось от административной ответственности с вынесением предупреждения за такое же административное правонарушение); при наличии вреда, причиненного окружающей среде в результате совершения правонарушения, его добровольное возмещение до объявления постановления по делу об административном правонарушении. При этом согласно анализируемой норме лицу выносится предупреждение, которое в соответствии с КоАП 2021 г. уже не является видом административного взыскания (ст. 6.2), как это было ранее (ст. 6.2 КоАП 2003 г.), а переведено в разряд профилактических мер воздействия (ст. 5.1 КоАП 2021 г.). Предупреждение состоит в письменном предостережении лица, совершившего административное правонарушение, о недопустимости противоправного поведения с его стороны и правовых последствиях повторного совершения данного административного правонарушения. При его вынесении лицо не будет считаться привлеченным к административной ответственности, так как по общему правилу, закрепленному в ч. 2 ст. 5.1 нового КоАП, предупреждение как профилактическая мера воздействия применяется при освобождении лица, совершившего административное правонарушение, от административной ответственности.

Как было указано выше, одним из обязательных условий освобождения от административной ответственности за экологические правонарушения выступает добровольное возмещение вреда, причиненного окружающей среде. Можно утверждать, что обязанность по возмещению такого вреда является одновременно мерой ответственности для его причинителя и правовым средством защиты государственных и общественных интересов.

Особенности возмещения вреда, причиненного окружающей среде, установлены в законодательстве об охране окружающей среды и

рациональном использовании природных ресурсов, а при возмещении вреда в денежной форме для исчисления применяется Указ Президента Республики Беларусь от 24 июня 2008 г. № 348 «О таксах для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде».

В феврале 2021 г. на публичное обсуждение был вынесен проект Указа Президента Республики Беларусь «Об изменении указов Президента Республики Беларусь» (в первоначальном варианте предполагалось принимать специальный нормативный правовой акт в форме указа, а название его проекта звучало «О порядке освобождения юридических лиц и граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, от возмещения вреда, причиненного окружающей среде, стоимости незаконно добытой продукции»), предусматривающий закрепление в законодательстве механизма освобождения субъектов хозяйствования, а также граждан от возмещения вреда, причиненного окружающей среде (далее – Проект) [3].

Проектом предполагается внесение изменений в Указы Президента Республики Беларусь от 3 ноября 2005 г. № 520 «О совершенствовании правового регулирования отдельных отношений в экономической сфере», от 23 июля 2015 г. № 340 «О порядке освобождения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей от административных взысканий и уплаты пеней» и утверждение Положения о порядке освобождения от возмещения вреда, причиненного окружающей среде. Полномочия по принятию таких решений планируется делегировать Межведомственной комиссии по освобождению от административных взысканий, уплаты пеней, возмещения вреда, причиненного окружающей среде, а право ходатайствовать об освобождении предоставить лицам, действия которых не были связаны с умышленным причинением вреда окружающей среде. Из смысла Проекта следует, что для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей полное либо частичное освобождение от возмещения вреда может сопровождаться условием по реализации природоохранных мероприятий, направленных на улучшение состояния окружающей среды (например, устройство очистных сооружений, рекультивация нарушенных земель, уменьшение объемов (предотвращение) образования отходов производства и др.). Однако критерии, на основании которых лицо освобождается от возмещения вреда полностью, частично либо с соблюдением вышеуказанных условий, не называются. Хотелось бы также обратить внимание, что Законом Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» для различных природоохранных целей предусматривается создание государственных целевых бюджетных фондов охраны природы, одним из источников формирования которых могут быть средства, полученные в счет возмещения вреда, причиненного окружающей среде (ст. 84). Данная норма ежегодно приостанавливается, начиная с 2012 г., однако о необходимости возврата к функционированию фондов охраны природы говорится в стратегических документах, разработанных в республике [4, с. 64].

Таким образом, Проект фактически воспроизводит концепцию экономического механизма охраны окружающей среды через принятие единичных решений об освобождении от возмещения вреда в отношении отдельных субъектов с обязанностью направить данные средства на природоохранные мероприятия. Проектом также предусматривается, что ходатайства об освобождении подаются при условии, что размер вреда, подлежащий возмещению, в соответствии с претензией составляет не менее тысячи базовых величин для юридических лиц либо размера годового дохода на первое число месяца подачи ходатайства – для физических лиц (в том числе индивидуальных предпринимателей). Следовательно, нормы об освобождении от возмещения вреда, причиненного окружающей среде, распространяются только на лиц, причинивших вред в существенном размере, что не является логичным.

Представляется, что в случае принятия анализируемого проекта Указа Президента Республики Беларусь возникнет необходимость внесения соответствующих изменений в Закон «Об охране окружающей среды» в виде общих норм об освобождении от возмещения вреда, причиненного окружающей среде, в связи с тем, что данный нормативный правовой акт устанавливает общие принципы и подходы в регулировании экологических отношений, а также консолидирует систему экологического законодательства [5, с. 78–79].

Список использованных источников

1. Бринчук, М. М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности / М. М. Бринчук // Государство и право. – 2009. – № 4. – С. 39–48.
2. Юридическая ответственность за экологические правонарушения / М. М. Бринчук [и др.]; отв. ред. О. Л. Дубовик. – М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 2012. – 170 с.
3. Проект Указа Президента Республики Беларусь «Об изменении указов Президента Республики Беларусь» [Электронный ресурс] // Правовой форум Беларуси. – Режим доступа: <https://forumpravo.by/forums/npa.aspx?forum=15&topic=16054>. – Дата доступа: 14.05.2021.
4. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. : одобрена на заседании Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 10 февраля 2015 г. // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2015. – № 4. – С. 2–99.
5. Макарова, Т. И. Проблемы систематизации комплексных отраслей законодательства в свете принятия нового Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» / Т. И. Макарова, И. П. Кузьмич, В. Е. Лизгаро, И. С. Шахрай // Pravo.by. – 2019. - № 3. – С. 76–84.

Шахрай И. С.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ СОГЛАСОВАННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИРОДОРЕСУРСНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ekolog_310@mail.ru

Как известно, формирование экологического права и законодательства происходило под влиянием двух тенденций – дифференциации и интеграции, соотношение которых менялось в зависимости от конкретного исторического этапа. Так, в 1960–1970-е гг. осуществлялась систематизация как природоохранных, так и природоресурсных норм; результатом этого процесса явилось принятие союзного законодательства об охране природы, о земле, недрах, водах, лесах, животном мире, а впоследствии – соответствующих законов (кодексов) союзных республик (но все же в тот период основной акцент делался на необходимости разработки комплексных природоохранных законов). Начиная с 1990-х гг. происходило обновление экологического и природоресурсного законодательства в новых социально-экономических условиях, в том числе с учетом трансформации отношений собственности на природные ресурсы. Можно констатировать, что заложенные еще в советский период подходы к построению системы и соотношению природоохранного и отраслевого природоресурсного законодательства в целом сохраняются как в Республике Беларусь, так и в иных государствах постсоветского пространства.

На современном этапе земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, растительном и животном мире сложилось в достаточно системном виде [1, с. 13, 15], а природоресурсные кодексы и законы Республики Беларусь обладают определенным сходством по структуре и содержанию. Вместе с тем общее законодательство об охране окружающей среды и отдельные отрасли природоресурсного законодательства по-прежнему «существуют в некотором отрыве друг от друга» [2, с. 230], что требует обеспечения единых подходов к регулированию природоресурсных отношений с учетом специфики конкретных природных ресурсов.

Еще в период формирования экологического права как отрасли в правовой доктрине указывалось на важность согласования головного природоохранного закона и отраслевого природоресурсного законодательства [3; 4, с. 71–74], при этом подчеркивалась центральная роль такого закона, который должен давать направление земельному, водному, лесному и иным отраслям природоресурсного законодательства. В рамках научной дискуссии об интеграции правового регулирования общественных отношений в сфере взаимодействия общества и природы советскими авторами нередко высказывалось мнение о необходимости принятия общего природоресурсного закона либо включения блока норм о природопользовании в закон об охране природы [5; 6]. Предложения о систематизации общих положений о природопользовании в рамках

отдельного закона (базового межотраслевого комплексного законодательного акта [7, с. 145], кодифицированного природоресурсного акта [8]) высказываются и современными исследователями.

В Республике Беларусь функция консолидации природоресурсного законодательства возложена на Закон от 26 ноября 1992 г. (в редакции от 17 июля 2002 г.) «Об охране окружающей среды», который, однако, выполняет эту роль не всегда успешно. Данная проблема многоаспектна – обусловлена более низкой юридической силой данного Закона по сравнению с природоресурсными кодексами, установлением в ст. 2 приоритета природоресурсного законодательства перед Законом «Об охране окружающей среды» при определении правового режима природных ресурсов и иными причинами, на которые неоднократно обращалось внимание отечественными учеными [9–12]. Однако не меньшее значение имеет содержательный аспект и ответ на вопрос о том, насколько имеющиеся в Законе общие нормы об использовании природных ресурсов способны создать ориентиры для отраслевого природоресурсного законодательства.

Закон «Об охране окружающей среды» содержит понятие природных ресурсов (при отсутствии хотя бы примерного перечня таких ресурсов), природопользования (ст. 1); в числе принципов правового регулирования охраны окружающей среды (ст. 4) называет ряд основополагающих начал регулирования природоресурсных отношений; очерчивает круг полномочий органов государственного управления, в том числе в природоресурсной сфере (ст. 8–11); раскрывает содержание некоторых организационных механизмов (например, учета используемых природных ресурсов, ведения государственных кадастров природных ресурсов – ст. 71, 72). Непосредственно праву природопользования посвящена ст. 16 Закона, которая закрепляет признаки общего и специального природопользования. При этом в Законе «Об охране окружающей среды» не содержится перечня правовых форм использования природных ресурсов; основания возникновения права специального природопользования сформулированы в усеченном виде; не содержится прямого указания на возможность применения к природопользователям мер в виде приостановления, ограничения, прекращения права пользования; не упоминаются многие специальные организационно-правовые механизмы, характерные для природоресурсной сферы (различные виды пространственно-территориального устройства, государственная регистрация), либо не определяется область их применения (например, в отношении такой формы контроля, названной в ст. 87 Закона, как полевые контрольные мероприятия).

В результате в каждой из природоресурсных отраслей упомянутые и иные вопросы решаются с достаточной долей различий, обусловленных не только особенностями отдельных природных ресурсов, но зачастую также сложившимися традициями в данной сфере правового регулирования, различием субъектов нормотворческой деятельности (например, в разработке лесного законодательства широко задействовано Министерство лесного хозяйства, которое в определенной степени является заинтересованным

субъектом ввиду наличия в его подчинении юридических лиц, ведущих лесное хозяйство, выполняющих не только управленческие, но и пользовательские функции [13]) и иными субъективными факторами.

Так, классификация права пользования на общее и специальное закреплена только Водным кодексом Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г., Законами Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. «О растительном мире» и от 10 июля 2007 г. «О животном мире», а общий перечень правовых форм пользования соответствующим ресурсом содержит лишь Кодекс Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. (ст. 3). В отраслевом природоресурсном законодательстве не сложились общие подходы к регулированию ряда вопросов в области государственного управления (например, по-разному закрепляются основания возникновения права пользования соответствующими ресурсами; критерии разграничения административного и аукционного порядка предоставления природных ресурсов в пользование; перечень специальных мер, применяемых в случае нарушения условий пользования (приостановление, ограничение, прекращение права природопользования), и компетенция государственных органов по принятию таких решений; механизм защиты прав пользователей при изъятии природных ресурсов для государственных нужд). Неравномерное развитие получили нормы, регулирующие механизм разрешения споров в сфере природопользования.

Основная причина такой ситуации, на наш взгляд, лежит в отсутствии законодательно закреплённых универсальных подходов к регулированию схожих отношений, возникающих в сфере использования и охраны отдельных природных ресурсов. Создание подобных ориентиров важно также с учетом того, что отнесение тех или иных составных частей окружающей среды к природным ресурсам достаточно условно, их значение и круг может изменяться по мере развития общественных отношений [14, с. 495], а значит, в перспективе возможно формирование новых отраслей природоресурсного законодательства.

Закрепление системообразующих норм природоресурсного содержания (с сохранением детального регулирования особенностей отдельных видов природоресурсных отношений отраслевым природоресурсным законодательством) возможно в Законе «Об охране окружающей среды». Еще одним вариантом является разработка программного документа, содержащего концепцию развития природоресурсного законодательства.

Список использованных источников

1. Шингель, Н. А. Природоресурсное право : учеб. пособие / Н. А. Шингель, И. С. Шахрай. – Минск : Вышэйшая школа, 2017. – 399 с.
2. Шингель, Н. А. Проблемы становления земельного законодательства Республики Беларусь / Н. А. Шингель // Проблемы развития юридической науки и совершенствования правоприменительной практики : сб. науч. тр. / редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2005. – С. 225–232.

3. Казанцев, Н. Д. О научных основах дифференциации и интеграции законодательства, регулирующего использование и охрану природных ресурсов / Н. Д. Казанцев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Право. – 1965. – № 2. – С. 3–13.

4. Полянская, Г. Н. Понятие охраны природы и природоохранительного законодательства / Г. Н. Полянская // Советское государство и право. – 1975. – № 9. – С. 69–76.

5. Казанцев, Н. Д. Природноресурсовое право и его пределы как интегрированной отрасли права / Н. Д. Казанцев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Право. – 1967. – № 6. – С. 3–9.

6. Балезин, В. П. К вопросу о природоресурсовом праве / В. П. Балезин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Право. – 1977. – № 1. – С. 11–19.

7. Природоресурсное законодательство в условиях модернизации экономики России: современные проблемы развития / Г. В. Выпханова, И. В. Ершова [и др.]; отв. ред. Н. Г. Жаворонкова; Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2014. – 160 с.

8. Зайчук, Г. И. Вопросы кодификации природоресурсного законодательства Республики Беларусь / Г. И. Зайчук // Правовая политика Республики Беларусь: современное состояние и перспективы развития: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6 дек. 2013 г. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол.: В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Ин-т радиологии, 2013. – С. 241–243.

9. Макарова, Т. И. Право природопользования как институт экологического законодательства (к вопросу о разработке Экологического кодекса Республики Беларусь) / Т. И. Макарова // Право и демократия: сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2006. – Спец. вып. – С. 108–120.

10. Макарова, Т. И. Системные дефекты экологического права и способы их преодоления / Т. И. Макарова // Современные приоритеты в развитии аграрного, земельного и экологического законодательства: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 2 марта 2012 г. / отв. ред.: В. В. Устюкова, Г. Л. Землякова. – Москва: ООО «Фото-Плюс», 2012. – С. 215–220.

11. Шахрай, И. С. Концептуальные проблемы формирования и развития природоресурсного законодательства Республики Беларусь / И. С. Шахрай, Н. А. Шингель // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 88–97.

12. Макарова, Т. И. Новый Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» и его влияние на систематизацию экологического, природоресурсного и аграрного законодательства / Т. И. Макарова, И. П. Кузьмич, В. Е. Лизгаро, И. С. Шахрай // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 10. – С. 57–65.

13. Шахрай, И. С. Проблемы правового регулирования лесных правоотношений в антикоррупционном контексте / И. С. Шахрай // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр., спец. темат. изд. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.] ; науч. ред. А. В. Солтанович. – Минск : Изд. центр БГУ, 2019. – Вып. 12. – С. 290–299.

14. Шахрай, И. С. К вопросу о закреплении в законодательстве понятия и содержания права природопользования / И. С. Шахрай // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2019. – Вып. 14. – С. 491–499.

Шингель Н. А.

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ekolog_310@mail.ru

В 2018–2020 гг. произошло существенное обновление законодательства об охоте и ведении охотничьего хозяйства, являющегося составной частью законодательства об охране и использовании животного мира. Изменение правового регулирования указанных отношений связано с принятием нового Указа Президента Республики Беларусь от 21 марта 2018 г. № 112 «Об охоте и ведении охотничьего хозяйства» (далее – Указ № 112) взамен действовавшего ранее аналогичного Указа Президента Республики Беларусь от 8 декабря 2005 г. № 580 «О некоторых мерах по повышению эффективности ведения охотничьего хозяйства и рыбохозяйственной деятельности, совершенствованию государственного управления ими», причем новый указ взял направленность на обособление «охотничьего» законодательства в относительно самостоятельную совокупность правовых норм.

После принятия в 2020 г. новой редакции Указа № 112 (в редакции Указа от 16 сентября 2020 г. № 345) системное регулирование данных отношений пошло по пути дифференциации правового регулирования охоты как вида природопользования и охотничьего хозяйства как вида хозяйственной деятельности. Новой редакцией Указа № 112 утверждены Правила охоты и Правила ведения охотничьего хозяйства, предусмотревшие ряд новаций, в том числе отдельное закрепление понятийно-категориального аппарата.

Новый этап правового регулирования отношений в сфере охоты и ведения охотничьего хозяйства требует научного исследования имеющихся проблем на основе системного анализа всего массива законодательства об охоте и ведении охотничьего хозяйства. В настоящее время оно основано на

нормах действующего Закона Республики Беларусь «О животном мире» от 10 июля 2007 г. № 257-З (далее – Закон «О животном мире»), в котором имеются лишь отсылочные нормы, указывающие на то, что охота и ведение охотничьего хозяйства (ст. 27, 36) осуществляются в порядке и на условиях, определенных правилами ведения охотничьего хозяйства и охоты. Отсылка к указанным правилам является не совсем корректной, поскольку специальные нормы об охоте и ведении охотничьего хозяйства сосредоточены не только в Указе № 112, но и в принятых в его развитие (в том числе после появления новой редакции указа), а иногда и до его принятия, нормативных правовых актах. Назвать их точное количество не представляется возможным, но как отмечалось в Концепции развития охотничьего хозяйства в Республике Беларусь, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 октября 2014 г. № 1029, только актов Правительства насчитывается более двадцати, и не все они имеют единую отраслевую принадлежность к законодательству об охране и использовании животного мира.

Наличие значительного числа нормативных правовых актов в изучаемой области общественных отношений некоторыми практиками рассматривается как излишняя бюрократизация отрасли «охотничье хозяйство» [1]. В связи с этим с теоретической точки зрения представляет интерес разграничение предмета правового регулирования между общими нормами законодательства об охране и использовании животного мира и законодательством об охоте и ведении охотничьего хозяйства (если рассматривать это понятие как совокупность специальных нормативных правовых актов, регулирующих данные отношения) и иными нормативными правовыми актами, касающимися этой сферы. В Законе «О животном мире» такое разграничение отсутствует, кроме уже указанных отсылочных норм в ст. 27, 36 данного Закона, что свидетельствует о его неполноте в части закрепления правовых требований к использованию ресурсов животного мира в охотхозяйственной деятельности.

Как показывает анализ природоресурсного законодательства, при ведении охотничьего хозяйства фактически складывается комплексное природопользование, в том числе использование ресурсов животного мира различных видов. В первую очередь природоресурсный характер данных отношений связан с использованием охотничьих угодий, которые в Правилах ведения охотничьего хозяйства определяются как «места обитания охотничьих животных, которые используются или могут использоваться для охоты» (включая лесные, полевые, водно-болотные). Имеющееся понятие охотничьих угодий позволяет соотнести их правовой режим с нормами земельного, водного, лесного законодательства. Правовой режим охотничьих угодий в юридической литературе исследован недостаточно; потребность в таком исследовании имеется в связи с практически полным отсутствием норм об использовании земельных участков, участков лесного фонда и водно-болотных угодий для ведения охотничьего хозяйства в соответствующем законодательстве.

На современном этапе значительного усложнения социально-экономических условий природопользования представляется актуальным проведение теоретико-правового анализа проблем рационального (устойчивого) использования всех природных ресурсов, вовлеченных в сферу охотничьего хозяйства, в том числе охотничьих животных и природных компонентов (объектов), составляющих среду обитания диких животных. Относительно рационального (устойчивого) использования охотничьих животных имеются общие положения в Правилах ведения охотничьего хозяйства (п. 3), пусть и достаточно спорные, чего нельзя сказать о других природных ресурсах.

Следует также отметить, что разграничение норм об охоте и ведении охотничьего хозяйства в Указе № 112 имеет достаточно условный характер. Несмотря на выделение ведения охотничьего хозяйства в самостоятельный вид хозяйственной деятельности [2, с. 144, 145], многие аспекты которой выходят за рамки только природоресурсных и экологических правоотношений, сохраняется тесная взаимосвязь в правовом регулировании этой деятельности именно с природоресурсными отношениями, в первую очередь, охотой (любительской и промысловой). На это указывает юридическое понятие, данное в Указе № 112, согласно которому ведение охотничьего хозяйства – осуществляемая пользователями охотничьих угодий деятельность по охране, воспроизводству и рациональному (устойчивому) использованию ресурсов охотничьих животных и организации охоты. Отметим, что в содержательном аспекте на первое место выдвигаются именно экологически значимые направления деятельности охотничьего хозяйства, что полностью вписывается в концепцию его устойчивого развития, предусмотренную в долгосрочных стратегических документах. Так, Концепция развития охотничьего хозяйства в Республике Беларусь постулирует устойчивое развитие охотничьего хозяйства на основе требований, установленных Законом «О животном мире», в первую очередь в части сохранения биологического разнообразия, предотвращения вреда жизни и здоровью диких животных от вредного воздействия антропогенных и других факторов, а также обеспечения способности объектов животного мира удовлетворять экономические, эстетические и иные потребности нынешнего и будущих поколений. Государственная программа «Белорусский лес» на 2021–2025 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 января 2021 г. № 52 (подпрограмма 3 «Охотничье хозяйство») предусматривает эколого-экономическую модель устойчивого развития охотничьего хозяйства, включая согласованность долгосрочных и текущих целей охотничьего пользования, эффективную организацию охотничьего хозяйства, сохранение естественной продуктивности и биологического разнообразия охотничьих угодий.

Ряд проблем, касающихся устойчивого развития охотничьего хозяйства, на наш взгляд, требуют междисциплинарного подхода при их изучении, например, неисследованное в юридической литературе правовое положение субъектов, ведущих охотничье хозяйство, с учетом расширения субъектного

состава этой деятельности, особенно при проведении эксперимента по закреплению охотничьих угодий за первичными организационными структурами Белорусского общества охотников и рыболовов. Кроме того, некоторыми авторами справедливо указывается на «разнопрофильное» содержание деятельности субъектов, ведущих охотничье хозяйство, представляющее собой сочетание лесохозяйственной и охотхозяйственной, а зачастую и сельскохозяйственной деятельности) [3, с. 13, 14]. При использовании в качестве основных видов охотничьих угодий участков лесного фонда представляется необходимым согласование требований к ведению лесного и охотничьего хозяйства на уровне законодательных актов. Кроме того, обратим особое внимание на взаимосвязь охотхозяйственной и сельскохозяйственной деятельности, в процессе которой возникает сложное переплетение природоресурсных и экологических правоотношений, особенности которых также нуждаются в специальном исследовании (в частности, вопросов взаимного влияния этих видов деятельности на состояние сельскохозяйственных и охотничьих угодий).

Список использованных источников

1. Охотничье хозяйство Беларуси: достижения, проблемы и пути их решения [Электронный ресурс] // Русский охотничий портал. – Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/huntportal/ohotniche-hoziaistvo-belarusi-dostijeniia-problemy-i-puti-ih-resheniia-5dd16aab8ddf2d1f5dfc1f5b>. – Дата доступа: 04.05.2021.
2. Шингель, Н. А. Природоресурсное право : учеб. пособие / Н. А. Шингель, И. С. Шахрай. – Минск : Вышэйшая школа, 2017. – 399 с.
3. Коваленко, Ю. Ю. Организационно-экономические механизмы управления охотничьим хозяйством в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Ю. Ю. Коваленко ; БГУ, Юридический фак. – Электрон. текстовые дан. – Минск : БГУ, 2014. – 105 с.

Анисимов А. П.

ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО МИРОВОМУ ОКЕАНУ

*Волгоградский государственный университет,
пр. Университетский, 100, 400062, г. Волгоград, Россия,
anisimovap@volsu.ru*

Защита морской среды представляет сегодня одну из наиболее актуальных задач, стоящих перед человечеством. Мировой океан играет важную роль в поддержании теплового баланса планеты, поглощает углекислый газ, является одним из важнейших компонентов биосферы Земли. Однако в результате антропогенного воздействия, включая изменение климата, происходит повышение уровня атмосферного углекислого газа (CO₂), растет температура океана, тают льды северного и южного полюсов, повышается кислотность вод. Увеличение температуры океана создает

угрозу для жизни миллионов морских организмов, которые не успевают адаптироваться к происходящим изменениям, и вымирают. Разрушаются коралловые рифы, гибнут морские водоросли, страдают от загрязнения прибрежные экосистемы [1, с. 12]. В последние годы все чаще говорят об акустическом загрязнении океана, связанном с антропогенным шумом от сейсморазведки, бурения, судоходства, эхолокации [2, с. 89]. Большой вред водным биоресурсам причиняют брошенные сети (тралы), попав в которые гибнут миллионы особей рыб, птиц и черепах [3, с. 187]. Кроме того, по данным ООН, в моря ежегодно выбрасывается около 6,4 млн. тонн мусора, в результате чего рыболовство одной Шотландии теряет около 10 млн фунтов стерлингов в год.

Косвенный вред от морского мусора заключается в том, что туристы не будут посещать пляжи, где море выбросило мусор [4, с. 60–61]. Остается открытым и вопрос о том, кто должен возмещать вред природе и здоровью человека, если террористы взорвут нефтяной танкер или подводный нефтепровод в нейтральных водах, вне юрисдикции конкретного государства?

Все чаще высказывается мнение о том, что добыча нефти в море провоцирует землетрясения, и такие случаи уже известны в районе Майкопа и в Средней Азии [5, с. 105]. Продолжает сохранять актуальность и проблема сброса балластных вод, в результате которой, например, завезенный в Черное море из Атлантического океана хищный желеобразный гребневик дал в 1989 г. грандиозный прирост численности и нанес огромный ущерб рыбному промыслу, что повлекло серьезные экономические потери [6, с. 546].

Подобных примеров достаточно много. В ближайшем будущем перечень угроз причинения вреда морям в условиях отсутствия конкретного лица, виновного в этом, будет только расти. Уже сейчас в научной литературе обсуждаются варианты действий государств Балтийского моря по ликвидации последствий для здоровья граждан и водных биоресурсов от загрязнения морей в результате затопления в конце 1940-х гг. победителями во Второй мировой войне в Балтийском и Северном морях трофейного химического оружия [7, с. 4]. Точные места его затопления неизвестны, и потенциальный объем вреда для водных экосистем спрогнозировать сложно.

Перечень указанных случаев причинения вреда Мировому океану можно продолжать и дальше. Их общей чертой является отсутствие конкретного причинителя вреда, с которого можно было бы взыскать вред, причиненный морским водам и биоресурсам (экологический вред), а также вред, причиненный рыбной перерабатывающей промышленности, туризму и т. д. (экономический вред). Остается открытым и вопрос о том, кто должен платить за сбор и захоронение (переработку) пластикового и иного мусора, выброшенного на берег конкретного государства, а также очистку пляжей от нефтяного и иного загрязнения, что стоит сотни тысяч долларов [8, с. 592–593]. Поскольку собственник такого пластикового и иного мусора не известен, расходы ложатся на прибрежное государство и его

предпринимателей, хотя это нарушает один из основополагающих принципов международного права «загрязнитель платит».

Наряду с экономическими потерями, связанными с загрязнением морской окружающей среды, есть культурные и эстетические издержки, которые трудно измерить. При этом нельзя сказать, что международное сообщество игнорирует проблему защиты Мирового океана. За последние десятилетия было принято несколько десятков конвенций, посвященных различным аспектам охраны морских вод от загрязнения (Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., Конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1969 г. и т. д.). Положения этих конвенций были неоднократно применены на практике, например, в случаях аварий отдельных танкеров или на нефтяных платформах.

Запрещены испытания ядерного оружия в водах Мирового океана, достаточно эффективно ведется борьба с международным браконьерством.

Однако во всех этих международных документах вопрос о возмещении вреда, причинитель которого неизвестен (и установить которого невозможно), надлежащим образом не решен. В связи с этим требуется как доктринальное обсуждение сложившейся ситуации, так и ее последующее решение средствами международного права.

Доктринальным обоснованием необходимости нового подхода может стать дополнение концепции общего достояния (наследия) человечества, распространяемой на Мировой океан, Луну и иные небесные тела. На мой взгляд, возможность пользоваться таким достоянием (благо) должна иметь и другую сторону (бремя), связанную с необходимостью расходования денежных средств на защиту экологических систем Мирового океана как объекта общего наследия человечества в интересах как настоящего, так и будущего поколений людей.

Такая концепция «всеобщего возмещения вреда Мировому океану» (ее можно закрепить посредством внесения дополнений в Конвенцию ООН по морскому праву) должна закреплять принцип солидарной ответственности государств, использующих морские ресурсы, за состояние Мирового океана. Профилактика такого вреда и его возмещение (например, прибрежным территориям государств) потребуют создания специального экологического фонда (или расширения полномочий действующего Глобального экологического фонда) для восстановления морских экосистем, развития научно-технических исследований, мониторинга состояния морских вод.

Применительно к случаям, когда конкретный причинитель вреда морским водам известен, такой опыт уже есть, поскольку много лет действует Международный фонд для компенсации ущерба от загрязнения нефтью.

За счет средств нового фонда станет возможным финансирование морских экспедиций для ликвидации «островов пластикового мусора» в океане, его очистку от рыболовных сетей и другого опасного мусора, угрожающего состоянию морских и прибрежных биоресурсов. Наряду с этим должны быть сохранены и традиционные способы защиты Мирового океана,

связанные с контролем за добычей и перевозкой нефти, переработкой пластика, контролем за использованием пестицидов в сельском хозяйстве и недопущением попадания удобрений в реки, ограничения на добычу водных биоресурсов и т. д. При этом эти меры будут неэффективны, если граждане продолжают бросать в море пластиковые бутылки и пакеты, а представители бизнеса и их работники халатно относиться к природоохранным обязанностям при добыче нефти на шельфе и эксплуатации нефтяных танкеров.

Комплексное решение данной проблемы потребует изменения экологического правосознания, как мировой политической элиты, так и представителей бизнеса и обычных граждан. В настоящий момент таких изменений не наблюдается, в связи с чем необходим комплекс образовательных и просветительских мероприятий, которые могла бы координировать Организация Объединенных Наций в лице ее специализированных органов (ЮНЕП).

Список использованных источников

1. Doney, S. C. Climate Change Impacts on Marine Ecosystems / S. C. Doney // *Annual Review of Marine Science*, 2012. – Vol. 4. – P. 11–37.

2. Патин, С. А. Антропогенное воздействие на морские экосистемы и биоресурсы: источники, последствия, проблемы / С. А. Патин // *Труды ВНИРО*. – 2015. – Том 154. – С. 85–104.

3. Майсс, А. А. Потерянные орудия лова: оценка, экологические последствия и пути решения / А. А. Майсс, Я. Ю. Блиновская, М. В. Высоцкая // *Успехи современного естествознания*. – 2018. – № 11. – С. 185–190.

4. Коршенко, Е. А. Развитие экологического предпринимательства в области использования морских отходов / Е. А. Коршенко, Е. Б. Гаффорова, А. И. Коршенко // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2016. – № 3. – С. 59–66.

5. Черное море в эпоху глобальных вызовов / Л. А. Багрова [и др.] // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. – 2013. – Том 9. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 102–114.

6. Валиуллина, К. Б. Международно-правовое регулирование и контроль в сфере внедрения чужеродных водных организмов и патогенов в результате сброса судовой балластной воды / К. Б. Валиуллина // *Ученые записки Казанского ун-та. Серия «Гуманитарные науки»*. – 2016. – Т. 158. – Кн. 2. – С. 545–553.

7. Ежова, Т. Г. Международно-правовая защита Балтийского моря от загрязнения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т. Г. Ежова. – М., 2014. – 22 с.

8. Tharpes, Y. L. International Environmental Law: Turning the Tide on Marine Pollution / Y. L. Tharpes // *University of Miami Inter-American Law Review*, 1989. – Vol. 20. – P. 579–614.

Бондаренко Н. Л.¹⁾, Конаневич Ю. Г.²⁾

СОЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ И МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО, ХОЗЯЙСТВЕННОГО И КОНДИЦИОННОГО ПРАВА

*¹⁾Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, finance204@mail.ru*

*²⁾Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская 17, 220089, г. Минск, Беларусь*

Экологическое право как отрасль права характеризуется уникальной природой, которая проявляется в ее социальном назначении, предмете правового регулирования и системных межотраслевых связях с иными отраслями и в первую очередь с хозяйственным и кондиционным правом.

Социальное назначение экологического права состоит прежде всего в том, что его нормами обеспечивается реализация положений ст. 2 Конституции Республики Беларусь (закрепляющей, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства) и ст. 46 Конституции Республики Беларусь (гарантирующей право на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права и возлагающей на государство обязанность по осуществлению контроля за рациональным использованием природных ресурсов в целях защиты и улучшения условий жизни, а также охраны и восстановления окружающей среды).

Под экологией традиционно понимается не просто состояние природы, как естественного места обитания человека, а нечто большее – состояние окружающей среды и социума в тесном их взаимодействии. В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово «экология» характеризуется как «состояние организмов, населяющих общую территорию, их отношение друг к другу и к окружающей среде: экология леса, водоема, почвы; экология человека или социальная экология (взаимодействие человека, общества и окружающей среды); экология культуры» [1, с. 907]. Поэтому экологическое право следует рассматривать не только как отрасль права, определяющую и регулируемую правовой режим окружающей человека природы, но и как отрасль права, призванную создавать и обеспечивать экологическую культуру общества в целом и каждого отдельного индивида в частности. Данное обстоятельство означает использование эколого-правовых норм при реализации и защите основных прав человека и гражданина, которые являются объективно производными по отношению к окружающим человека естественным условиям обитания.

Соответственно, экологическая культура современного общества является основой для формирования и регулирования культуры производства материальных и нематериальных благ, потребляемых человеческим обществом, и осуществления в рамках такого производства природопользования. Экологическое право регулирует условия и порядок безопасного и эффективного использования природных ресурсов в процессе осуществления хозяйственной деятельности; а хозяйственное право, с одной стороны,

является «потребителем» экологическо-правовых норм при организации и осуществлении хозяйственной деятельности (процесса производства материальных и нематериальных благ, потребляемых человеком), а с другой стороны – отраслью права, регулирующей порядок и условия осуществления хозяйственной деятельности в сфере обеспечения экологической культуры (например, хозяйственную деятельность экспертных организаций, специализирующихся на сфере проведения экологических экспертиз и т. п.). Хозяйственное право, как совокупность правовых норм, регулирует порядок и условия осуществления хозяйственной деятельности, что позволяет нам констатировать тесную взаимосвязь экологического и хозяйственного права.

Иными словами, экологическое и хозяйственное право выступают в качестве основных профилирующих отраслей права, служащих основой для формирования целого ряда основных специальных отраслей. Так, например, процесс производства в агропромышленном комплексе есть специфическая сфера хозяйственных правоотношений, регулируемых нормами аграрного права. Соответственно, хозяйственная деятельность в целом является предметом хозяйственного права, а комплекс специфических видов и форм хозяйственной деятельности, присущий агропромышленному комплексу, составляет предмет аграрного права. При этом, с нашей точки зрения, особенностью аграрного права является присутствие в его предмете ряда институтов, выступающих в качестве предмета других основных профилирующих отраслей права (экологического права (природопользование как таковое) и основных специальных отраслей права (например, кондиционного права – отрасли права, предметом которой выступает кондиционное регулирование).

Реализация конституционной обязанности государства по осуществлению контроля за рациональным использованием природных ресурсов в целях защиты и улучшения условий жизни, а также охраны и восстановления окружающей среды предполагает установление и обеспечение соблюдения нормативов, стандартов и условий производства материальных и нематериальных благ, обеспечивающих национальную безопасность посредством реализации национальных интересов в экономической сфере. Иными словами, речь идет о совокупности общественных отношений, составляющих такое важнейшее направление функционирования государства, как кондиционное регулирование (составляющее, с нашей точки зрения, предмет самостоятельной отрасли права – кондиционного права).

Хозяйственное, экологическое право и кондиционное право тесно связаны между собой через предмет их правового регулирования. Предметом хозяйственного права являются общественные отношения, складывающиеся по поводу организации и осуществления публичной и частной хозяйственной деятельности (организационные, процессуальные и иные отношения, возникающие в процессе осуществления предпринимательской деятельности, складывающиеся по поводу реализации государственной экономической политики, обеспечения национальной экономической безопасности и

осуществления непредпринимательской хозяйственной деятельности, корпоративного и ведомственного управления организацией). Систему хозяйственного права составляют такие подотрасли (тяготеющие к определению их в качестве самостоятельных отраслей), как торговое право, строительное право, транспортное право, корпоративное право, энергетическое право, IT-право, промышленное право и др. Предметом экологического права являются общественные отношения, возникающие в связи с использованием природных ресурсов и иным антропогенным воздействием на окружающую среду, и отношения, обусловленные требованиями охраны окружающей среды от негативных последствий хозяйственной и иной деятельности человека [2, с. 11]. В развитие данного тезиса отметим, что основополагающим критерием, формирующим предмет экологического права, следует признать социальное назначение норм экологического права, регулирующих отношения, складывающиеся по поводу обеспечения национальной безопасности в целом посредством формирования и обеспечения экологической культуры.

Наличие в составе природной среды специфических отдельных компонентов и природных комплексов, обусловило, по мнению Т. И. Макаровой, выделение в экологическом праве: земельного права, горного права, водного права, лесного права и др. [2, с. 21]. Полагаем, что социальное значение указанных сфер правоотношений, позволяет выдвинуть тезис не просто об их функционировании в качестве элементов системы отрасли «Экологическое право», а об их самостоятельности в рамках объективно сформировавшегося эколого-правового цикла отраслей права. При этом порядок осуществления хозяйственной деятельности экологическое право не регулирует. Предметом кондиционного права выступают общественные отношения, складывающихся по поводу установления и обеспечения соблюдения нормативов, стандартов и условий производства материальных и нематериальных благ в обществе, их распределения, перераспределения и в отдельных случаях – потребления. Систему кондиционного права составляют такие специфические институты (тяготеющие к выделению в подотрасли кондиционного права), как международная система стандартизации, национальное техническое нормирование и стандартизация, система единства измерений, товароведение, государственная экспертиза в различных сферах и экспертная деятельность, осуществление внутригосударственного и международного аудита, санитарно-эпидемиологическое, ветеринарное, фитосанитарное регулирование, регулирование промышленной, ядерной и радиационной безопасности и др.

Соответственно, экологические, хозяйственные и кондиционные правоотношения являются разнородными по своей природе общественными отношениями, самостоятельными, но взаимосвязанными элементами механизма пруденциального регулирования, в равной степени способствующими реализации государством единой политики по обеспечению национальной экономической безопасности, являющейся

одним из сегментов национальной безопасности в целом в силу статей 23, 44, 79, 107 Конституции Республики Беларусь и Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575. Следует подчеркнуть, что объектом пруденциального регулирования является установление минимальных экономических стандартов осуществления хозяйственной деятельности, в то время как общественные отношения, складывающиеся по поводу осуществления хозяйственной деятельности, объектом пруденциального регулирования не являются [3, с. 15].

Несмотря на то обстоятельство, что экологические правоотношения имеют более универсальную природу, в силу чего являются неотъемлемым элементом практически всех известных типов, видов и форм общественных отношений (т. е. экологические правоотношения – это условная «среда обитания и хозяйственной деятельности человечества»), кондиционные правоотношения также присутствуют во всех известных типах, видах и формах общественных отношений, выступая в качестве их «средства измерения» (включая выполнение функции «средства измерения» для экологических правоотношений). При этом институциональной средой хозяйственных правоотношений является сфера производства материальных и нематериальных благ, обеспечивающих функционирование социума.

Список использованных источников

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд, дополненное. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

2. Балашенко, С. А. Экологическое право : учебник / С. А. Балашенко, Т. И. Макарова, В. Е. Лизгаро. – 2-е изд., перераб. – Минск : Вышэйшая школа, 2021. – 399 с.

3. Конаневич, Ю. Г. Фискальное право : монография / Ю. Г. Конаневич. – Минск : Ковчег, 2018. – 233 с.

Василевич Г. А.

О ЮРИДИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, gregory_1@tut.by*

В современных условиях патерналистский тип отношений между государством и человеком, между государством и обществом себя изживает, выстраивается новый характер отношений между этими субъектами. Рост правовой культуры, правового сознания граждан меняет сложившуюся ранее парадигму отношений: растет число людей, которые осознают себя полноправными субъектами процесса управления делами государства. Важнейшим средством этого является местное самоуправление, оптимальное сочетание представительной и непосредственной демократии.

В Беларуси имеется широкий круг нормативных правовых актов, предусматривающих возможность проведения общественной экологической экспертизы. Среди них можно назвать законы «Об охране окружающей среды», «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь», «Об использовании атомной энергии», Кодекс Республики Беларусь о земле и Водный кодекс Республики Беларусь, Указ Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2007 г. № 667 «Об изъятии и предоставлении земельных участков» (вместе с Положением о порядке изъятия и предоставления земельных участков, Положением о порядке изъятия и предоставления земельных участков юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям для строительства капитальных строений (зданий, сооружений), Положением о порядке формирования и предоставления земельных участков для размещения объектов недвижимого имущества, обслуживания подлежащего продаже недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности, Положением о порядке перевода земель из одних категорий и видов в другие и отнесения земель к определенным видам), постановление Совета Министров от 29 октября 2010 г. № 1592 «Об утверждении Положения о порядке проведения общественной экологической экспертизы» и др.

В частности, Законом Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. «Об охране окружающей среды» предусмотрено проведение общественной экологической экспертизы. Согласно ст. 61 Закона она организуется и проводится по инициативе общественных объединений и граждан независимыми специалистами, которые в порядке, установленном законодательством, вправе получать от заказчика (инициатора планируемой хозяйственной и иной деятельности) документацию, подлежащую общественной экологической экспертизе, в том числе материалы по оценке воздействия на окружающую среду, а также иные материалы, необходимые для проведения общественной экологической экспертизы. Заключение общественной экологической экспертизы может направляться в организации, которые проводят государственную экологическую экспертизу, местные исполнительные и распорядительные органы, а также иным заинтересованным лицам и носит рекомендательный характер. Финансирование общественной экологической экспертизы производится за счет средств ее инициаторов – общественных объединений и (или) граждан. Порядок проведения общественной экологической экспертизы устанавливается Советом Министров Республики Беларусь.

В силу необходимости наличия соответствующих знаний в данном случае важна роль специалистов, которые будут участвовать в ее проведении. Согласно Положению о порядке проведения общественной экологической экспертизы, утвержденному постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 октября 2010 г. № 1592, общественная экологическая экспертиза проводится независимыми специалистами, обладающими специальными знаниями в области охраны окружающей среды

и рационального использования природных ресурсов, а также в определенных областях науки, техники и иных сферах деятельности.

Объектом общественной экологической экспертизы является проектная документация. Результаты общественной экологической экспертизы оформляются специалистами в виде заключения общественной экологической экспертизы по проектной документации. Заключение носит рекомендательный характер, прилагается к проектной документации, представляемой на государственную экологическую экспертизу, и рассматривается организацией, уполномоченной ее проводить, при подготовке заключения государственной экологической экспертизы. Не критикуя данный подход законодателя, отметим важность разъяснения позиции государственных органов, выводов государственной экспертизы при расхождении с выводами общественной экологической экспертизы: конфликт необходимо разрешать таким образом, чтобы население понимало отсутствие угрозы здоровью и экологии.

Кроме того, в Положении о порядке проведения общественной экологической экспертизы следует более определенно указать, когда и кто может выступить инициатором такой экспертизы, по каким основаниям может быть отказано в ее проведении, какой порядок обжалования такого отказа. Например, из содержания Положения ясно, что инициаторами общественной экологической экспертизы могут быть зарегистрированные в Республике Беларусь общественные объединения, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды. Но в то же время согласно Положению ими могут являться любые граждане Республики Беларусь, вносящие предложения о проведении общественной экологической экспертизы. Но таких инициатив может быть множество, причем не всегда имеющих основание. Поэтому предлагаем предусмотреть, что помимо указанных общественных объединений граждане могут проявить инициативу, если за ее проведение высказалось, например, не менее 100 человек, либо с учетом установленных требований для выдвижения в кандидаты депутата соответствующего местного Совета.

Для усиления влияния местных Советов депутатов в Законе «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» целесообразно закрепить право местного Совета депутатов ввести мораторий на строительство объекта, который может причинить вред окружающей среде, если идет речь об объекте коммунальной собственности.

Кодексом Республики Беларусь о земле предусмотрены различные варианты действий граждан, когда затрагиваются их права и защищаемые законом интересы в связи с принятием государственными органами решений о предстоящем изъятии, об изъятии и предоставлении, изменении целевого назначения земельных участков, установлением и прекращением ограничений (обременений) прав на земельные участки: это могут быть обращения в местные Советы депутатов, исполнительные комитеты, органы территориального общественного самоуправления, участие в местных референдумах, проведение общественной экологической экспертизы,

собраний и иных форм прямого участия в государственных и общественных делах, а также через общественные объединения в соответствии с законодательством (ст. 61). В законодательстве не часто указывается конкретно возможность проведения референдума по соответствующему вопросу.

Согласно ст. 17 Водного кодекса Республики Беларусь граждане и общественные объединения в области охраны и использования вод имеют право получать в соответствии с законодательством экологическую информацию в области охраны и использования вод. Было бы правильно определить периодичность предоставления такой информации, ее объем и безотлагательность действий, если происходит изменение качества питьевой воды. В городе Минске в недавнем прошлом были случаи, когда такая информация давалась с опозданием.

Затраты на проведение общественной экологической экспертизы несут сами инициаторы ее проведения. Полагаем, что было бы правильно компенсировать их за счет средств юридического лица, строящего объект, если результаты экспертизы привели к корректировке проектной документации или даже к отмене строительства (возведения), отвода земельного участка и т. п.

Кванина В. В.

**ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО
В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
КАК ИНСТРУМЕНТ УЛУЧШЕНИЯ ЕЕ СОСТОЯНИЯ¹**

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ),
пр. Ленина, 76, 454080, г. Челябинск, Россия, kvaninavv@susu.ru*

В Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года от 19 апреля 2017 г. № 176, утвержденной Указом Президента Российской Федерации, дана оценка состоянию окружающей среды на территории РФ, которое было охарактеризовано как неблагоприятное по экологическим параметрам. Данная характеристика состояния окружающей среды подтверждается в том числе следующими данными: в стране в результате прошлой хозяйственной деятельности накоплено свыше 30 млрд тонн отходов производства и потребления (п. 10); ежегодно образуется примерно 4 млрд тонн отходов производства и потребления, из которых 55–60 млн тонн составляют твердые коммунальные отходы; около 15 тыс. санкционированных объектов размещения отходов занимают территорию общей площадью примерно 4 млн гектаров, и эта территория ежегодно увеличивается на 300–400 тыс. гектаров (п. 11); сохраняется высокий уровень износа (более 60 процентов) основных фондов опасных производственных объектов (п. 16).

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области (проект № 20-411-740012).

Системно, быстро и качественно изменить состояние окружающей среды силами только природопользователей, выступающих в качестве загрязнителей окружающей среды, не получится по очевидным причинам (устаревшая материально-техническая база, отсутствие в должном объеме финансовых ресурсов, отсутствие материальной заинтересованности и др.). Данные факторы приводят к выводу о том, что без государственной поддержки сферы охраны окружающей среды данные субъекты с такой сложной задачей справиться не смогут. В то же время и государство также не в состоянии разрешить все проблемы в данной сфере за счет бюджетных средств, – затраты в общих расходах консолидированного бюджета РФ традиционно составляют незначительную долю. Например, в 2019 г. она составила всего 0,63 процента, в 2020 г. – 0,8 процента .

Меры государственной поддержки, оказываемые субъектам хозяйственной деятельности, могут быть самыми разнообразными. Прежде всего в качестве таковых могут выступать экономические меры, предусмотренные главой IV Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (далее – Закон об охране окружающей среды), за осуществление хозяйственной и (или) иной деятельности хозяйствующими субъектами в целях охраны окружающей среды по направлениям и осуществлению мероприятий, предусмотренных п. 2 и 4 ст. 17 закона, предоставления налоговых льгот за внедрение наилучших доступных технологий и иных мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду (п. 3 ст. 17). Однако до настоящего времени действенный механизм применения данных мер не разработан, что свидетельствует в большей мере о декларативности указанных мер поддержки основного закона в сфере охраны окружающей среды.

Другим правовым инструментом государственной поддержки охраны окружающей среды может выступать публично-частное партнерство. Основной целью данного института является удовлетворение публичного интереса (интереса, связанного с созданием (модернизацией) публичного имущества и реализацией публичных услуг) посредством удовлетворения частного интереса (имущественного интереса инвестора, привлеченного для создания (модернизации) публичного имущества и реализации публичных услуг) [6, с. 6]. Основными признаками публично-частного партнерства являются: общественно-значимая цель, состав участников, срочный характер, особый объект, источник финансирования, распределение рисков и прибыли, особая юридическая форма [4, с. 15–20].

В Российской Федерации наиболее распространенными формами публично-частного партнерства являются концессионное соглашение, соглашение о разделе продукции, специальный инвестиционный контракт, соглашение о государственно-частном партнерстве [5, с. 126–145].

В сфере охраны окружающей среды применение публично-частного партнерства существенно ограничено (см. п. 1 ст. 7 Федерального закона «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные

акты Российской Федерации» от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ; п. 1 ст. 4 Федерального закона «О концессионных соглашениях» от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ.

Включение указанных в данных законах объектов в сферу публично-частного партнерства представляется вполне оправданным. Однако учитывая наличие проблем в сфере охраны окружающей среды, ее потребности в публично-частном партнерстве значительно шире. Например, взаимодействие между государством и бизнесом в рамках публично-частного партнерства более чем актуально по вопросам ликвидации накопленного экологического вреда, разработки и внедрения наилучших доступных технологий; «зеленой» энергетики и перевода автотранспорта на газомоторное топливо [2, с. 798], атмосферного воздуха, очистки вод, сохранения биоразнообразия [1] и др.

Зарубежный опыт публично-частного партнерства в сфере охраны окружающей среды многовариантен и касается самых разных направлений. В качестве примера можно привести соглашение в сельском хозяйстве по выращиванию кофе в регионе Сан-Мартин, Перу, предусматривающее взаимодействие с местными фермерами для обеспечения экологически и экономически устойчивого производства кофе в регионе, страдающем от чрезмерной вырубке лесов. Публичными партнерами выступают Техносерв (TechnoServe) и Агентство США по международному развитию, которое поддерживает посадку новых лесов; соглашение по выращиванию чая, предусматривающее создание школ по обучению лучшим практикам управления фермерским хозяйством и проведении последующей сертификации мелких фермеров, закончивших такие школы. Финансирование программы осуществлялось за счет Агентства Кении по развитию чая и компании Юнилевер при дополнительном финансировании Департаментом международного развития Великобритании на этапе эксперимента [7].

Согласно ст. 72 Конституции РФ законодательство об охране окружающей среды находится в совместном ведении РФ и ее субъектов. Закон об охране окружающей среды предоставляет субъектам РФ возможность ввести меры государственной поддержки хозяйственной и (или) иной деятельности, осуществляемой в целях охраны окружающей среды, не перечисленной в ст. 17, за счет средств бюджетов субъектов РФ (п. 5 ст. 17). Такие меры, как представляется, могут быть предусмотрены в рамках механизма публично-частного партнерства на уровне субъекта РФ, что потребует принятия региональных законов о публично-частном партнерстве, в которых могут быть отражены наиболее важные направления в сфере охраны окружающей среды конкретного региона. При этом, безусловно, необходимо обеспечить соответствие регионального экологического законодательства федеральному [3].

Таким образом, одним из способов решения проблем в сфере охраны окружающей среды видится законодательное расширение перечня направлений данной сферы, включенных в механизм публично-частного

партнерства. Данное предложение может быть реализовано как на федеральном, так и региональном уровнях. Учитывая, что охватить одним законом все возможные формы публично-частного партнерства в сфере охраны окружающей среды нереалистично, на уровне субъекта Российской Федерации могут быть приняты законы, посвященные либо конкретным формам партнерства, либо отдельным направлениям в сфере охраны окружающей среды, в рамках которых могут быть предложены разные формы партнерства.

Список использованных источников

1. Бабич, А. А. О понятии и перспективных направлениях государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды / А. А. Бабич // Электронное приложение в «Российском юридическом журналу». – 2020. – № 2. – С. 67–75.

2. Бабич, А. А. Особенности заключения соглашения государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды и инвестиционная привлекательность экологической сферы для частных инвесторов / А. А. Бабич // Правоведение. – 2019. – Т. 29, вып. 6. – С. 794–800.

3. Васильева, М. И. Закон субъекта Российской Федерации «Об охране окружающей среды»: опыт правового моделирования / М. И. Васильева // Законодательство и экономика. – 2005. – № 11. – С. 75–87.

4. Громова, Е. А. Государственно-частное партнерство и его правовые формы / Е. А. Громова. – М. : Юстицинформ, 2019. – 84 с.

5. Инвестиционное право : учебник / отв. ред. И. В. Ершова, А. Ю. Петраков. – М. : Проспект, 2021. – 304 с.

6. Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты / под ред. В. Ф. Попондопуло, Н. А. Шевелевой. – М. : Инфотропик Медиа, 2015. – 528 с.

7. Селиванова, К. А. Государственно-частное партнерство в реализации эколого-правового механизма в сельском хозяйстве / К. А. Селиванова // Право и экономика. – 2016. – № 4. – С. 34–40.

Навасардова Э. С., Колесникова К. В.

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЛИКВИДАЦИИ ПРОШЛОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЩЕРБА В СТРАНАХ – ЧЛЕНАХ ЕАЭС¹

*Северо-Кавказский федеральный университет,
ул. Пушкина 1, 355017, г. Ставрополь, Россия, enavasardova@ncfu.ru*

Проблемы ликвидации накопленного вреда окружающей среде характерны для большинства стран, в том числе и для государств – членов ЕАЭС, однако правовая регламентация отношений, связанных с решениями

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 20-511-00015 Бел_а «Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства государств – членов Евразийского экономического союза».

вопросов о прошлой хозяйственной деятельности в странах Союза, находится на разных стадиях формирования. В одних государствах институт практически обеспечен правовым механизмом, в других же правовое сопровождение недостаточно и нуждается в развитии.

Например, Законом Республики Киргизия от 16 июня 1999 г. № 53 в последующих редакциях «Об охране окружающей среды» (ст. 54 «Возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением») зафиксирована норма, согласно которой в процессе приватизации объектов остаточное загрязнение или ущерб, причиненный окружающей среде в прошлом, до 1992 г., рассматриваются как объекты ответственности государства. В остальных случаях указанную ответственность несут в установленном порядке юридические или физические лица – владельцы объекта-загрязнителя. Более в Законе ничего о прошлом экологическом ущербе не говорится.

Наиболее детально отношения, связанные с ликвидацией накопленного вреда от прошлой хозяйственной деятельности, урегулированы в российском законодательстве и новом Экологическом кодексе Республики Казахстан от 2 января 2021 г. № 400-VI ЗРК, который вступит в действие с 1 июля 2021 г.

Несмотря на то, что в России попытки найти алгоритм решения проблемы предпринимались давно, только в 2016 г. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ в последующих редакциях «Об охране окружающей среды» был дополнен главой XIV.1 «Ликвидация накопленного вреда окружающей среде», а развивающая ее подзаконная нормативная база формируется и по сей день. При этом существующая правовая регламентация страдает рядом недостатков.

Рассмотрим элементы созданного организационно-правового механизма.

Прежде всего законодатель требует выявить объекты накопленного вреда окружающей среде, для чего необходимо провести инвентаризацию и обследование территорий и акваторий, где в прошлом осуществлялась экономическая и иная деятельность и (или) на которых расположены бесхозяйные объекты капитального строительства и объекты размещения отходов. Далее должна быть произведена оценка такого вреда (объемов загрязняющих веществ, отходов и их классов опасности; занимаемой площади; уровня негативного воздействия на окружающую среду и отдельные ее компоненты, включая перечень возможных экологических рисков; наличия на выявленных объектах опасных веществ, предусмотренных международными договорами с участием России; количество населения, которое проживает на территориях, окружающая среда которых уже испытывает негативное воздействие, связанное с наличием объектов накопленного вреда, либо находится под угрозой возникновения такого вреда).

Вызывает возражение правило, установленное п. 4 ст. 80-1 ФЗ «Об охране окружающей среды», согласно которому «выявление и оценку объектов накопленного вреда окружающей среде вправе проводить органы

государственной власти субъектов Российской Федерации или органы местного самоуправления». Полагаем, что норма должна носить императивный характер, возлагая обязанность, а не давая право указанным органам выявлять объекты прошлого экологического вреда.

В этом же пункте ст. 80-1 говорится о том, что в случаях, которые установлены Правительством РФ, выявление и оценка объектов прошлого экологического вреда проводятся федеральными органами исполнительной власти (Минприроды России, например, выявляет и организует работы по ликвидации объектов накопленного вреда, расположенных на континентальном шельфе Российской Федерации, во внутренних морских водах, в территориальном море, прилежащей зоне РФ; на земельных участках, находящихся в собственности РФ, в некоторых других случаях).

Для реализации проблемы ликвидации объектов накопленного вреда создается государственный реестр таких объектов, ведением которого занимается Минприроды РФ.

Далее проводятся соответствующие обследования, разрабатывается проект работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде, его согласовывают, утверждают, затем проводят собственно работы по ликвидации объекта прошлого экологического вреда и осуществляют приемку выполненных работ.

Данные государственного реестра регулярно актуализируются. Так, на 30.12.2020 г. в него включено 267 объектов. Из 53 объектов, сведения о которых были внесены в Реестр в 2017 г., исключено 37 как выполненные. В 2018 г. Государственный реестр был дополнен сведениями о 90 объектах, из которых 16 уже исключены как выполненные. По объектам, включенным в 2019 и 2020 гг., еще ведутся работы.

Таким образом, можно заключить, что процесс, связанный с ликвидацией накопленного вреда окружающей среде, пусть и не очень активно, но идет.

В то же время остаются вопросы и к законодателям, и к правоприменителям.

Полагаем, что российское законодательство слишком «узко» трактует понятие «накопленный ущерб окружающей среде». На наш взгляд, любое скопление отходов в местах, не предназначенных для этого, следует относить к накопленному ущербу. В связи с этим следует разобраться с проблемой ответственных субъектов за их удаление.

Другой вопрос: какие объекты должны включаться в Государственный реестр и ликвидироваться за счет средств публичных образований? Анализ сведений, внесенных в Государственный реестр, дает основания утверждать, что выбор объектов носит произвольный характер. Это касается и состава отходов, по большей части в него вносятся несанкционированные свалки ТКО, причем их площадь варьируется от 1 до 120 га; и численности населения, испытывающего или находящегося под угрозой негативного воздействия вследствие расположения объекта накопленного вреда окружающей среде – от 0 до 7500 тыс. чел. и от 1 000 000 до 1 260 000 чел.

соответственно. В государственном реестре не указаны классы опасности отходов и только по составу отходов можно догадаться о наличии высоких классов опасности, например, хвостохранилище Эльбрусского свинцово-цинкового рудника, расположенное в Карачаевском муниципальном районе. Но таких объектов в реестре, как представляется, крайне мало. Полагаем, что в Государственный реестр должны включаться в первую очередь объекты накопленного вреда с высоким содержанием высокоопасных (I–III класс) отходов.

Что же касается вопроса ликвидации того или иного объекта, не попавшего в Государственный реестр, и в первую очередь несанкционированных свалок ТКО, то он должен рассматриваться в системной связи с ФЗ «Об отходах производства и потребления», хотя и этот закон также далек от совершенства (речь идет об ответственности владельцев земельных участков).

Ряд проблем в этой сфере отношений возникает в связи с наличием земельных участков, находящихся в публичной собственности, и участков, государственная собственность на которые не разграничена, а также ситуаций, связанных с делегированными полномочиями.

И это лишь некоторые проблемы, связанные с правовой регламентацией и правоприменительной практикой в исследуемой сфере отношений в России.

В новой редакции Экологического кодекса Республики Казахстан проблемам ликвидации прошлого ущерба посвящен раздел 6 «Объекты исторического загрязнения». Регламентация ликвидации прошлого экологического ущерба схожа с российскими нормами, но есть и принципиальные отличия.

Согласно ст. 143 Экологического кодекса Республики Казахстан (вступает в действие с 1 июля 2021 г.) выявление и оценка объектов исторического загрязнения организовывается местными исполнительными органами районов, городов. В этой норме, в отличие от российской, нет диспозитивности. Можно предположить, что указанная деятельность является обязанностью, а не правом муниципальных органов исполнительной власти. В этой же статье содержится норма, согласно которой по решению Правительства Республики Казахстан выявление и оценку отдельных объектов исторического загрязнения организует уполномоченный орган в области охраны окружающей среды. В российской редакции подобная норма тоже диспозитивна. Министерство природных ресурсов Российской Федерации вправе, но не обязано выявлять и оценивать объекты прошлого экологического вреда.

Полагаем, что законодатели государств – участников ЕАЭС могут ориентироваться на законодательство Республики Казахстан, регламентирующее институт ликвидации накопленного вреда окружающей среде, как наиболее прогрессивное.

Беляева И. М.

К ВОПРОСУ О РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ¹

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ),
пр. Ленина, 76, 454080, г. Челябинск, Россия, beliaevaim@susu.ru*

Правонарушения и преступления в сфере экологических отношений имеют достаточно «длинную» историю, при этом, чем сложнее становятся экономические и промышленные процессы, тем все более негативному воздействию подвергается окружающая среда со стороны человека.

Не ставя перед собой задачу в данной статье детально анализировать причины совершения экологических преступлений и правонарушений, поскольку анализ этих детерминант – тема для самостоятельного детального исследования, постараемся выстроить систему законодательного регулирования вопросов осуществления профилактики преступлений и правонарушений в данной области.

Как представляется, отправной законодательной точкой профилактики экологических преступлений и правонарушений для Российской Федерации является ч. 1 ст. 9 Конституции Российской Федерации. Развивая эту норму, было бы логично в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ (в редакции от 09.03.2021) «Об охране окружающей среды» сформулировать не только нормы о государственном экологическом надзоре и общественном контроле в области охраны окружающей среды, об установлении юридической ответственности за нарушение экологического законодательства, но и определить систему общесоциальных и специальных мер, направленных на профилактику и предупреждение экологических правонарушений и преступлений, но закон таких положений не содержит.

Специальное законодательство в области противодействия преступности, а именно Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», тем не менее в п. 13 ч. 1 ст. 6 закрепляет обеспечение экологической безопасности, охрану окружающей среды как одно из основных направлений профилактики правонарушений в Российской Федерации. Статья 5 этого закона к субъектам профилактики правонарушений относит:

- 1) федеральные органы исполнительной власти;
- 2) органы прокуратуры Российской Федерации;
- 3) следственные органы Следственного комитета Российской Федерации;
- 4) органы государственной власти субъектов Российской Федерации;
- 5) органы местного самоуправления.

Следовательно, каждый из перечисленных субъектов профилактики в пределах своих полномочий обязан осуществлять профилактическую деятельность в сфере охраны окружающей среды.

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области (проект № 20-411-740012).

Существенным элементом правового закрепления необходимости вести комплексную и планомерную работу, направленную на предупреждение и профилактику экологических правонарушений и преступлений, стала Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683). Детализация обеспечения экологической безопасности как вида национальной безопасности проработана в Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176).

В целях ее реализации развернут целый комплекс федеральных программ, ориентированных на отдельные объекты окружающей среды – их сохранение и развитие, нормирование воздействия на них со стороны природопользователей. Центральной же является государственная программа Российской Федерации «Охрана окружающей среды» (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 326). Однако мероприятий по профилактике и предупреждению экологических преступлений и правонарушений, а соответственно, финансирования и показателей оценки успешности государственной деятельности в области профилактики, они не содержат.

Возможно, с точки зрения предупреждения экологических правонарушений и преступлений стоит обратиться исключительно к Государственной программе Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2021 г. № 105-5)). Но и в этом документе не содержится отдельных подпрограмм, связанных с профилактикой и предупреждением экологических правонарушений и преступлений.

Надзор в сфере экологической безопасности приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» отнесен к основным направлениям надзорной деятельности, которую прокуроры осуществляют, используя все доступные источники информации о нарушениях законодательства. Данную надзорную функцию осуществляет специализированная Природоохранная прокуратура. Однако функция надзора напрямую не связана с превенцией, в том числе с предупреждением экологических правонарушений и преступлений.

Специализированный государственный орган исполнительной власти – Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации также в своем функционале не имеет полномочий по предупреждению преступлений и правонарушений данного вида.

Таким образом, складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, экологическая безопасность признана важнейшим объектом правовой охраны, с другой – государство на уровне нормативных правовых

актов не формулирует систему профилактических и предупредительных мер в данной сфере.

Учитывая, что вопрос правового регулирования экологических правоотношений отнесен к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, стоит сосредоточиться на профилактике и предупреждении правонарушений в данной сфере именно на уровне субъекта Федерации, что позволит учесть все существенные особенности региона, его экологическую специфику и выстроить действенную систему мер профилактики и предупреждения экологических правонарушений и преступлений.

Вопросы общей превенции, безусловно, так или иначе отражены в федеральных законах, которые упоминались нами выше. Стоит согласиться с мнением Д. Н. Джунусовой, что «основой общего предупреждения экологической преступности должны являться меры, направленные на укрепление экономики, обеспечение населения рабочими местами, повышение социально-экономического уровня жизни населения, формирование в обществе позитивного нравственного климата. К мерам общей профилактики относятся также формирование и последовательная реализация общегосударственной экологической политики; обеспечение стабильности и оптимизация деятельности системы органов государственного экологического контроля, препятствующие возникновению и действию коррупционных схем; совершенствование действующего уголовного, административного и экологического законодательства; установление обязательности проведения криминологической экспертизы принимаемых нормативных актов в данной сфере; повышение уровня общественного эколого-правового сознания населения» [1]. Сюда же можно отнести экологическое образование, адекватное информирование населения об экологическом состоянии места проживания, стимулирование экономических субъектов к ведению деятельности в соответствии с экологическими нормами и нормативами, вовлечение все большей части населения в «зеленые» проекты, формирование осознанного бережного отношения к окружающей среде.

Специальная же превенция, на наш взгляд, должна быть очень четко выстроена с точки зрения субъектов профилактики, единого центра координации в лице регионального министерства (управления) экологии.

Пилотными проектами реализации специальной превенции и координации этой деятельности могут стать региональные экологические кодексы, законы субъекта Федерации об охране окружающей среды, экологические стандарты.

Список использованных источников

1. Джунусова, Д. Н. Экологическая преступность и ответственность за экологические преступления : монография / Д. Н. Джунусова // Российская академия естествознания, 2012. – Режим доступа: <https://www.monographies.ru/ru/book/section?id=5488>. – Дата доступа: 29.05.2021.

Гашникова Т. В.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НОРМИРОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ

*Научно-практический центр проблем укрепления законности
и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь,
ул. Интернациональная, 22, 220030, г. Минск, Беларусь,
info@prokuratura.gov.by*

Физические воздействия, которые должны нормироваться ввиду возможных негативных эффектов на окружающую среду и здоровье людей, разнообразны. К ним относятся различные виды неионизирующих и ионизирующих излучений.

В отношении физических воздействий Законом Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон об охране окружающей среды) предусматривается установление нормативов предельно допустимых физических воздействий – нормативов, установленных в соответствии с показателями предельно допустимого воздействия на окружающую среду тепла, шума, вибрации, ионизирующего излучения, напряженности электромагнитных полей и иных физических воздействий, несоблюдение которых приводит к причинению экологического вреда, и нормативов допустимых физических воздействий – нормативов, которые установлены в соответствии с уровнями допустимого воздействия физических факторов на окружающую среду и при соблюдении которых обеспечиваются нормативы качества окружающей среды (ст. 1).

Как следует из ст. 20 Закона об охране окружающей среды, нормативы предельно допустимых физических воздействий являются одним из видов нормативов качества окружающей среды.

В свою очередь, согласно ст. 24 Закона об охране окружающей среды, нормативы допустимых физических воздействий должны устанавливаться для каждого источника такого воздействия исходя из нормативов качества окружающей среды и с учетом влияния других источников физических воздействий.

Рассмотрим в какой степени приведенные выше нормы Закона об охране окружающей среды нашли свое развитие в законодательстве.

Упоминание нормативов предельно допустимых физических воздействий и нормативов допустимых физических воздействий имеется в некоторых актах законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов.

Согласно п. 3 Положения о порядке разработки, согласования, утверждения, регистрации, введения в действие и опубликования экологических норм и правил, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 мая 2016 г. № 400, экологическими нормами и правилами (техническими нормативными правовыми актами, утверждаемыми Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь) могут определяться (наравне с иными)

нормативы предельно допустимых физических воздействий и правила установления (расчетов) нормативов допустимых физических воздействий (количество тепла, уровни шума, вибрации, ионизирующего излучения, напряженности электромагнитных полей и иных физических воздействий).

Вместе с тем нормы, устанавливающие конкретно определенные уровни физических воздействий, которые должны учитываться при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, на сегодняшний день установлены в рамках законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения в санитарных нормах и правилах, гигиенических нормативах. Данные нормы буквально не именуется как «нормативы предельно допустимых физических воздействий» и «нормативы допустимых физических воздействий», а обозначаются с использованием иной терминологии, такой как, например, «предельно допустимые уровни», «допустимые уровни». В связи с этим возникает вопрос о том, можно ли квалифицировать нормативы, устанавливаемые в санитарных нормах и правилах, гигиенических нормативах, как «нормативы предельно допустимых физических воздействий» и «нормативы допустимых физических воздействий».

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 января 2021 г. № 37, вступающим в силу 6 июня 2021 г., утвержден ряд гигиенических нормативов, среди которых в том числе гигиенические нормативы «Показатели безопасности и безвредности воздействия ультразвука на человека», «Показатели безопасности и безвредности воздействия инфразвука на человека», «Показатели безопасности и безвредности шумового воздействия на человека», «Допустимые значения показателей комбинированного воздействия шума, вибрации и низкочастотных электромагнитных полей на население в условиях проживания», «Показатели безопасности и безвредности вибрационного воздействия на человека».

В перечисленных гигиенических нормативах предусмотрены, в частности, предельно допустимые уровни звукового давления воздушного ультразвука на рабочих местах, допустимые уровни звукового давления воздушного ультразвука при воздействии на население, предельно допустимый уровень инфразвука на рабочих местах, допустимый уровень инфразвука в жилых, общественных помещениях и на территории жилой застройки, предельно допустимый уровень звукового давления в октавных полосах частот и уровни звука для видов трудовой деятельности и рабочих мест с учетом условий, тяжести и напряженности труда, предельно допустимые эквивалентные уровни звука на рабочих местах с учетом классов условий труда по показателям тяжести и напряженности трудового процесса, допустимый уровень звукового давления в октавных полосах частот и уровни звука на территории жилой застройки, в помещениях жилых и общественных зданий.

Обратим внимание, что в вышеуказанных гигиенических нормативах, в сравнении с Законом об охране окружающей среды, использована иная

концепция деления нормативов на предельно допустимые и допустимые. Предельно допустимые уровни устанавливаются применительно к условиям труда, а допустимые уровни – к иным условиям. Но те и другие, по своей сути, выполняют роль нормативов качества окружающей среды – нормативов предельно допустимых воздействий (с учетом того, что нормативы допустимых воздействий должны устанавливаться для каждого источника воздействия в рамках нормативов качества окружающей среды).

Вместе с тем все же возникает вопрос: можно ли ограничительные показатели физических воздействий, установленные гигиеническими нормативами, санитарными нормами и правилами, отнести к категории нормативов предельно допустимых физических воздействий, когда буквально эти ограничительные показатели не названы «нормативами предельно допустимых физических воздействий» и «нормативами допустимых физических воздействий», не будет ли это расширительным толкованием норм законодательства? Если же это не нормативы соответствующих физических воздействий, установление которых предусматривается Законом об охране окружающей среды, а в экологических нормах и правилах, утверждаемых Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, на данном этапе рассматриваемые нормативы не установлены, то нормы Закона об охране окружающей среды в части нормирования физических воздействий могут считаться декларативными и нереализованными.

Негативные последствия отсутствия должного внимания к терминологическим аспектам можно продемонстрировать на следующем примере.

В соответствии с п. 8 Положения о порядке проведения государственной экологической экспертизы, в том числе требованиях к составу документации, представляемой на государственную экологическую экспертизу, заключению государственной экологической экспертизы, порядку его утверждения и (или) отмены, особых условиях реализации проектных решений, а также требованиях к специалистам, осуществляющим проведение государственной экологической экспертизы, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 января 2017 г. № 47, при проведении государственной экологической экспертизы соответствующей документации должно оцениваться соблюдение нормативов предельно допустимых физических воздействий, нормативов допустимых физических воздействий.

Перед экспертом, проводящим государственную экологическую экспертизу, может возникнуть дилемма: оценивать документацию на предмет соответствия требованиям гигиенических нормативов, устанавливающим показатели уровней физических воздействий, либо констатировать факт отсутствия нормативов предельно допустимых физических воздействий, нормативов допустимых физических воздействий и, соответственно, исключить из области экспертной оценки проблематику физических воздействий.

При этом обратим внимание, что для оценки соответствия принимаемых решений в процессе хозяйственной и иной деятельности требованиям законодательства в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения проводится государственная санитарно-гигиеническая экспертиза (ст. 16 Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 340-З «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»).

В целях выстраивания логически построенного, взаимосвязанного законодательства, облегчения правоприменения в дальнейшем следует уделять внимание согласованному использованию терминологии при установлении, совершенствовании норм, ограничивающих негативные физические воздействия.

Жлоба А. А.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРКОВ

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ekolog_310@mail.ru*

Впервые концепция национального парка была сформулирована при создании Йеллоустонского национального парка 1 марта 1872 г. в США, когда конгрессом США был принят соответствующий закон. Под охрану государства были взяты не только полезные ископаемые, растительный и животный мир парка, но и «дикивинки и чудеса природы». В соответствии с законом 1872 г. исключалось заселение, продажа или промышленное освоение территории национального парка, природные и исторические ландшафты сохранялись в естественном состоянии, а управление им осуществлялось таким образом, чтобы сохранить все ресурсы неизменными для настоящего и будущих поколений [1, с. 71].

Данная идея была воспринята другими странами, и очень скоро национальные парки стали возникать в Канаде, Мексике и Австралии, на территории Соединенных Штатов. Последними к этому движению подключились страны Азии и Южной Америки. К концу XIX в. в мире было не более двадцати национальных парков. В первые два десятилетия XX в. было организовано по 10 национальных парков в США и Канаде, 8 в Австралии, 7 в Швеции, по 2 в Новой Зеландии и Испании. К середине XX в. их число составило уже около ста, в 70-х гг. – 330 [2, с. 5]. В настоящее время во всем мире насчитывается 5830 национальных парков по международной классификации [3].

Однако с увеличением числа национальных парков в мире появились и различные правовые модели национальных парков.

Изначально основная идея национальных парков связывалась с тем, чтобы обеспечить в настоящем и будущем отдых населения. Например, в США данная идея была выдвинута в ранг государственной политики еще в начале XX в. К 20-м гг. XX в. мнения по вопросу о национальных парках разошлись: в то время как часть общества поддерживала стремление к

сохранению природных территорий в их первобытном состоянии, другие выступали за полную доступность заповедных мест и содействовали созданию максимально благоприятных условий для посетителей парков. На практике рекреация оставалась основополагающим направлением при создании парков вплоть до 70-х гг. В 1975 г. состоялся ряд конференций, проведены слушания в Конгрессе, на которых было определено, что основным направлением деятельности Службы национальных парков должно стать природоохранное [1, с. 79]. В настоящее время законодательство США предъявляет весьма жесткие требования к использованию парков. Так, в них запрещается разработка природных ресурсов, строительство новых зданий и дорог (за исключением тех, которые необходимы для функционирования национального парка), спортивных сооружений (стадионов, площадок для игр), а также охота и постоянное проживание. Туризм приобретает все больше научно-познавательную направленность [4].

В Канаде, согласно Закону о национальных парках 2000 г. с изменениями и дополнениями по состоянию на 19 мая 2021 г., подходы к определению первостепенных задач национальных парков, их правового режима мало чем отличаются от регламентации режима парков в США. В настоящее время деятельность национальных парков Канады основана на принципе, который заключается в том, что программы охраны природы и использования природных ресурсов обязательно должны включать присутствие человека. Данное положение обеспечивается главным образом зонированием территории парков. Этот принцип предусматривает пять классов землепользования в парках, в том числе с режимом «нетронутых территорий», который введен на 55–70 процентах площади парков.

Закон Японии о природных парках 1957 г. в качестве целей их создания определяет сохранение живописных территорий и их экосистем, обеспечение использования данных территорий, а также обеспечение оздоровления, рекреации и экологического образования населения Японии. Система природных парков делится на три основные группы:

а) национальные – территории с максимальным ограничением хозяйственной деятельности, на которых представлены наиболее живописные ландшафты национального значения;

б) квазинациональные, или провинциальные, – территории, на которых значительно ограничивается хозяйственная деятельность;

в) префектуральные – охраняемые территории, используемые главным образом для рекреации и предназначенные для сохранения ценных ландшафтов местного значения [5].

Национальные парки в Европе начали формироваться в начале XX в. Уже в то время Европа характеризовалась высокой плотностью населения и сильно освоенным ландшафтом, а потому малой площадью нетронутых участков природы. Для сохранения малых участков экологических систем требуются соответствующие регуляционные и поддерживающие мероприятия, режим строгой охраны в данном случае не служит гарантией продолжительного существования природных комплексов и объектов.

В связи с этим охраняемые природные территории Европы несут черты как строго охраняемых, так и «управляемых» территорий [2, с. 15]. Так, из семи национальных парков Австрии два относятся к охраняемым ландшафтам категории V по международной классификации охраняемых природных территорий.

Правовые основы развития охраняемых территорий в странах Западной Европы закладывались в общих законах об охране природы, принятых в первой половине XX в. Затем появляется специальное законодательство об охраняемых территориях, в котором на более детальном уровне определяются их цели и функции, организационно-правовые вопросы относительно механизма управления этими территориями.

В странах бывшего СССР национальные парки являются категориями особо охраняемых природных территорий федерального или республиканского значения, правовой основой для выделения которых выступают законы об охране окружающей (природной) среды, а также законы о таких территориях или об их фонде. Правовые модели национальных парков в данных странах, как правило, схожи.

Таким образом, анализ зарубежного законодательства о национальных парках свидетельствует об отсутствии единого подхода, определенной удаленности от модели национального парка, созданной международной общественностью. Каждая страна, исходя из присущих ей политических и социально-экономических особенностей, строит свою собственную модель парка. Изучение мировой практики, в том числе стран бывшего СССР, позволяет выделить два типа национальных парков:

1) национальные парки рекреационного типа – не соответствуют статусу национального парка, создавались в густонаселенных районах; участков, закрытых для посещения, обычно нет или незначительны по площади (большинство парков Великобритании, Японии, Мексики);

2) национальные парки природоохранного типа:

а) с более строгим режимом – главной задачей имеют сохранение эталонных участков дикой природы, редких и исчезающих видов организмов и генофонда планеты в целом, в таких парках для посетителей открыта только ничтожная часть объекта, маршруты строго определены, допускается вмешательство только с научной целью, нередко данные национальные парки превращаются в парки первого типа из-за наплыва туристов (современные национальные парки США, Канады);

б) с менее строгим режимом – наиболее распространенный вид охраняемых природных территорий в мире, большая часть их площади закрыта для широкой публики, открытая часть специально подготовлена для приема посетителей (Россия, Беларусь).

Список использованных источников

1. Транин, А. А. Национальные парки в СССР: проблемы и перспективы / А. А. Транин. – М. : Наука, 1991. – 294 с.

2. Забелина, Н. М. Национальный парк / Н. М. Забелина. – М. : Мысль, 1987. – 170 с.

3. Database on protected areas and other effective area-based conservation measures [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.protectedplanet.net/en/search-areas?filters%5Biucn_category%5D%5B%5D=II. – Date of access: 19.05.2021.

4. Electronic Code of Federal Regulations: Chapter I. National Park Service, Department of the interior [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ecfr.gov/cgi-bin/text-idx?SID=b76d0d0c7e5104b0c8086d58e137df16&mc=true&tpl=/ecfrbrowse/Title36/36chapterI.tpl>. – Date of access: 19.05.2021.

5. Natural Park System in Japan. Ministry of the Environment, Japan [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.env.go.jp/en/nature/nps/park/doc/files/parksystem.pdf>. – Date of access: 19.05.2021.

Ивакин В. И.

**ИДЕЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РАБОТАХ
ПРОФЕССОРА А. И. БОБЫЛЕВА И РАЗВИТИЕ ДАННОЙ КАТЕГОРИИ
В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

*Российский университет транспорта, юридический институт,
ул. Образцова, 9, стр. 4, (учебный корпус 6), 127055, г. Москва, Россия,
info@ui-miit.ru*

В научных трудах профессора, доктора юридических наук А. И. Бобылева в последнее десятилетие его научной деятельности огромное значение занимали проблемы, связанные с разработкой вопросов юридической ответственности за экологические правонарушения. В указанных исследованиях по обозначенной тематике ученый излагал свое видение на этот важнейший институт экологического права. Значительным разработками здесь можно назвать, например, монографию «Юридическая ответственность за нарушение правового режима природных объектов, природных ресурсов [1], выпущенную в 2007 г., актуальность которой сохраняется и в настоящее время. В цитируемых, а также иных аналогичных трудах [2, с. 6–12; 3] ученым как индивидуально, так и совместно с другими представителями правовой науки анализировались самые различные аспекты данной категории. И те выводы, которые делались позже в исследованиях, проводимых лично нами, основывались в значительной степени именно на трудах А. И. Бобылева. Среди таких подходов, некоторые можно обозначить. Так, проблему эколого-правовой ответственности, представленную как только суммарную совокупность существующих форм ответственности различных отраслей права предлагается трактовать как принципиально новую, особую, самостоятельную, нетрадиционную форму юридической ответственности за экологические правонарушения, причинившие вред окружающей среде, и образующей юридические гарантии полного

возмещения экологического вреда с целью сохранения благоприятной природной среды. Данная концепция эколого-правовой ответственности, основанная на трудах, в том числе А. И. Бобылева, позволяет создать и подготовить новый процессуальный порядок для полного возмещения экологического вреда. Сущность такого подхода заключается в предоставлении этой новой отраслевой форме ответственности, охватывающей одновременно и все другие формы ответственности, верховенствующего значения во всей системе правовой ответственности в области охраны природной среды.

В связи с этим предлагается рассматривать сущность эколого-правовой ответственности как представляющей собой систему норм исключительно института экологического права. Особенностью данной категории является возможность в его пределах восстанавливать и возмещать полный экологический вред до полного восстановления благоприятной окружающей среды.

Новый взгляд кардинально изменяет устоявшееся в российском праве представление о сущности экологической ответственности и соответствующем правонарушении как категории исключительно института экологического права. При этом административная, уголовная, имущественная и гражданско-правовая разновидности ответственности рассматриваются в виде частных случаев применения ответственности в области охраны окружающей природной среды, тогда как экологическая ответственность есть не только отдельный случай возмещения экологического ущерба, но и особенное понятие, учитывающее все вышеназванные виды ответственности и образующее единый институт, направленный на полное возмещение экологического вреда. Основываясь на философских методах познания, на трудах юристов-экологов, среди которых следует назвать, несомненно, и имя А. И. Бобылева, можно утверждать, что эколого-правовая ответственность значительно шире, чем административная, уголовная или гражданско-правовая ответственность. Задача ее – создать и подготовить процессуальный порядок полного возмещения экологического вреда, поскольку все традиционные формы юридической ответственности возмещают его, при возможности, только частично, в рамках той отрасли права, каковая определяет соответствующее правонарушение, ограничивающее предмет возмещения вреда.

Тем не менее необходимо заметить, что идее эколого-правовой ответственности предшествовала идея юридической ответственности за экологические правонарушения, которая находила отражение в исследованиях профессора А. И. Бобылева. Не отвергая ее существование, следует признать, что они соотносятся между собой как отдельное и особенное, как необходимая связь особенного с отдельным. Под отдельным понимается возможность привлечения к юридической ответственности за административные и уголовные правонарушения в области окружающей среды, а особенная – возможность возмещения исключительно экологического ущерба. Приоритет экологических ценностей обуславливает

поставить эколого-правовую ответственность на место основного способа, способствующего восстановлению окружающей природной среды.

Эколого-правовую ответственность как единственно возможную, восстановительную, наряду в определенной степени с гражданско-правовой ответственностью, следует трактовать как разновидность юридической ответственности, которая состоит из материальных и процессуальных эколого-правовых норм, обеспечивающих полное восстановление экологического ущерба. В то же время гражданско-правовая и эколого-правовая ответственность – это две в корне различные формы юридического воздействия, их пределы и границы регулирования не одинаковы [4, с. 52–67]. Более широки у эколого-правовой ответственности. Сущность гражданско-правовой формы ответственности состоит в возмещении исключительно имущественного вреда, но у нее отсутствует процессуальный механизм для возмещения полного экологического ущерба. В свою очередь суть эколого-правовой ответственности – возмещение экологического ущерба до полного восстановления окружающей среды. Для этого вида ответственности, присущего исключительно только рассматриваемой отраслевой форме, характерен отличный от других, новый процессуальный порядок ее применения, который должен быть установлен Экологическим кодексом Российской Федерации, куда должна входить процессуальная часть, либо Эколого-процессуальным кодексом Российской Федерации. Данная форма ответственности вытекает из экологической функции государства, выражающейся в направлениях деятельности. Одним из них является восстановление окружающей природной среды [5, с. 233–239].

Существенной особенностью новой формы ответственности является, в частности, то, что она может наступать без правонарушения и заключаться в воздержании от совершения таких деяний, т. е. представлять собой позитивную форму ответственности, в рамках которой государство обязано обеспечить благоприятную окружающую среду. В качестве примера здесь можно назвать Директиву Европарламента и Совета ЕС 2004/35/EG от 21 апреля 2004 г. «Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического вреда и устранение его последствий». Это также Модельный Закон Содружества Независимых Государств от 3 декабря 2009 г. «Об экологической ответственности в отношении предупреждения и ликвидации вреда окружающей среде». Документ принят на тридцать третьем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи Государств – участников СНГ постановлением № 33-10. Аналогичные акты издаются и в некоторых странах мира. Например, в Германии еще в 1991 г. принят отдельный Закон «Об экологической ответственности».

Таким образом, полагаем, что и в России, а также других государствах, возможно принятие таких документов. И первый шаг на этом пути сделан в мае 2021 г., о чем сообщали средства массовой информации, что в ближайшее время в Государственную Думу Федерального Собрания РФ будет внесен законопроект об экологической ответственности. В связи с этим можно констатировать, что идеи профессора, доктора юридических наук,

заслуженного юриста Российской Федерации Анатолия Ивановича Бобылева, связанные с юридической ответственностью в области охраны природной среды, вскоре найдут свое воплощение и в законодательных актах нашей страны.

Список использованных источников

1. Бобылев, А. И. Юридическая ответственность за нарушение правового режима природных объектов, природных ресурсов : монография / А. И. Бобылев, В. И. Ивакин ; под ред. А. И. Бобылева. – М. : Право и государство, 2007. – 320 с.

2. Бобылев, А. И. Юридическая ответственность за правонарушения // Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 2. – С. 6–12.

3. Юридическая ответственность за экологические правонарушения : монография / А. И. Бобылев [и др.] ; под ред. А. И. Бобылева, Н. А. Духно. – М. : ЮИ МГУ ПС, 2001. – 229 с.

4. Жаворонкова, Н. Г. Теоретико-правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде / Н. Г. Жаворонкова, Г. В. Выпханова // Lex Russia. – 2018. – № 3. – С. 52–67.

5. Ивакин, В. И. Эколого-правовая ответственность как составной элемент экологической безопасности в условиях цифровой трансформации международного рынка перевозки грузов и пассажиров / В. И. Ивакин // Правовые аспекты цифровизации международного транспорта и логистики : материалы Второго Международного транспортно-правового форума / под ред. А. А. Чеботаревой, В. Е. Чеботарева. – М. : Изд-во Юридического института МИИТ, 2020. – С. 233–239.

Лаевская Е. В.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ КЛИМАТИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Независимый исследователь, г. Минск, Беларусь

Концепция климатической справедливости (Climate justice) (далее – КС) формируется на базе теоретических подходов о сущности справедливости, социальной и экологической справедливости. КС основана на признании изменения климата в качестве этической, политической и правовой, а не исключительно экологической проблемы; на определении климатических изменений как феномена, который оказывает влияние не только на окружающую среду в экологическом смысле, но и на социальную, экономическую и политическую жизнь людей [1]. Общеизвестно, что изменение климата усиливает неравенство и может явиться причиной новых вызовов для природы и общества, поскольку у людей с низким доходом меньше возможностей доступа к ресурсам, чтобы восстановиться после воздействия экстремально высоких температур, наводнений, чрезвычайных ситуаций, адаптироваться к ним.

В международно-правовой повестке идеи КС активно стали проявляться с начала 2000-х гг. в контексте защиты прав человека [2, с. 39]. Так, в 2000 г. в Гааге прошел первый Саммит по вопросам КС, на котором было заявлено, что изменение климата является проблемой прав человека. В августе–сентябре 2002 г. на саммите Рио + 10, были приняты «Балийские принципы климатической справедливости» [3], в которых, в частности, отмечалось, что КС состоит в том, что сообщества имеют право быть свободными от изменения климата, связанных с ним воздействий и других форм экологического разрушения. В 2015 г. важность учета концепции КС при осуществлении действий по решению проблемы изменения климата была подчеркнута в преамбуле Парижского соглашения по климату (далее – ПС) [4]. Идеи КС с начала 2000-х гг. не только нашли свое отражение в международно-правовых документах, но и явились стимулом для формирования соответствующего общественного движения КС. Так, на Балийской конференции 2007 г. была основана глобальная коалиция «Climate Justice Now!», активно действуют другие коалиции за КС [5]. Большое внимание в 2019 г. к идеям КС привлекла Грета Тунберг, школьница из Швеции, которая выступила за активизацию глобальных мер, направленных на борьбу с изменением климата, вовлечение общественности в процессы принятия решений, касающихся климатических изменений.

В последнее время подчеркивается, что КС следует понимать с точки зрения необходимости сдерживать изменение климата в определенных пределах, как, например, определено в цели ПС, в противном случае воздействие изменения климата на естественные экосистемы и человека будет настолько серьезным, что исключает возможность справедливости для многих групп населения Земли и следующих поколений людей. Важным индикатором растущей динамики КС как социальной проблемы является поддержка Президентом США Джо Байденом Плана по обеспечению экологической справедливости и равных экономических возможностей в будущем чистой энергии, одним из основных принципов которого является стремление к КС [6].

Проявлением КС в правовом контексте является растущее в последнее время количество судебных дел по вопросам изменения климата. Судебные дела, связанные с изменением климата, или «климатические судебные разбирательства», представляют собой судебные прецеденты, в которых истцы – представители общественности, неправительственные организации требуют от правительств, государственных органов, корпораций предпринять более активные действия, направленные на смягчение последствий изменения климата, возместить ущерб, связанный с климатическими изменениями. Так, в «Докладе ЮНЕП о “климатических” судебных разбирательствах в мире: обзор за 2020 год», который содержит обзор текущего состояния судебных разбирательств в связи с изменением климата в мире, а также оценку тенденций в этой области в свете глобального изменения климата, отмечается, что в 2017 г. было возбуждено 884 подобных дела в 24 странах мира. На 1 июля 2020 г. количество дел почти удвоилось: в

38 странах было возбуждено не менее 1550 дел, связанных с изменением климата. Согласно выводам доклада, в мире быстро увеличивается количество судебных разбирательств, связанных с последствиями изменения климата. Расширяется и круг истцов: к неправительственным организациям и политическим партиям присоединяются дети, пожилые люди, мигранты и коренные народы. В числе оснований «климатических» исков в докладе названы: нарушения «климатических прав», т. е. истцы все чаще опираются на основные права человека, включая право на жизнь, здоровье, питание и воду; неспособность (бездействие) правительств выполнять свои обязательства для смягчения последствий изменения климата и адаптации к нему; так называемое «зеленое» отмывание денег и сокрытие информации, когда сообщения корпораций содержат ложную или вводящую в заблуждение информацию о воздействии на изменения климата. Аналитики также прогнозируют увеличение числа судебных климатических разбирательств, касающихся лиц, перемещенных в результате изменения климата или климатических мигрантов [7].

Полагаем, что формирование правового обеспечения КС на национальном уровне должно основываться на декарбонизации законодательства в целях сокращения выбросов парниковых газов (далее – ПГ) и адаптации к изменениям климата, т. е. процессе комплексного совершенствования правового регулирования отношений в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов, а также в иных сферах – государственного планирования и прогнозирования, инвестиционной и инновационной деятельности, создания экономического механизма стимулирования сокращения выбросов ПГ, что предполагает адаптацию традиционных для гражданского, банковского, налогового права правовых инструментов, обеспечивающих организацию торговли квотами на выбросы ПГ, выпуск и обращение «зеленых» облигаций, взимание углеродного налога и др. [8, с. 94].

Одним из правовых способов обеспечения КС является, по нашему мнению, формирование эффективного правового обеспечения участия общественности в принятии климатически значимых решений (политик, планов и программ, законодательства), реализация которых может оказать влияние на климатическую систему и ее изменения, а значит, на будущее ныне живущих и следующих поколений людей. В этих целях следует прежде всего на законодательном уровне обеспечить определенность разработки, реализации, мониторинга документов политик, планов и программ в сфере изменения климата (в частности, предусмотренных ПС: определяемого на национальном уровне вклада в сокращение выбросов ПГ, долгосрочной национальной Стратегии низкоуглеродного развития на период до 2050 г., национального Плана адаптации к изменениям климата, национального Плана действий по увеличению абсорбции ПГ поглотителями на период до 2030 г.), определить позицию указанных документов в системе государственных прогнозов и программ, закрепить права и обязанности субъектов – участников процесса разработки, принятия, мониторинга

реализации подобных документов климатического государственного планирования, в том числе права общественности в принятии климатически значимых решений, а также в обжаловании и (или) оспаривании таких решений.

Список использованных источников

1. Eric Posner & Cass R. Sunstein, «Climate Change Justice», 96 Georgetown Law Journal 1565 (2008) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/234137019.pdf> – Дата доступа: 30.04.2021.
2. Peel J., Osofsky H. M. A rights turn in climate change litigation? // Transnational environmental law. – Cambridge, 2018. – Vol. 7, N 1. – P. 37–67.
3. Bali Principles of Climate Justice. August 28, 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.indiaresource.org/issues/energycc/2003/baliprinciples.html> – Дата доступа: 26.03.2021.
4. Парижское соглашение. Решение FCC/CP/2015/L.9/Rev.1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unfccc.int/resource/docs/2015/cor21/rus/109r01r.pdf> – Дата доступа: 26.03.2021.
5. Climate Action Network coalition [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://climatenetwork.org> – Дата доступа: 16.04.2021.
6. The Biden Plan to secure environmental justice and equitable economic opportunity [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://joebiden.com/environmental-justice-plan> – Дата доступа: 26.04.2021.
7. The UNEP Global Climate Litigation Report: 2020 Status Review [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unenvironment.org/resources/report/global-climate-litigation-report-2020-status-review> – Дата доступа: 6.05.2021.
8. Лаевская, Е. В. Декарбонизация законодательства Республики Беларусь: понятие и основные направления / Е. В. Лаевская // Состояние, проблемы и перспективы развития юридической науки и практики: белорусский и зарубежный опыт : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2021. – С. 90–94.

Лихолетова С. В.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ КАК САНКЦИИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ¹

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ),
пр. Ленина, 76, 454080, г. Челябинск, Россия, likholetovasv@susu.ru*

Обязательные требования, предусмотренные экологическим законодательством, требуют создания механизмов, обеспечивающих их реализацию. Одним из элементов выступают санкции за нарушение

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области (проект № 20-411-740012).

экологических требований. Нормативными правовыми актами различной отраслевой принадлежности предусматривается такая мера, как приостановление деятельности хозяйствующих субъектов, которая устанавливается за экологические правонарушения. По вопросу о юридической природе рассматриваемой меры в науке экологического права нет однозначного мнения. Например, М. М. Бринчук отмечает, что она относится к мерам эколого-правовой ответственности и, регулируя ее, целесообразно сформулировать в контексте предупреждения или пресечения экологического вреда [1, с. 44]. Нам ближе позиция С. А. Боголюбова, что данную санкцию нельзя относить к эколого-правовой [2, с. 115–116].

Положения о приостановлении деятельности хозяйствующих субъектов содержатся и в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон об охране окружающей среды). В 2005 г. в Кодекс Российской Федерации об административных нарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ) была введена такая мера, как административное приостановление деятельности хозяйствующих субъектов. Эта мера является достаточно строгой, так как «для крупных предприятий даже один день вынужденного простоя оборачивается большими убытками, иногда многократно превышающими штрафные санкции, установленные КоАП РФ» [3, с. 30]. Такой вывод можно сделать на основе анализа размера штрафов за экологические правонарушения.

Приостановление деятельности хозяйствующих субъектов заключается во временном прекращении их деятельности или видов деятельности, оказания услуг, эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений. Применительно к природоохранной сфере данная мера применяется в случае угрозы жизни или здоровью людей, возникновения эпидемии, эпизоотии, заражения (засорения) подкарантинных объектов карантинными объектами, наступления радиационной аварии или техногенной катастрофы, причинения существенного вреда состоянию или качеству окружающей среды. Таким образом, приостановление деятельности хозяйствующих субъектов направлено на предотвращение дальнейшего причинения вреда окружающей среде.

Статья 5 Закона об охране окружающей среды относит к полномочиям федеральных органов государственной установление порядка приостановления деятельности хозяйствующих субъектов и его осуществление. На федеральном уровне отсутствует специальный нормативный правовой акт, регулирующий данный вопрос. Общие требования предусмотрены КоАП РФ. В частности, говорится о том, что приостановление деятельности хозяйствующих субъектов назначается судьей, кроме случаев, прямо предусмотренных законом. В срок административного приостановления деятельности засчитывается срок временного запрета деятельности. В КоАП РФ регламентируется срок приостановления деятельности хозяйствующих субъектов и порядок его исчисления. Максимальный срок приостановления составляет 90 суток. Срок исчисляется с момента фактического приостановления деятельности. Предусмотрена возможность досрочного прекращения исполнения

наказания, если будет установлено, что устранены обстоятельства, явившиеся основанием для его установления.

Статья 6 Закона об охране окружающей среды относит обращение в суд с требованиями о приостановлении деятельности к полномочиям субъектов РФ. На региональном уровне соответствующие нормативные правовые акты практически отсутствуют. В качестве примера можно привести Распоряжение Комитета по природопользованию, охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности Правительства Санкт-Петербурга от 10.04.2012 № 73-р «Об утверждении Административного регламента по исполнению Комитетом по природопользованию, охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности государственной функции по обращению в суд с требованием об ограничении, приостановлении и(или) запрещении хозяйственной и иной деятельности, осуществляемой с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, в установленном порядке». Таким образом, можно обозначить проблемы отсутствия специального правового регулирования применения рассматриваемой меры к субъектам хозяйственной деятельности.

Положения Закона об охране окружающей среды не предусматривают соответствующего полномочия органов местного самоуправления, поэтому органы местного самоуправления признаются ненадлежащими истцами [4]. Данное положение исходит также из того, что ФЗ «Об охране» не предусматривает такого вида экологического контроля, как муниципальный. По нашему мнению, отсутствие данного полномочия на местном уровне не является целесообразным. Органы местного самоуправления могут проявлять активность в защите экологических прав и поэтому могут использовать иные предусмотренные законом механизмы. Например, Решением Собрания депутатов Златоустовского городского округа Челябинской области от 26.03.2009 № 687 «Об организации мероприятий по охране окружающей среды и переработке гальванохимических отходов в границах Златоустовского городского округа» правовому управлению администрации Златоустовского городского округа рекомендовано в случае невыполнения предприятиями законных требований в области охраны окружающей среды инициировать судебные решения по приостановлению деятельности таких предприятий в данной области до выполнения мероприятий по внедрению технологий замкнутого цикла водоснабжения, а также инициировать применение мер имущественной, дисциплинарной, административной и уголовной ответственности в соответствии с законодательством.

В статье 12 Закона об охране окружающей среды к правам общественных объединений и некоммерческих организаций относится право подавать в органы государственной власти РФ, органы местного самоуправления, суд обращения о приостановлении хозяйственной деятельности, оказывающей негативное воздействие на окружающую среду. Реализация данного права осуществляется в первом случае в рамках осуществления общественного экологического контроля, а во втором – в

порядке гражданского судопроизводства. Статья 80 ФЗ «Об охране» предусматривает возможность обращения с исками в суд или арбитражный суд.

В Законе об охране окружающей среды подчеркивается, что приостанавливаемая деятельность должна осуществляться в связи с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды. Она назначается только в случаях, предусмотренных Особенной частью КоАП РФ. Предусмотрена оговорка «если менее строгий вид административного наказания не сможет обеспечить достижение цели административного наказания». Тем самым в законе прямо подчеркивается значение данной санкции. Такой подход прослеживается и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде». В пункте 27 указывается, что при установлении рассматриваемой меры суд должен соблюдать баланс между потребностями общества в сохранении благоприятной окружающей среды и обеспечении экологической безопасности, с одной стороны, и решением социально-экономических задач – с другой. Следует принимать во внимание не только факторы, обеспечивающие нормальную жизнедеятельность людей и организаций, но и соразмерность последствий приостановления деятельности тому вреду окружающей среде, который может наступить в результате продолжения данной деятельности.

Применительно к рассматриваемому вопросу можно привести положения ст. 1065 Гражданского кодекса Российской Федерации (Ч. 2) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (далее – ГК РФ). Указывается, что суд может отказать в иске о приостановлении соответствующей деятельности лишь в случае, если ее приостановление противоречит общественным интересам. Можно сделать вывод, что формулировка закона в данном случае является более строгой, чем данное Верховным Судом РФ разъяснение. Отказ в удовлетворении требований о приостановлении деятельности хозяйствующих субъектов не препятствует предъявлению иска о возмещении вреда, причиненного этой деятельностью. Данные положения явились предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который в своем Определении от 28.06.2018 № 1529-О отметил, что предусмотренное ст. 1065 ГК РФ правовое регулирование направлено на защиту жизни и здоровья граждан, предотвращение причинения вреда имуществу физических и юридических лиц и не может расцениваться как нарушающее конституционные права заявителя.

Подводя итог, можно сделать вывод, что приостановление деятельности хозяйствующего субъекта является мерой, носящей превентивный и карательный характер, и может выступать достаточно действенным стимулом для соблюдения обязательных требований субъектами хозяйственной деятельности.

Список использованных источников

1. Бринчук, М. М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид ответственности / М. М. Бринчук // *Lex russica.* – 2016. – № 6. – С. 26–47.
2. Боголюбов, С. А. Особенности юридической ответственности в системе экологических правоотношений / С. А. Боголюбов // *Журнал российского права.* – 2019. – № 4. – С. 105–119.
3. Жук, М. Ответственность предприятий транспорта за нарушения законодательства об охране окружающей природной среды / М. Жук // *Законность.* – 2006. – № 1. – С. 28–31.
4. Тихомирова, Л. А. Правовой режим объектов размещения отходов / Л. А. Тихомирова // *СПС КонсультантПлюс.* – 2019.

Лунева Е. В.

ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
ул. Кремлевская 18, 420 008, Казань, Россия, vilisa_vilisa@mail.ru*

Смысл применения цифровых технологий – оперативное получение, обработка и использование актуальной информации, государственных или муниципальных услуг, электронные согласования, в том числе в области территориального планирования. Поэтому цифровые технологии включены в национальные проекты федерального масштаба. Например, Федеральным проектом «Цифровое государственное управление» (паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) запланирован переход к обеспечению взаимного соответствия и нормализации данных, используемых при межведомственном электронном взаимодействии, в информационных ресурсах государственных органов власти.

Федеральная государственная информационная система территориального планирования (ФГИС ТП, официальный сайт: <https://fgistp.economy.gov.ru>), информационная система обеспечения градостроительной деятельности (ИСОГД, официальный сайт: <https://исогдрегион.рф>) и другие государственные информационные ресурсы, государственные и муниципальные информационные системы могут использоваться и используются при развитии территорий, экологической организации пространства.

Согласно ч. 2 ст. 57.1 Градостроительного кодекса Российской Федерации на ФГИС ТП всем заинтересованным лицам должен обеспечиваться доступ к электронной информации, необходимой для подготовки документов территориального планирования, включая

документы территориального планирования, их проекты и материалы по обоснованию, правила землепользования и застройки, цифровые топографические карты, сведения об особо охраняемых природных территориях, о зонах с особыми условиями использования территорий, о границах лесничеств, а также многие другие сведения как прямо указанные в рассматриваемой статье, так и отнесенные к иной информации о состоянии, использовании, ограничениях использования территорий.

Предусмотренные градостроительным законодательством сведения, информация и карты формально содержатся на специализированном сайте. В то же время имеются существенные недостатки информационно-цифрового обеспечения территориального планирования.

Рассмотрим имеющиеся, на наш взгляд, недостатки по состоянию на 3 мая 2021 г.

1. Применительно к схемам территориального планирования, генеральным планам отсутствуют ссылки для скачивания картографических файлов (цифровые карты) при одновременном указании их имени, типа, описания и размера. Например, в схеме территориального планирования по строительству автомобильной дороги общего пользования федерального значения М-12 [1] обозначено имя файла «Карты планируемого размещения объектов федерального значения.gml», его тип, описание, размер, но отсутствует как предварительный просмотр, так и сам файл. В то же время размещены копии карт в виде PDF-файлов или JPG-файлов. Копии карт в виде PDF-файлов читаются, при разумном увеличении картинка не размывается (например, файл «Копии карт планируемого размещения объектов в растровом формате.pdf» [2] схемы территориального планирования РФ в области федерального транспорта, автомобильных дорог федерального значения). Копии карт в виде JPG-файлов имеют очень низкое качество, легенду невозможно прочесть, при малейшем увеличении изображение сразу размывается (например, файл «Копия карт планируемого размещения объектов в растровом формате.jpg» генерального плана городского округа Казань [3]). Файлы с расширением PDF, JPG не являются цифровыми картами, не позволяют сравнивать между собой карты документов территориального планирования различных уровней, автоматически обрабатывать и анализировать геоинформационные данные.

2. Геоинформационная подсистема ФГИС ТП выгружает слои цифровой картографической информации только в файлы, имеющие расширение PNG (графический формат рисунка), не обладающие возможностью обмена графическими данными.

3. Многие файлы в разделе «Документы» размещены под одним и тем же именем (за исключением конечных буквенных обозначений и цифр в названии), что затрудняет поиск интересующей части информации. Например, в документе о высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва – Казань – Екатеринбург [4] все восемь файлов с расширением PDF названы «Информация о размещении объектов федерального значения,

объектов регионального значения, объектов местного значения». Не указано, где текстовая часть материала по обоснованию проекта планировки территории, а с какого файла начинается его графическая составляющая.

4. Файлы схем территориального планирования РФ в области федерального транспорта и автомобильных дорог федерального значения, в области обороны страны и безопасности государства, в области энергетики, в области высшего образования, в области здравоохранения, в иной области, в нескольких областях и их проектов, файлы схемы территориального планирования на часть территории РФ в одной или нескольких областях, подготовленной по решению Президента РФ или Правительства РФ, и ее проекта, файлы схем территориального планирования двух и более субъектов РФ, субъектов РФ и их проектов, файлы генеральных планов городов федерального значения и их проектов, файлы схем территориального планирования муниципальных районов и их проектов, файлы генеральных планов поселений и генеральных планов городских округов и их проектов, файл «Тип коллекции абстрактных объектов» представлены в ФГИС ТП в виде файлов с расширением XSD. Универсальный пакет MS Office не может открыть указанные файлы. Требуется специальное программное обеспечение, поиск которого приходится осуществлять через сеть Интернет. Почему нельзя перечисленные документы и их проекты создать в виде общедоступных геоинформационных систем (цифровых карт) по аналогии с публичной кадастровой картой?

5. Аналогичная ситуация наблюдается и с набором служебных справочников ФГИС ТП, представленных архивом файлов, также имеющих расширение XSD.

В науке экологического права работа ФГИС ТП называется простым каталогом действующих документов территориального планирования [5, с. 92]. Система «не позволяет в интерактивном режиме просмотреть расположение объектов федерального, регионального и местного значения, не позволяет быстро получить информацию, содержащуюся в ранее утвержденных документах территориального планирования» [5, с. 92].

В градостроительном законодательстве закреплено императивное требование о доступе к утвержденным документам территориального планирования и материалам по их обоснованию в ФГИС ТП, который должен быть обеспечен с использованием официального сайта в срок, не превышающий 10 дней со дня утверждения таких документов (ч. 9 ст. 9 Градостроительного кодекса РФ).

Приведенные выше примеры отсутствия картографических файлов, размещение информации в виде файлов с низким качеством изображения или в виде файлов, требующих специального программного обеспечения, свидетельствуют о затруднении в реализации указанного законоположения.

Выявленные недостатки работы ФГИС ТП существенно нивелируют публичность принятия и реализации органами власти решений в области территориального планирования, а также информационную поддержку деятельности физических и юридических лиц по развитию территории,

которые провозглашены п. 2 Правил ведения федеральной государственной информационной системы территориального планирования (утверждены Постановлением Правительства РФ от 12.04.2012 № 289 (ред. от 19.06.2019) «О федеральной государственной информационной системе территориального планирования»). Такая ситуация отрицательно сказывается на развитии территории и экологической организации пространства муниципального, регионального и федерального уровня.

Список использованных источников

1. Внесение изменений в схему территориального планирования Российской Федерации в области федерального транспорта (железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта) и автомобильных дорог федерального значения в части строительства автомобильной дороги общего пользования федерального значения М-12 строящаяся скоростная автомобильная дорога Москва – Нижний Новгород – Казань [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: https://fgistp.economy.gov.ru/doc.php.t?show_document=true&uin=0002020101202007232. – Дата доступа: 01.05.2021.

2. Схема территориального планирования Российской Федерации в области федерального транспорта (железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта) и автомобильных дорог федерального значения [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: <https://fgistp.economy.gov.ru/files/0002020101202007232/fhNe1vg.pdf>. – Дата доступа: 01.05.2021.

3. Генеральный план городского округа Казань [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: https://fgistp.economy.gov.ru/doc.php.t?show_document=true&uin=9270100002010302202003062. – Дата доступа: 01.05.2021.

4. Проект планировки и проект межевания территорий размещения объекта «Участок Москва – Казань высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва – Казань – Екатеринбург (ВСМ 2)». Участок «Станция Чебоксары ВСМ (искл.) – станция Казань-2 ВСМ (вкл.). Этап 4» [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: https://fgistp.economy.gov.ru/doc.php.t?show_document=true&uin=88604159091106202101142. – Дата доступа: 01.05.2021.

5. Бабич, М. Е. Эколого-правовой режим курортов федерального значения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / М. Е. Бабич ; Московский гос. юрид. ун-т имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – М., 2020. – 241 с.

Макарова Н. В.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ОБЪЕКТАМИ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ekolog_310@mail.ru

В соответствии со сложившимися в юридической науке взглядами возмещение экологического вреда входит в состав эколого-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности [1; 2]. Согласно Закону Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХП «Об охране окружающей среды» в редакции от 17 июля 2002 г. № 126-З экологический вред – это «вред, причиненный окружающей среде, а также вред, причиненный жизни, здоровью и имуществу граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, имуществу юридических лиц и имуществу, находящемуся в собственности государства, в результате вредного воздействия на окружающую среду». Данное понятие охватывает все виды ущерба, которые возникают вследствие прямого или косвенного воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности, последствия которой приводят к ее отрицательным изменениям, но не затрагивает вред, который может быть причинен охраняемым законом личным и общественным интересам вследствие естественных процессов, протекающих в самой природной среде. Ранее мы обращали внимание, что за рамками сложившихся представлений об экологическом вреде и его возмещении остаются общественные отношения в области причинения вреда самими объектами природной среды [3]. Такие процессы при определенных обстоятельствах согласно ст. 203 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З могут приобрести характер непреодолимой силы, т. е. стать «непредотвратимым при данных условиях обстоятельством», но именно возможность наступления такого рода обстоятельств подводит к необходимости возложения обязанности по принятию превентивных мер, способствующих предупреждению такого рода вреда. Субъектом, на которого может быть возложена обязанность по проведению профилактических мероприятий и ответственность в случае наступления вреда вследствие естественных процессов, протекающих в самой природе, должно выступать лицо, которому на законных основаниях предоставлено право управления или пользования конкретным объектом экологических отношений [3]. В качестве аналога подобного вида ответственности можно привести ст. 64 Закона Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-З «О животном мире», устанавливающую, что «ущерб, причиненный в результате уничтожения или повреждения сельскохозяйственных и (или) лесных культур охотничьими животными, подлежит возмещению собственнику этих культур или его представителю в соответствии с правилами ведения охотничьего хозяйства и охоты», т. е. речь идет о причинении вреда имущественным интересам. Однако вред объектами природы может быть причинен также жизни и здоровью человека, например, при падении деревьев.

Предлагаемое нами введение специальных мер ответственности за вред, причиненный аварийными деревьями, опирается на судебную практику [4–5], поскольку в Законе Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-З «О растительном мире» среди обязанностей пользователей объектами растительного мира (ст. 9) требование по обеспечению выявления и своевременного удаления опасных деревьев отсутствует, что, на наш взгляд, является пробелом, способным привести к невозможности законного возмещения вреда. При этом налицо эколого-правовая специфика причинения такого рода вреда, выражающаяся в том, что определить потенциальную угрозу, которую представляет объект природы, зачастую возможно только при помощи мер экологического характера, например, в ходе ведения мониторинга, учета и иных мероприятий организационного характера, а также при выполнении экологических требований, проведение которых возложено на лиц, осуществляющих природопользование.

Принятие решений об удалении грозящих падением деревьев отнесено к компетенции местных исполнительных и распорядительных органов. Однако порядок выдачи разрешений на удаление таких деревьев, установленный Положением о порядке выдачи разрешений на удаление объектов растительного мира и разрешений на пересадку объектов растительного мира, которое утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 октября 2011 г. № 1426 (в редакции от 26.04.2019) не предусматривает особых условий удаления деревьев, находящихся в аварийном состоянии, устанавливая общее правило относительно проведения общественных обсуждений выдачи разрешения на удаление. С нашей точки зрения, принятие решения об удалении таких деревьев по соображениям безопасности должно проводиться, минуя процедуру общественного обсуждения. Однако для исключения злоупотребления такой процедурой следует предельно четко определить, что представляют собой опасные деревья. К ним в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «О растительном мире» относят «деревья, создающие своим вероятным падением угрозу причинения вреда жизни и здоровью граждан, имуществу граждан и юридических лиц (сухостойные, имеющие иные значительные повреждения ствола и (или) корневой системы...)». Полагаем, что определение как «опасных» деревьев, «создающих своим вероятным падением угрозу причинения вреда», размывает суть явления. В нормативных правовых актах встречаются иные термины со сходным содержанием – «аварийно-опасные деревья», как «объекты растительного мира, находящиеся в ненадлежащем, в том числе аварийном, состоянии». Данное определение, как представляется, является более точным.

При рассмотрении подобных дел задачей судов является необходимость правильно определить лицо, виновное в причинении вреда, что возможно только после установления факта аварийности дерева и определения лица, виновного в том, что аварийное состояние объекта растительного мира не было установлено, либо лица, виновного в том, что после установления данного факта, этот объект не был удален. Представляется в данном случае

необходимым наличие специальной нормы, регулирующей отношения по возмещению вреда, причиненного определенными объектами растительного мира. Предлагается дополнить Закон Республики Беларусь «О растительном мире» статьей «Возмещение вреда, причиненного объектами растительного мира, находящимися в ненадлежащем, в том числе аварийном состоянии», закрепив в ней обязанность полного возмещения вреда, причиненного в результате падения находящихся в ненадлежащем, в том числе аварийном состоянии деревьев или их частей жизни или здоровью граждан, имуществу, находящемуся в собственности государства, граждан и юридических лиц, лицом, причинившим вред.

Список использованных источников

1. Бринчук, М. М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности / М. М. Бринчук // Государство и право. – 2009. – № 4. – С. 39–48.
2. Балашенко С. А. Экологическое право : учебник / С. А. Балашенко, Т. И. Макарова, В. Е. Лизгаро. – 2-е изд., перераб. – Минск : Вышэйшая школа, 2021. – 399 с.
3. Макарова, Н. В. О правовых формах возмещения экологического вреда / Н. В. Макарова, Т. И. Макарова // Государство и право в XXI веке : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию юрид. фак. Белорус. госуд. ун-та, Минск, 26–27 нояб. 2020 г. ; [редкол.: Т. Н. Михалёва (гл. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 1035–1039.
4. Архив суда Советского района г. Минска за 2015 г. – Гражданское дело № 2-2549/15 по иску Солодковой Е. С. к УП «ЖРЭО Советского района г. Минска».
5. Архив суда Советского района г. Минска за 2018 г. – Гражданское дело № 2-1998/18 по иску Ничик М. Н., Адамович Л. Г. к ЖКХ Советского района г. Минска, КУП «ЖЭУ № 1 Советского района г. Минска», ПКУП «Зеленстрой Советского района г. Минска».

Мороз О. В.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРЯДКА ПРОВЕДЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ¹

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ekolog_310@mail.ru

Стратегическая экологическая оценка (далее – СЭО) – это определение при разработке проектов программ и градостроительных проектов возможных воздействий на окружающую среду и ее изменений в случае реализации проектных решений, содержащихся в такой стратегической документации. Она является новацией в национальном законодательстве и

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ в рамках гранта «Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства государств – членов Евразийского экономического союза»

получила определенное правовое регулирование, которое требует дальнейшего совершенствования.

В качестве основных нормативных правовых актов следует рассматривать Законы Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ и «О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду» от 18 июля 2016 г. № 399-3 (далее – Закон о ГЭЭ, СЭО и ОВОС), Положение о порядке проведения стратегической экологической оценки, требованиях к составу экологического доклада по стратегической экологической оценке, требованиях к специалистам, осуществляющим проведение стратегической экологической оценки, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 января 2017 г. № 47 (далее – Положение о СЭО). Являясь стороной Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, Республика Беларусь не присоединилась к ее Протоколу по стратегической экологической оценке (далее – Протокол по СЭО). Исходя из перспективы участия в данном международном соглашении, представляется актуальным соотнесение его норм со специальными положениями национального законодательства.

В национальном законодательстве изложен порядок проведения СЭО. В научной литературе отмечается, что «концепция СЭО, отраженная в Законе о ГЭЭ, СЭО, ОВОС, отличается от закрепленной Протоколом по СЭО», и «экологический доклад является *результатом – финальным элементом СЭО*, что демонстрирует значительно более узкий подход, чем предусмотрено протоколом по СЭО» [1, с. 114]. Действительно, в Законе о ГЭЭ, СЭО и ОВОС нормы о СЭО в большей степени касаются разработки экологического доклада по СЭО. Указывается, что экологический доклад по СЭО представляется на общественные обсуждения. Но в Положении о СЭО в процедуру рассматриваемого природоохранного механизма включается также определение сферы охвата, проведение консультаций с заинтересованными органами государственного управления, согласование экологического доклада по СЭО с Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и при необходимости с иными заинтересованными органами государственного управления. На наш взгляд, если рассматривать в контексте двух отмеченных нормативных правовых актов, то процедура СЭО выходит за рамки только подготовки итогового документа (экологический доклад по СЭО). Это следует признать положительным, так как позволяет корректировать проектные решения намечаемой деятельности, содержащиеся в стратегической документации, с позиции учета природоохранного фактора. Предлагаем отразить основные элементы СЭО в Законе о ГЭЭ, СЭО и ОВОС, а не только в подзаконном нормативном правовом акте.

Особое внимание следует уделить определению сферы охвата и подготовки экологического доклада по СЭО, так как основная работа специалистов, осуществляющих проведение ОВОС, концентрируется на

данных этапах. Так, процедура СЭО начинается с определения сферы охвата, которое главным образом можно рассматривать как выявление круга аспектов, подлежащих рассмотрению специалистами, непосредственно осуществляющими такую стратегическую оценку. В результате вырабатывается определенный план работы соответствующих специалистов, который можно рассматривать в некотором роде как аналог программы проведения оценки воздействия на окружающую среду. В научной литературе в зависимости от степени детализации предлагаются различные определения данного элемента СЭО и используется такой термин, как скопинг [1, с. 20].

В соответствии с Протоколом по СЭО для определения информации, подлежащей включению в экологический доклад, каждая сторона устанавливает соответствующие правила. В Республике Беларусь в процессе определения сферы охвата изучаются проблемы в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, которые могут возникнуть при реализации программы, градостроительного проекта. При этом указаны компоненты окружающей среды, которые подлежат изучению. Уже на данной стадии предлагается учитывать альтернативные варианты реализации программ, градостроительных проектов и указываются требования к ним. Целесообразно закрепить норму, согласно которой определение сферы охвата должно отображаться в отдельном документе, как и в случае с оценкой воздействия на окружающую среду, программа проведения которой разрабатывается и утверждается [2]. Это позволит более четко отграничить данный этап от этапа подготовки экологического доклада.

По национальному законодательству данный элемент СЭО не предусматривает участия общественности, что соответствует Протоколу по СЭО, согласно которому каждая сторона стремится предоставить заинтересованной общественности возможность принять участие в определении, какая информация подлежит включению в экологический доклад. В свою очередь отсутствие консультации с уполномоченными природоохранными органами и органами здравоохранения не соответствует требованию данного международного документа.

Следующим этапом проведения СЭО является подготовка экологического доклада по СЭО, который является результатом непосредственной работы специалистов в рассматриваемой сфере. При проведении соответствующих работ они руководствуются своеобразным планом (сферой охвата). Как и при определении сферы охвата, так и при разработке экологического доклада по СЭО Протокол по СЭО содержательно ориентирует на аспекты, указанные в Приложении IV к данному документу, которые во многом совпадают с требованиями к составу экологического доклада по СЭО, содержащимися в Главе 4 Положения о СЭО. Так, необходимо указание на цели и задачи, требования к проведению СЭО, результаты предварительной оценки в случае ее проведения; информацию о согласовании с заинтересованными; обоснование выбора рекомендуемого

стратегического решения; предложения об интеграции рекомендаций СЭО в разрабатываемые проекты программ, градостроительные проекты; использованные литературные источники. Установленные требования не являются окончательными и данный документ может содержать иную информацию.

Это позволяет ориентироваться и на требования Протокола по СЭО к экологическому докладу, которые не находят отражения в Положении о СЭО. Так, в национальном законодательстве не содержится указания на такие аспекты, как цели в области окружающей среды, в том числе связанные со здоровьем населения, установленные на международном, национальном и другом уровнях, имеющие отношение к плану или программе; способы учета этих целей в процессе их подготовки; резюме представленной информации, рассчитанное на широкую аудиторию.

Как видится, одним из существенных недостатков Главы 4 Положения о СЭО является отсутствие в качестве требования к составу экологического доклада по СЭО наличия мер по предотвращению негативного влияния на окружающую среду, что также не соответствует Протоколу по СЭО. При этом оно содержится в самом определении экологического доклада по СЭО.

Таким образом, правовое регулирование порядка проведения СЭО находится на стадии формирования. Требуется дальнейшая детализация соответствующей процедуры и структурирование норм, ее регламентирующих. Целесообразно формировать процедуру СЭО исходя из понимания того, что такая оценка является частью процесса принятия проектных решений, имеющих стратегический характер, а не только сводится к подготовке, обсуждению и согласованию экологического доклада.

При дальнейшем совершенствовании законодательства по данному направлению следует ориентироваться на нормы Протокола по СЭО с учетом перспективы участия в данном международном соглашении, а также на специфику национального организационно-правового механизма охраны окружающей среды и определенного опыта правоприменения. Так, СЭО не в полной мере соответствует Протоколу по СЭО относительно содержания некоторых элементов, и отдельные мероприятия либо отсутствуют, либо требуют более четкого правового закрепления в качестве ее элементов.

Список использованных источников

1. Лаевская, Е. В. Правовое регулирование стратегической экологической оценки: международный и зарубежный опыт, состояние и перспективы развития в Республике Беларусь : [монография] / Е. В. Лаевская ; Нац. центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. – Минск : Четыре четверти, 2017. – 172 с.

2. Программа проведения оценки воздействия на окружающую среду по объекту «Проект разработки и рекультивации Центрального участка месторождения песка и гравийно-песчаной смеси «Неволожское» Любанского района Минской области. Корректировка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slavkaliy.com/upload/iblock/c1c/c1c0ef613920c27da2c6c7d1dc9c23ed.pdf>. – Дата доступа: 28.05.2021.

Никитин Е. В.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ
ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

*Южно-Уральский государственный университет,
пр. Ленина, 76, 454080, г. Челябинск, Россия, nikitinev@susu.ru*

Среди основных угроз экологической безопасности Российской Федерации особую обеспокоенность вызывают: неблагоприятное изменение климата, негативное воздействие на природу объектов промышленности, загрязнение источников питьевой воды, процессы, приводящие к деградации земель, распространение отходов производства и потребления, разливы нефтепродуктов и нефти и т. п.

Целью государственной правовой политики в области обеспечения безопасности окружающей среды должно стать укрепление правопорядка в экологической сфере. Для этого, на наш взгляд, необходимо признание экологической преступности одной из системных угроз национальной безопасности Российской Федерации и использование для борьбы с ней системы мер, включающей предупреждение экологических правонарушений, неотвратимость юридической ответственности за них, минимизацию и ликвидацию вреда окружающей среде, при ведущей роли на современном этапе мер профилактики экологических преступлений.

Действующим законодательством (Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации») профилактика правонарушений определяется как совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения.

Важно подчеркнуть, что содержание профилактики составляют меры социального, правового, организационного, информационного характера, направленные на выявление и устранение факторов, детерминирующих совершение экологических правонарушений, а также на лиц, поведение которых носит противоправный или антиобщественный характер, или лиц, намеревающихся совершить правонарушение.

При применении правовых мер профилактики экологических преступлений следует обратить внимание на проблему «коллизии» и «пробельности» экологического законодательства. Применительно к данной проблеме в научной литературе отмечается, что действующее природоохранное законодательство содержит дефекты (противоречия,

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области (проект № 20-411-740012).

пробелы), наличие которых при применении законов ведет к возникновению такого явления, как «абсурды». Под абсурдом понимается противоречивая нормоприменительная практика, которая иррациональна, не выгодна ни государству, ни субъектам хозяйственной деятельности, ни населению и создает значительные административные барьеры и условия для возникновения коррупции. Причинами формирования абсурдов в нормативных правовых актах являются, в частности: некорректное определение понятий или отсутствие необходимых понятий; некорректное определение процедур; нестыковка процедур смежных нормативных правовых актов; правовые коллизии – противоречия разных нормативных правовых актов друг другу; отсутствие правовых актов прямого действия; нарушения границ применимости методов, методик, норм и др. [1, с. 36]. Разрешение данной проблемы видится в таком приеме законодательной техники, как кодификация экологического законодательства.

На наш взгляд, помимо вышеперечисленных (правовых, организационных, информационных и социальных) мер профилактики, особую значимость применительно к экологической сфере приобретают экономические и технические меры предупреждения правонарушений.

В век современных информационных технологий особо актуальным является вопрос применения технических средств для профилактики экологических правонарушений. На сегодняшний день спектр возможных технических средств охраны окружающей среды достаточно разнообразен, от фотоловушек и беспилотных летательных аппаратов (используемых при охране национальных природных парков) до сложных систем мониторинга атмосферного воздуха, воды и почвы. Напрашивается необходимость объединения технических средств (в том числе и используемых экологическими активистами) в единую информационную среду, оснащенную современным программным обеспечением в целях онлайн-мониторинга состояния окружающей среды. В связи с этим необходимы IT-технологии, которые бы позволили на основе анализа больших данных из различных источников определять, например, причину загрязнения атмосферного воздуха, выявлять незаконную вырубку леса, определять очаги возгорания лесных массивов даже при сильном задымлении и т. п.

Перейдем к вопросу об экономических мерах по профилактике правонарушений и возмещению экологического вреда. Как показывает практика, основные проблемы касаются двух аспектов: это установление возможного причинителя экологического вреда с доказыванием причинно-следственной связи между его деянием и вредными последствиями и конкретная оценка вреда окружающей среде. Некоторые ученые предлагают выделить нормы о возмещении экологического вреда в отдельный правовой институт. Так, С. А. Боголюбов считает, что, учитывая актуализацию и возрастающее значение возмещение экологического вреда в условиях рыночной экономики, обостряющейся конкуренции экономики и экологии, можно в какой-то мере считать рассматриваемое явление – возмещение экологического вреда – самостоятельным институтом экологического права

со всеми необходимыми, присущими ему атрибутами, признаками, юридическими последствиями [2, с. 141]. Мы полностью солидаризируемся с этой позицией.

Отдельно представляется важным обратиться к вопросу мониторинга в сфере профилактики экологических правонарушений как системы наблюдений за состоянием профилактики правонарушений, анализа и прогнозирования причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также оценки эффективности деятельности субъектов профилактики правонарушений. В Российской Федерации разработана и действует система государственного экологического мониторинга. Однако, как отмечается в юридической литературе, в рамках осуществления государственного экологического мониторинга должностные лица, его осуществляющие, не обладают полномочиями привлечения к юридической ответственности [3, с. 30].

На наш взгляд, для более эффективной охраны окружающей среды необходимо предоставить правовые основания должностным лицам, осуществляющим экологический мониторинг, по привлечению правонарушителей к юридической ответственности.

Важным составным элементом профилактики экологических правонарушений является воспитательное воздействие на лиц, склонных к антиобщественному поведению. Для оказания воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения субъекты профилактики должны осуществлять правовое просвещение и правовое информирование, которое регламентируется ст. 18 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Согласно указанной статье лица, участвующие в профилактике правонарушений, доводят до сведения граждан и организаций информацию, направленную на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от противоправных посягательств. Указанная информация может доводиться до сведения граждан и организаций путем применения различных мер образовательного, воспитательного, информационного, организационного или методического характера.

Подводя итоги вышесказанному, необходимо сделать следующие выводы:

– под профилактикой экологических правонарушений следует понимать совокупность мер не только социального, правового, организационного, информационного характера, а также экономического и технического характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению экологических правонарушений;

– для более эффективной охраны окружающей среды необходимо предоставить полномочия должностным лицам, осуществляющим экологический мониторинг, по привлечению правонарушителей к юридической ответственности.

Список использованных источников

1. Юридические абсурды в правовом поле и методология их устранения на примере природоохранного законодательства / Ю. Л. Максименко [и др.] // Экология и промышленность России. – 2017. – № 3. – С. 36–40.
2. Боголюбов, С. А. Развитие экологического права на евразийском пространстве: монография / С. А. Боголюбов. – М. : ИНФРА-М, 2020. – 432 с.
3. Гаевская, Е. Ю. Государственный экологический мониторинг как основание юридической ответственности / Е. Ю. Гаевская, О. В. Вагина // Бизнес, менеджмент и право. – 2019. – № 2. – С. 30–35.

Нутрихин Р. В.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГО-ПРИРОДОРЕСУРСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН ЕАЭС В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ¹

*Северо-Кавказский федеральный университет,
ул. Пушкина, 1, 355017, г. Ставрополь, Россия, kafedraep@mail.ru*

Важной проблемой, стоящей на пути эффективной интеграции стран – участниц Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) в эколого-природоресурсной сфере, является непреодоленная коррупциогенность соответствующего национального законодательства, а также коррупционных проявлений в практике его применения. Коррупция является одним из ключевых вызовов успешному развитию государств на постсоветском пространстве в XXI в. Она порождает не только экономическую и социальную стагнацию, но применительно к отношениям по охране окружающей среды и рациональному природопользованию коррупция создает угрозу еще и экологической безопасности как таковой, способствует расхищению и истощению государственных природных богатств. Существование этого негативного явления в столь важной сфере общественной жизни требует тщательного научного анализа и выработки практических предложений по устранению причин, способствующих возникновению коррупции.

Нормы эколого-природоресурсного характера затрагивают интересы бизнеса, который часто рассматривает соответствующие правовые запреты и предписания как барьеры и препятствия в достижении своих коммерческих целей. Задача государства при формулировании и реализации публичной политики в данной области отношений заключается в поиске оптимального баланса между наращиванием темпов экономического развития и интересами общества по сохранению природы, а также по рациональному использованию ее ресурсов в интересах настоящего и будущих поколений. В свою очередь бизнес-структуры, часто имея куда больше влияния, чем институты гражданского общества, стараются обеспечить себе значительный перевес в этом хрупком балансе. Во всем мире бизнес активно лоббирует

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 20-511-00015 Бел_а «Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства государств – членов Евразийского экономического союза».

свои интересы при разработке экологических и природоресурсных правовых норм, не говоря уже об области их применения.

В последние годы не только в России, но и в других странах на постсоветском пространстве наметилась явная тенденция к деэкологизации соответствующего законодательства. Ранее существовавшие запреты перестают действовать, а хорошо зарекомендовавшие себя эколого-природоресурсные правовые институты подвергаются заметной деформации, никак не улучшающей положение дел в данной сфере, но зато открывающей «новые возможности» для строительного, ресурсоперерабатывающего и иного бизнеса. Правоприменительная практика также страдает значительными недостатками, которые не способствуют эффективному достижению декларируемых государством целей охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Все это позволяет сделать вывод о неудовлетворительном состоянии государственной экологической политики в ряде стран ЕАЭС, главную угрозу которой, на наш взгляд, представляют разнообразные коррупциогенные факторы действующего национального законодательства, изъяны законотворческой деятельности и практики правоприменения.

Практически во всех странах ЕАЭС эколого-природоресурсное законодательство весьма динамично меняется. В условиях межгосударственной интеграции возрастает роль доступа к актуальной правовой информации в других странах – участницах ЕАЭС для граждан и организаций, которые не имеют в своем штате юристов, прошедших подготовку в иных национальных правовых системах, а также доступа к иностранным справочно-правовым системам, работающим в режиме offline.

Понятно, что активная интеграция государств в рамках ЕАЭС требует обеспечения качественного и открытого online-доступа к их экологическому и любому другому законодательству в глобальной информационно-телекоммуникационной системе Интернет. В этой части наиболее передовыми должны быть признаны технологии online-репрезентации действующих правовых норм Республики Казахстан и Российской Федерации. Менее всего удаленный доступ к интересующим нас правовым нормам обеспечен Республикой Армения, чьи нормативные акты, представленные в сети Интернет, с трудом поддаются оценке на актуальность и соответствие их действующей редакции. А ведь в условиях транснациональной интеграции весьма остро встает вопрос не только об обеспечении интернет-доступа к актуальному эколого-природоресурсному законодательству всех без исключения стран блока, но еще и о публикации этого законодательства на всех государственных языках ЕАЭС для облегчения ознакомления с ним иностранных граждан. В противном случае, гражданин страны – участницы ЕАЭС просто лишается элементарной возможности ориентироваться в затрагивающих его права и законные интересы законодательных нормах иных государств Союза, ввиду чего повышается риск коррупционных проявлений при взаимодействии граждан с иностранными органами публичной власти и их должностными лицами.

Таким образом, применительно к интересующим нас отношениям важно отметить, что в целях снижения коррупциогенности эколого-природоресурсной сферы страны – участницы ЕАЭС должны обеспечить доступ к своему законодательству в сети Интернет на языках других государств Союза. Помимо этого, представленные таким образом в удаленном доступе правовые нормы следует регулярно обновлять до их актуального состояния с учетом всех принимаемых изменений и дополнений.

В настоящее время государства – члены ЕАЭС публикуют в открытом online-доступе законы о внесении изменений и дополнений в нормативные акты по вопросам охраны окружающей среды и использования природных ресурсов. Однако именно с таким типом актов («о внесении изменений и дополнений») работать труднее всего, особенно человеку, плохо знакомому с исходным правовым актом, плохо ориентирующемуся в иностранной правовой системе. Анализ таких положений, корректирующих не только норму, но и, возможно, весь документ, часто не позволяет соотнести влияние сформулированных изменений и дополнений на иные тезисы акта, а также установить сохранение внутренней логики и согласованности сложившегося регулирования и новых положений. Вполне может возникнуть противоречие между ранее установленными требованиями и новыми (например, путем введения нового термина или срока). Это чревато возникновением новых коррупциогенных факторов.

Так, при внесении изменений в законодательство разработчики иногда используют ссылки на пункты документа, еще не подвергнутые корректировке и недоступные для анализа. Подобные ситуации исключают возможность их комплексной проверки, сопоставления связанных положений, понимания наличия или отсутствия важных позиций и т. д.

В связи с этим при онлайн-обнародовании внесенных изменений и дополнений в законодательство представляется целесообразным делать обязательную ссылку на полный текст документа в предыдущей редакции для обеспечения возможности их сопоставления. Самостоятельный поиск участниками правоотношений документа, подвергнутого изменению и дополнению, нежелателен ввиду очевидных связанных с этим затруднений, а также возможности допущения ошибок. В ходе онлайн-обнародования измененных нормативных актов необходимо, чтобы в интертекстуальной «связке» были доступны сразу три текста: 1) предыдущий текст документа; 2) перечень внесенных в него изменений и дополнений; 3) уже измененный и дополненный документ в итоговом актуальном виде.

Кроме того, представляется желательным при внесении изменений в действующие нормативные правовые акты эколого-природоресурсного характера публиковать в информационно-телекоммуникационной сети Интернет еще и таблицу, наглядно иллюстрирующую содержание вносимых в акт изменений. В одной колонке таблицы должна быть представлена прошлая редакция соответствующей нормы, а в другой колонке рядом – новая редакция. Это помогло бы всем заинтересованным лицам более эффективно сопоставлять трансформируемые правовые нормы с целью

выявления и анализа сути внесенных в них изменений. Наряду с этим было бы желательно и обнародование отдельных таблиц, в которых содержался бы полный текст норм, исключенных из действующих правовых актов.

Предлагаемые подходы дадут возможность более широкой оценки внутренней согласованности правовых актов в части используемых в них компонентов – терминов, понятий, статуса участников, регламентируемых процедур, сроков и т. д. Данные меры позволят устанавливать наличие или отсутствие коррупциогенных факторов. Это важно как для адресатов правовых норм – участников соответствующих правоотношений транснационального характера, – так и при проведении антикоррупционной экспертизы экологического законодательства стран ЕАЭС в целях его дальнейшего совершенствования.

Пономарев М. В.

**УЧЕТ ПРИРОДНО-РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ
КАК ОСНОВА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА:
ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

*Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
ул. Большая Черемушkinsкая, 34, 117218, г. Москва, Россия, ecology@izak.ru*

Территориальное планирование размещения производственных сил, объектов промышленной, транспортной и энергетической инфраструктуры должно осуществляться не только в зависимости от особенностей расположения территорий с особым природоохранным режимом, но и с учетом запасов природных ресурсов, которые могут быть использованы при осуществлении различных видов хозяйственной деятельности, или наоборот, воспрепятствовать их осуществлению, а также климатических особенностей отдельных российских регионов. Не все субъекты Российской Федерации в одинаковой мере обеспечены запасами природных ресурсов, да и размещение производительных сил на территории Российской Федерации также осуществляется неоднородно, с учетом природно-климатических, административно-территориальных, экономических и иных особенностей регионов.

Как отмечает И. А. Игнатьева, вплоть до половины XX в. человечество развивало экономику без учета двух явных ограничений: исчерпаемости природных ресурсов и ассимиляционных способностей экосистем [1, с. 75]. Вместе с тем эколого-ориентированный курс при реализации крупных инвестиционных проектов, взятый в последние годы руководством государства, в обязательном порядке должен учитывать не только природоресурсный потенциал территорий, но и природоохранный фактор, связанный с необходимостью сохранения редких и находящихся под угрозой экосистем и природных объектов при планировании и осуществлении хозяйственной деятельности.

Сочетание указанных факторов в совокупности с бассейновым и административно-территориальным подходами к управлению в сфере охраны окружающей среды и природопользования позволяет утверждать о влиянии региональных природно-климатических особенностей и обеспеченности того или иного региона запасами природных ресурсов (месторождения полезных ископаемых, большая площадь лесного фонда, крупные водные объекты и т. п.) на построение системы управления в субъектах РФ [2, с. 91]. Неоднородность природно-климатических условий различных российских регионов, особенности их географического положения и обеспеченность их природными ресурсами непосредственно влияет на их социально-экономическое развитие. Именно экологические характеристики территории, потенциал природы, по мнению М. М. Бринчука, должны быть в основе решений о размещении производственных объектов [3, с. 10].

В связи с этим весьма значимым представляется необходимость выявления и исследования основополагающих показателей регионального развития, в качестве которых, на наш взгляд, могут выступать ряд категорий, не очень известных юридической науке, но при этом активно исследуемых в экономической географии и экономике природопользования. Для того чтобы определить роль указанных факторов в обеспечении пространственного развития Российской Федерации следует установить их содержание и соотношение между собой.

Первоначальным звеном в исследовании системы указанных понятий являются несколько различные по своему содержанию понятия «природный каркас» и «экологический каркас». Природный каркас близок по значению к системе особо охраняемых природных территорий. От функционирования элементов природного каркаса зависит способность территории поддерживать свое экологическое равновесие [4, с. 238]. В свою очередь, экологический каркас служит защитой для природного каркаса от негативного антропогенного воздействия. Экологический каркас включает в себя все экстенсивно используемые территории (со щадящим режимом использования) региона. Таким образом, экологический каркас способствует поддержанию баланса между экстенсивно и интенсивно (населенные пункты, промышленные зоны, транспортные развязки и т. д.) эксплуатируемыми территориями [4, с. 238].

Категория «потенциал природы» в рамках науки экологического права активно исследуется в работах профессора М. М. Бринчука. Указанное понятие он определяет как динамичную характеристику окружающей среды, со временем изменяющуюся как в силу естественных процессов, так и под воздействием деятельности человека, выражающую количественные и качественные показатели состояния природы, с учетом и на основе которых определяется и осуществляется государственная экологическая политика, формируется и реализуется экологическое право, обеспечивая поддержание благоприятного состояния окружающей среды и его восстановление в интересах настоящего и будущих поколений [5, с. 6].

На основе рассматриваемого понятия следует определить научно обоснованные критерии для установления пределов хозяйственного освоения экосистем в границах определенных территорий и именно с учетом его содержания необходимо выработать теоретическую основу для последующего закрепления в законодательстве классификации территорий с различным природным потенциалом территорий. Именно потенциал природы, по мнению М. М. Бринчука, может и должен использоваться как фактор учета при подготовке и принятии экологически значимых решений [6, с. 7].

Вместе с тем в экономической науке и географии для схожих целей используется несколько иное понятие, которое широко применяется при определении теоретических основ пространственного развития – это термин «природно-ресурсный потенциал» или «природно-ресурсный потенциал территории». Он фактически представляет собой показатель, по которому оценивается экономико-географическое положение соответствующего региона, возможности его хозяйственного освоения с необходимостью одновременного обеспечения рационального природопользования, предотвращения его количественного и качественного изменения. И. Ю. Новоселова под природно-ресурсным потенциалом региона понимает ту часть запаса природных ресурсов региона, которая может быть добыта и вовлечена в экономический процесс исходя из технических (технологических) возможностей и оценки экономической целесообразности [7, с. 144]. Следует отметить существенную разницу между категориями «потенциал природы» и «природно-ресурсный потенциал», поскольку последняя фактически определяет совокупность природных ресурсов соответствующей территории (региона), которые могут быть использованы в ходе осуществления различных видов хозяйственной деятельности способами, определяемыми с учетом современных промышленных возможностей, а первая, помимо объемов хозяйственного освоения природных ресурсов в границах определенной территории, учитывает при этом ассимиляционные возможности экосистем и необходимость восстановления нарушенного состояния природной среды и восстановления и даже улучшения ее природного потенциала.

В экономике природопользования также активно используется понятие «природный капитал» (или естественный капитал), который понимается в различных контекстах, в частности, как совокупность природных ресурсов, которые используются или могут использоваться в производстве товаров. В данном контексте природный капитал интерпретировался только как совокупность природных ресурсов, обладающих некоторой стоимостью, привязанной к мировым ценам на эти ресурсы [8, с. 59–60]. Указанное понятие характеризуется также через иной непосредственно связанный с ним термин «природоемкость», который также применяется в экономике природопользования к определению потенциала территории.

В отношении природных показателей емкости территорий традиционно применяется категория «экологическая емкость территории», которая является ключевой для установления содержания понятия «природно-

ресурсный потенциал территории». Под экологической емкостью территории в научной литературе принято понимать предел, превышение которого в процессе хозяйственной деятельности, естественного антропогенного воздействия вызовет кризисное состояние экосистемы региона [9, с. 32]. Таким образом, именно экологическая емкость территории может служить тем самым критерием для установления границ допустимого использования природных ресурсов на определенной территории.

С категорией экологической емкости территории непосредственно связано понятие «ассимиляционный потенциал территории». Именно ассимиляционный потенциал территории является тем самым природоохранным фактором, который должен устанавливать пределы в использовании ее природно-ресурсного потенциала. Под ассимиляционным потенциалом территории в научных исследованиях понимается способность экосистемы к нивелированию антропогенного воздействия, самовосстановлению, самоочищению, при этом качественных изменений системы не происходит [9, с. 36–37].

В эколого-правовой науке исследуется несколько иное по своему содержанию понятие «ассимиляционный потенциал окружающей среды», под которым Е. В. Лунева предлагает понимать суммарную способность атмосферного воздуха, водных объектов и почв самостоятельно обезвреживать и перерабатывать антропогенные воздействия в определенных масштабах без изменения своих основных характеристик. По ее мнению, в правовом значении ассимиляционный потенциал не является самостоятельным природным ресурсом, а представляет собой только свойство определенного компонента природной среды (атмосферного воздуха, водных объектов и почв) [10, с. 35].

Ассимиляционный потенциал как научная категория должен использоваться для определения и правового закрепления критериев для ограничения как планируемой, так и осуществляемой хозяйственной деятельности на определенной территории. Вместе с тем представляется чрезвычайно важным не только научное исследование указанной категории в рамках теории экологического права, но и возможное его отражение в правовом регулировании.

Таким образом, формирование концептуальных подходов к обеспечению территориального эколого-экономического развития регионов потребует более детального исследования и концептуального обоснования в рамках эколого-правовой науки, в первую очередь, в части установления и закрепления его основных индикаторов, которые могут быть позаимствованы из экологических, экономических и географических наук.

Список использованных источников

1. Игнатьева, М. Н. Основные положения геоэкосоциоэкономического подхода к освоению природных ресурсов / М. Н. Игнатьева // Известия Уральского государственного горного университета. – 2014. – № 3 (35). – С. 74–80.

2. Пономарев, М. В. Эколого-правовые проблемы территориального развития Российской Федерации / М. В. Пономарев // Эколого-правовое обеспечение устойчивого развития регионов России : сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 19 марта 2015 г. / сост. и отв. ред.: С. А. Боголюбов, Н. Р. Камынина, М. В. Пономарев. – М. : Изд-во МИИГАиК, 2015. – С. 91–94.

3. Бринчук, М. М. Потенциал природы как инструмент экологического права / М. М. Бринчук // Экологическое право. – 2010. – № 4. – С. 8–14.

4. Пономарев, А. А. Экологический каркас: анализ понятий / А. А. Пономарев, Э. И. Байбаков, В. А. Рубцов // Ученые записки Казанского университета. Естественные науки. – 2012. – Том 154. – Кн. 3. – С. 228–238.

5. Бринчук, М. М. Потенциал природы как методологическое основание государственной экологической политики и экологического права / М. М. Бринчук // Экологическое право. – 2010. – № 3. – С. 2–9.

6. Бринчук, М. М. Внешние методологические основания развития экологического права: закономерности развития природы, положения общественных наук о взаимодействии общества и природы, потенциал природы / М. М. Бринчук // Экологическое право. – 2011. – № 1. – С. 2–8.

7. Новоселова, И. Ю. Теоретико-методические основы оценки природно-ресурсного потенциала региона / И. Ю. Новоселова // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2011. – № 4. – С. 144–148.

8. Белая, М. Л. Природный капитал в современной экономике / М. Л. Белая // Вестник РЭУ имени Г. В. Плеханова. – 2016. – № 2 (86). – С. 59–68.

9. Безгубов, В. А. Экологическая емкость территории: аспекты измерения и управления / В. А. Безгубов, Д. Г. Вержицкий, С. Н. Часовников ; под общ. ред. С. Н. Часовникова. – Уфа : Аэтерна, 2016. – 112 с.

10. Лунева, Е. В. Правовая сущность ассимиляционного потенциала окружающей среды: постановка проблемы / Е. В. Лунева // Юрист. – 2017. – № 11. – С. 30–35.

Пушкарев И. П.

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ),
пр. Ленина, 76, 454080, г. Челябинск, Россия, pushkarevip@susu.ru*

Благоприятное состояние окружающей среды – необходимое условие существования современного общества, а ведущая роль в процессе ее охраны, безусловно, принадлежит государству, осуществляющему в том числе управление в сфере охраны окружающей среды и природопользования (экологическое управление), наиболее точное определение которого, на наш

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области (проект № 20-411-740012).

взгляд, дает Т. И. Макарова, по мнению которой управление природопользованием и охраной окружающей среды представляет собой деятельность государства по организации рационального использования, воспроизводства природных ресурсов, охраны и защиты окружающей среды, достижению экологической безопасности, а также по обеспечению режима законности и конституционных гарантий прав граждан на благоприятную окружающую среду [1, с. 160].

Из содержащегося в абз. 11 ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (далее – Закон об охране окружающей среды) определения охраны окружающей среды следуют два важных тезиса. Первый состоит в том, что деятельность государственных органов (а не только органов исполнительной власти), а также органов местного самоуправления по охране окружающей среды заключается в осуществлении ими своих полномочий по управлению в области ее охраны. Деятельность иных субъектов, упомянутых в абз. 11 ст. 1 Закона об охране окружающей среды, представляет собой деятельность, не связанную с осуществлением экологического управления. Очевидно, что в ст. 5 («Полномочия органов государственной власти Российской Федерации в сфере отношений, связанных с охраной окружающей среды») Закона об охране окружающей среды речь идет именно о полномочиях органов государственной власти по осуществлению государственного управления в области охраны окружающей среды. При этом, исходя из содержания абз. 12 данной статьи, следует, что к одному из таких полномочий, принадлежащих органам государственной власти РФ, относится полномочие по установлению федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственное управление в области охраны окружающей среды. Не вызывает сомнений, что в данной норме речь идет о специальных органах исполнительной власти, для которых осуществление полномочий по государственному управлению в области охраны окружающей среды является основной функцией.

Анализ вышеназванных норм позволяет согласиться с предложенным в юридической литературе делением органов, осуществляющих экологическое управление, на органы общей компетенции, специально уполномоченные органы в рассматриваемой сфере и иные органы, на которые возложены отдельные функции по управлению природопользованием и охраной окружающей среды [2].

Второй тезис состоит в том, что исходя из предложенного выше определения экологического управления, понятия охраны окружающей среды, а также полномочий органов государственной власти в сфере отношений, связанных с ее охраной (ст. 5 Закона об охране окружающей среды), следует, что речь в ст. 5 идет как о полномочиях, непосредственно направленных на охрану окружающей среды, так и о полномочиях в сфере природопользования. Не вдаваясь в подробности научной дискуссии о соотношении охраны окружающей среды и природопользования, отметим, что, с учетом вышесказанного, нам близка позиция А. С. Боголюбова, в

соответствии с которой охрана окружающей среды тесно связана с природопользованием, логически вытекает из него. При этом общепризнанным, по замечанию автора, остается положение о непротиворечивости друг другу данных понятий, о том, что они не могут быть взаимоисключаемыми, а наоборот, неразрывны, являются двумя сторонами «одной медали» – взаимоотношения общества и природы [3, с. 86]. Следовательно, когда мы говорим о государственном управлении в области охраны окружающей среды (экологическом управлении), то имеем в виду в том числе государственное управление в сфере природопользования. Данный вывод, на наш взгляд, имеет ключевое значение при разграничении полномочий по государственному управлению в области охраны окружающей среды между различными органами государственной власти Российской Федерации. При этом органы государственной власти субъектов РФ в силу ст. 6 Закона об охране окружающей среды наделены самостоятельными полномочиями по государственному управлению в области охраны окружающей среды, равно как и органы местного самоуправления (ст. 7 Закона об охране окружающей среды), а согласно п. д) ч. 1 ст. 72 Конституции РФ природопользование, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности, особо охраняемые природные территории находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

В связи с этим считаем очевидным тот факт, что на уровне субъектов РФ также справедлива предложенная выше классификация органов, осуществляющих государственное управление в области охраны окружающей среды.

Таким образом, на уровне Российской Федерации к органам, обладающим общей компетенцией в сфере охраны окружающей среды и природопользования, относятся Президент РФ, являющийся в силу ст. 80 Конституции РФ главой государства; Правительство РФ, которое в силу ч. 1 ст. 110 Конституции РФ осуществляет исполнительную власть в РФ, а также Федеральное Собрание (Парламент РФ), которое, руководствуясь общественными экологическими интересами, призвано создать экологическое законодательство, предусматривающее эффективный эколого-правовой механизм сохранения и восстановления благоприятного состояния окружающей среды [4, с. 29].

В свою очередь, на уровне субъектов Российской Федерации к органам, обладающим общей компетенцией в сфере экологического управления, относятся глава (высшее должностное лицо) субъекта РФ, правительство (администрация) субъекта РФ и законодательный орган субъекта РФ.

Следующую группу органов, осуществляющих государственное управление в области охраны окружающей среды, составляют органы специальной компетенции, для которых осуществление данной деятельности представляется их основной функцией. Ключевое место среди них занимает Министерство природных ресурсов и экологии РФ, которое в соответствии с п. 1 Положения о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской

Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 11 ноября 2015 г. № 1219) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере изучения, использования, воспроизводства и охраны природных ресурсов, государственного экологического мониторинга, а также в сфере охраны окружающей среды, включая вопросы, касающиеся обращения с отходами производства и потребления, охраны атмосферного воздуха, государственного экологического надзора, особо охраняемых природных территорий и государственной экологической экспертизы. Наличие единого органа исполнительной власти, обладающего столь широким кругом полномочий, включающим в себя как полномочия в сфере отношений, связанных с охраной окружающей среды, так и в сфере природопользования, в полной мере соотносится с положением о неразрывности указанных отношений, а также соответствует опыту зарубежных стран (Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, Министерство экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан, Министерство экологии и природных ресурсов Украины).

Аналогичный подход характерен и при формировании системы органов, осуществляющих региональное государственное экологическое управление, в каждом субъекте РФ. Так, в каждом субъекте Российской Федерации, в системе органов исполнительной власти образован орган, осуществляющий управление в сфере охраны окружающей среды и природопользования (Департамент природных ресурсов и охраны окружающей среды Курганской области; Министерство природных ресурсов и экологии Омской области; Министерство природопользования и экологии Республики Башкортостан; Министерство экологии и рационального природопользования Красноярского края; Департамент природных ресурсов и охраны окружающей среды Вологодской области и т. д.).

Исключением из общего правила является Челябинская область, в которой наряду с Министерством экологии образовано также Министерство промышленности, новых технологий и природных ресурсов Челябинской области, к функциям которого согласно Положению «О Министерстве промышленности, новых технологий и природных ресурсов Челябинской области» (утверждено Постановлением Губернатора Челябинской области от 8 августа 2019 г. № 296) относятся вопросы недропользования и использования водных объектов.

Полагаем, что распределение полномочий по управлению в области охраны окружающей среды и природопользованию между государственными органами, перед которыми по определению стоят разнонаправленные задачи, не только противоречит нашедшему, по выражению И. С. Сурковой, свое воплощение в современном законодательстве положению о том, что в принципе рационального использования природных ресурсов заложена идея охраны природы [5, с. 101], но и в целом угрожает реализации закрепленного в Конституции РФ права гражданина на благоприятную окружающую среду.

Список использованных источников

1. Балашенко, С. А. Экологическое право : учебник / С. А. Балашенко, Т. И. Макарова, В. Е. Лизгаро. – Минск : Выш. школа, 2015. – 402 с.
2. Бринчук, М. М. Экологическое право : учебник [Электронный ресурс] Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2008.
3. Боголюбов, С. А. Конституционные основы охраны окружающей среды в государствах Европы / С. А. Боголюбов // Журнал российского права. – 2003. – № 6. – С. 85–96.
4. Гиззатуллин, Р. Х. Экологическая функция государства: теория и практика реализации : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук / Р. Х. Гиззатуллин. – М., 2014. – 56 с.
5. Суркова, И. С. Экологическое управление: проблемы теоретико-правового определения / И. С. Суркова // Юридические исследования. – Ставрополь: ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет». – 2013. – № 1. – С. 100–104.

Саскевич В. В.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ДОСТУПНОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ekolog_310@mail.ru

При характеристике состояния национальной продовольственной безопасности в белорусских правовых актах подчеркивается достижение высокого уровня продовольственной независимости страны за счет развития собственного производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, что позволило утверждать о решении проблемы продовольственной безопасности в Республике Беларусь в количественном плане (Доктрина национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года, утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 декабря 2017 г. № 962, далее – Доктрина 2030) и даже о полном обеспечении продовольственной безопасности страны (Государственная программа «Аграрный бизнес» на 2021–2025 годы, утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 февраля 2021 г. № 59). В то же время полная оценка состояния продовольственной безопасности государства предполагает учет не только наличия продовольствия, но и иных показателей, характеризующих различные составляющие продовольственной безопасности. В частности, как в международных, так и национальных правовых документах физическая доступность продовольствия рассматривается в качестве неотъемлемого условия достижения продовольственной безопасности, без чего невозможна реализация права граждан на достаточное питание.

Рассмотрим ряд теоретико-правовые аспектов, относящихся к исследуемой теме, которые, на наш взгляд, требуют внимания.

1. Уточнение подхода к определению и правовое закрепление юридического понятия физической доступности продовольствия. Доктрина 2030 определяет его как «наличие сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на внутреннем рынке и возможность его приобретения, стабильное снабжение населения продуктами питания высокого качества на всей территории государства». Несмотря на то, что, как утверждается, в документе учитываются «основные понятия (категории), используемые в сфере продовольственной безопасности», приведенное определение не в полной мере соответствует общепринятым мировым подходам [1], различающим наличие продовольствия и его доступность (экономическую и физическую), и нуждается в соответствующей корректировке.

Кроме того, учитывая значимость обеспечения физической доступности продовольствия для реализации права граждан на достаточное питание, рассматриваемое понятие (впрочем, как и иные ключевые понятия в области продовольственной безопасности) необходимо определить на законодательном уровне в специальном законе, в целях применения норм которого и должны приниматься органами исполнительной власти ненормативные правовые акты права, в том числе Доктрина 2030.

2. Выработка критериев оценки физической доступности продовольствия с учетом уточненного подхода к определению данного понятия. На наш взгляд, индикаторы физической доступности сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, рекомендуемые Доктриной 2030 для оценки состояния национальной продовольственной безопасности, характеризуют преимущественно наличие продовольствия (связаны с его производством) и полно не отражают реальную ситуацию. Сказанное легко проиллюстрировать на примере СССР, где многие продовольственные товары имелись в наличии в стране, однако отсутствовали в свободной продаже и были доступны лишь для «избранных» социальных групп. Представляется, что рассматриваемая группа индикаторов должна позволять установить «стабильное снабжение населения продуктами питания высокого качества на всей территории государства», охватывая при этом показатели насыщения потребительского рынка продовольственными товарами, включая малонаселенные и удаленные населенные пункты, а также показатели обеспечения физической доступности достаточного количества безопасной и питательной пищи для физических лиц вне этого рынка (в частности, пребывающих в медицинских учреждениях, учреждениях социальной защиты населения, образования, местах содержания под стражей и содержания физических лиц, в отношении которых применено административное задержание, местах отбывания административного ареста, учреждениях, исполняющих наказания и т. д.).

С учетом происходящих процессов унификации и гармонизации законодательства Беларуси и России в рамках функционирования Евразийского экономического союза и Союзного государства приобретает актуальность вопрос о выработке согласованного подхода к определению понятия физической доступности продовольствия и методологии ее оценки.

Предусмотренное Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20, понятие не охватывает наличие продовольствия, как в нашем случае, является гораздо более узким по содержанию по сравнению с содержащимся в Доктрине 2030 и рассматривается как «уровень развития товаропроводящей инфраструктуры, при котором во всех населенных пунктах страны обеспечивается возможность приобретения жителями пищевой продукции или организации питания в объемах и ассортименте, которые соответствуют рекомендуемым рациональным нормам потребления». При этом физическая доступность продовольствия определяется как процентное отношение фактической обеспеченности населения разными видами торговых объектов по продаже продовольственных товаров и объектами по реализации продукции общественного питания к установленным Правительством Российской Федерации нормативам. Таким образом, и в России за рамками учитываемых при оценке продовольственной безопасности показателей остается обеспеченность физической доступности достаточного количества безопасной и питательной пищи для физических лиц, не являющихся потребителями, приобретающими продовольственные товары.

3. Разработка системы правовых гарантий физической доступности продовольствия с их последующим закреплением в законодательстве. Эффективность таких гарантий во многом определяется их юридической силой, упорядоченностью правового регулирования, необходимой детализацией законодательных норм, надлежащей правореализационной практикой. Такого рода правовые меры в праве Беларуси содержатся разрозненно, в то же время должна найти отражение на законодательном уровне целостная и полная их система. Следует поддержать высказанное в литературе мнение о необходимости принятия в Республике Беларусь Закона «О продовольственной безопасности» [2; 3], нормы которого могли бы решить обозначенные выше вопросы.

Список использованных источников

1. Замечание общего порядка 12 (Двадцатая сессия, 1999 год) [Электронный ресурс]: Комитет по экономическим, социальным и культурным правам ООН – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=E%2fC.12%2f1999%2f5&Lang=ru – Дата доступа: 01.05.2021.

2. Манкевіч, І. П. Тэарэтыка-прававыя аспекты забеспячэння харчовай бяспекі Рэспублікі Беларусь / І. П. Манкевіч // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – 2011. – № 3. – С. 42.

3. Денисевич, А. В. Концептуальные подходы к развитию законодательства в сфере обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь (часть 2) [Электронный ресурс] / А. В. Денисевич // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

Скобелев В. П.

ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, s_v_p@tut.by*

В силу п. 1 ст. 131 Гражданского кодекса Республики Беларусь, абз. 3 ст. 5 Кодекса Республики Беларусь о земле (далее – КоЗ) земельные участки, права на них и сделки с ними подлежат обязательной государственной регистрации. Данная регистрация осуществляется организациями по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним (далее – организации по регистрации) в соответствии с Законом Республики Беларусь от 22 июля 2002 г. № 133-З «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» (далее – Закон № 133-З).

В ст. 55 Закона № 133-З одним из оснований для государственной регистрации возникновения, перехода, прекращения прав и ограничений (обременений) прав на недвижимое имущество, в том числе и земельные участки, названы «судебные постановления, устанавливающие или прекращающие права, ограничения (обременения) прав на недвижимое имущество». С одной стороны, соответствующие постановления судов являются для организаций по регистрации и их сотрудников безусловно обязательными, поскольку ч. 2 ст. 115 Конституции Республики Беларусь, ст. 24 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), ст. 27 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь закрепляют принцип обязательности вступивших в законную силу судебных постановлений для всех государственных органов, организаций, должностных лиц и граждан. Фактически это означает то, что в совершении на основании судебного постановления регистрационных действий в отношении прав на земельный участок нельзя отказать.

Однако, с другой стороны, не исключены ситуации (и правоприменительная практика это подтверждает), когда решение суда может нарушать предусмотренный абз. 4 ст. 5 КоЗ принцип единства судьбы земельного участка и расположенных на нем капитальных строений (зданий, сооружений). В соответствии с этим принципом при переходе прав на капитальные строения (здания, сооружения), незавершенные законсервированные капитальные строения или долей в праве на данные объекты к их приобретателям переходят права на земельные участки, на которых эти объекты расположены (ч. 1 ст. 55 КоЗ). Нарушение названного принципа судом может заключаться в том, что после того, как к одному лицу в полном объеме перешло право собственности на капитальное строение, суд признает долю в праве собственности на земельный участок, на котором это капитальное строение расположено, за другим (бывшим сособственником

капитального строения) субъектом. В этом плане очень показательное следующее дело [1, с. 38].

К гражданке С. по наследству перешла 1/3 доля в праве собственности на жилой дом, расположенный на земельном участке площадью 0,5 га. Наследники остальных 2/3 долей в праве собственности дом, в том числе и гражданка З., подарили С. свои доли в 2003 г. Решением районного суда от 18 сентября 2008 г. была признана действительной сделка по передаче в 1993 г. наследодателю указанного земельного участка в собственность и за С. и З. как за наследниками было признано соответственно 2/3 и 1/3 долей в праве собственности на земельный участок. Во исполнение данного судебного решения сельский исполком вынес в 2010 г. решение о передаче в общую долевую собственность С. и З. земельного участка площадью 0,5 га пахотных земель (т. е. того самого участка), из которых 0,25 га для строительства и обслуживания жилого дома и 0,25 га для ведения личного подсобного хозяйства. При обращении в организацию по регистрации С. и З. было отказано в совершении необходимых регистрационных действий в отношении земельного участка, а С. – также и регистрационных действий в отношении жилого дома, поскольку у З. отсутствовали какие-либо права на жилой дом (в связи с отчуждением З. своей доли в праве собственности на него С.), а С. не обладала в полном объеме правом собственности на земельный участок (так как согласно решению суда от 18 сентября 2008 г. доля в праве собственности на него признана за З.).

В целях решения возникшей проблемы С. обратилась в суд с требованием разделить в натуре между нею и З. земельный участок, выделив ей 0,25 га для обслуживания жилого дома, а З. – 0,25 га для ведения личного подсобного хозяйства. Решением суда от 24 декабря 2010 г. требования С. были удовлетворены. Верховный Суд Республики Беларусь посчитал это решение неправомерным, поставив суду первой инстанции в укор то, что он не проверил обоснованность решения суда от 18 сентября 2008 г., которым за З. было признано 1/3 доли в праве собственности на земельный участок, и обоснованность решения сельского исполкома 2010 г. о предоставлении С. и З. земельного участка на праве общей долевой собственности, поскольку и на момент постановления судебного решения от 18 сентября 2008 г., и на момент вынесения решения исполкома 2010 г. собственником дома являлась только С., а потому за З. какие-либо права на земельный участок быть признаны не могли. В описанном деле правовой оценки требуют действия судебных органов, сельского исполкома и организации по регистрации.

Безусловно, вынося решение от 18 сентября 2008 г., суд нарушил принцип единства судьбы земельного участка и расположенного на нем капитального строения, а потому такое решение нельзя считать правомерным. Вместе с тем сельский исполком в силу принципа общеобязательности судебных постановлений не мог не исполнить данное решение суда, а потому принятие исполкомом собственного решения в полном соответствии с судебным решением видится вполне правомерным.

Далее, сложно согласиться с мнением Верховного Суда, что при рассмотрении в 2010 г. иска С. к З. районному суду следовало проверить обоснованность судебного решения от 18 сентября 2008 г. В силу предписаний ч. 2 ст. 115 Конституции Республики Беларусь, ст. 24 ГПК а также положений ч. 2 ст. 182 ГПК (факты, установленные вступившим в законную силу решением суда по одному гражданскому делу, обязательны для суда и не доказываются вновь при разбирательстве других гражданских дел, в которых участвуют те же лица или их правопреемники; в нашем случае состав участников первого и второго процессов совпадал – ими являлись С. и З.) суд не мог ни подвергать сомнению, ни тем более проверять судебное решение от 18 сентября 2008 г., равно как не вправе был и принимать от С. и З. доказательства в опровержение правильности данного решения [2, с. 204–208, 273–275]. Поэтому суду не оставалось ничего иного, как разрешить спор в полном соответствии с содержанием решения суда от 18 сентября 2008 г. Самое большее, что мог сделать суд в этой ситуации, причем только тогда, когда для него было совершенно очевидно, что с учетом предыдущего решения правильно разрешить спор невозможно (присутствовала ли такая очевидность в изложенном деле, нам сказать сложно), – это инициировать в соответствии с абз. 3 ч. 2 ст. 436 ГПК (данная норма к поводам для принесения надзорных протестов относит «представление судьи, участвовавшего в рассмотрении данного дела или рассматривающего другое дело, для которого вступившее в законную силу судебное постановление имеет юридическое значение») проверку решения от 18 сентября 2008 г. в порядке надзора. Но до тех пор, пока это решение не отменено, игнорировать его при рассмотрении спора с участием тех же самых субъектов суд был не вправе.

Переходя к оценке действий сотрудников организации по регистрации, заметим, что они, отказав С. и З. в совершении регистрационных действий, тем самым фактически отказались исполнить вступившее в законную силу решение суда от 18 сентября 2008 г. С одной стороны, подобное поведение должностных лиц противоречит положениям ч. 2 ст. 115 Конституции Республики Беларусь, ст. 24 ГПК об общеобязательности судебных постановлений и в этом плане является недопустимым. Но, с другой стороны, сотрудников организации по регистрации можно понять: решение суда явно противоречило законодательству, вследствие чего его исполнение не только потребовало бы нарушения ими своих должностных обязанностей, но и привело бы к неправильному учету прав на недвижимое имущество. Собственно, подп. 1.4 п. 1 ст. 36 Закона № 133-З прямо закрепляет полномочие регистратора отказать в совершении регистрационного действия, если «при государственной регистрации нарушаются требования законодательных актов Республики Беларусь».

Думается, однако, что указанную коллизию между общеобязательностью вступившего в законную силу решения суда и требованием соблюдения законности при учете прав на недвижимое имущество можно было бы разрешить другим образом. Регистратору нужно

было не отказывать сразу же в регистрационных действиях (так как игнорировать общеобязательность судебных постановлений недопустимо), а приостановить их совершение в соответствии с п. 3 ст. 35 Закона № 133-З (основание – «необходимость истребования дополнительных сведений или документов»), для того чтобы поставить в известность о наличии неправильного судебного решения одно из названных в ст. 439 ГПК компетентных должностных лиц суда и прокуратуры, обладающих правом принесения протеста в порядке надзора (возможность обращения в этой ситуации к компетентным должностным лицам суда и прокуратуры вытекает из нормы абз. 5 ч. 2 ст. 436 ГПК, наделяющей этих должностных лиц неограниченными возможностями по проявлению инициативы на принесение надзорных протестов, в том числе, думается, по проявлению ее и на основании обращений к ним сотрудников организаций по регистрации). В случае принесения протеста в порядке надзора и отмены неправильного судебного решения необходимость совершения регистрационных действий отпала бы сама собой.

Правда, стоит заметить, что в п. 3 ст. 35 Закона № 133-З присутствует оговорка «за исключением случаев совершения регистрационного действия на основании судебного постановления». Содержание данной оговорки в совокупности с ее месторасположением в тексте п. 3 ст. 35 Закона № 133-З вполне может быть истолковано в том смысле, что она блокирует применение п. 3 ст. 35 Закона № 133-З целиком, т. е. не позволяет приостанавливать совершение регистрационного действия абсолютно во всех случаях, о которых говорит данный пункт, если основанием совершения регистрационного действия выступает судебное постановление. Проблема могла бы быть решена путем включения в Закон № 133-З специальной нормы, позволяющей приостанавливать совершение регистрационного действия, основанием которого выступает судебное постановление, в том случае, когда возникает необходимость пересмотра этого судебного постановления в порядке надзора (равно как и по вновь открывшимся обстоятельствам).

Хотя не исключено обсуждение решения проблемы и с другой точки зрения – с точки зрения возможности квалификации судебного решения, явно нарушающего основы правопорядка, как недействительного, а значит, не обладающего общеобязательностью и не подлежащего исполнению теми должностными лицами, чью компетенцию это решение суда нарушает. Вместе с тем здесь следует учитывать, что, во-первых, такая возможность обсуждалась преимущественно в теоретических трудах дореволюционных юристов [3, с. 126–127; 4, с. 435] и современным белорусским законодательством не предусмотрена. Во-вторых, легальное закрепление подобной конструкции потребует предварительного и очень тщательного обсуждения большого числа сложных вопросов: в чью компетенцию должно входить признание решения недействительным, в рамках какой правовой процедуры это должно происходить, нужна ли такая процедура вообще, и т. д.

Список использованных источников

1. О практике применения судами земельного законодательства (по материалам обзора) // Судовы веснік. – 2012. – № 1. – С. 29–40.
2. Скобелев, В. П. Законная сила постановлений суда первой инстанции в гражданском процессе / В. П. Скобелев. – Минск : БГУ, 2018. – 447 с.
3. Иосилевич, О. Об условиях законной силы судебных постановлений (решений и частных определений) / О. Иосилевич // Журнал гражданского и уголовного права. – 1887. – Кн. 2. – С. 104–136.
4. Малышев, К. И. Курс гражданского судопроизводства : в 3 т. / К. И. Малышев. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1876. – Т. 1. – 444 с.

Спиридонова А. В.

ЗЕЛЕНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ КАК ОДНО ИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРИРОДООХРАННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ¹

*Южно-Уральский государственный университет,
пр. Ленина, 76, 454080, г. Челябинск, Россия, spiridonovaav@susu.ru*

Решение экологических проблем и задач, обусловленных ухудшением состояния окружающей среды, требует значительных финансовых вложений как от правительств отдельных государств, так и от хозяйствующих субъектов, что вызывает необходимость поиска эффективных механизмов экологического инвестирования [1].

Одним из источников финансирования экологически ориентированных проектов являются средства, предоставленные хозяйствующим субъектам в рамках зеленого кредитования. К числу наиболее востребованных направлений такого кредитования относятся производство и передача энергии из возобновляемых источников, предотвращение и контроль загрязнений, рациональное управление природными ресурсами, сохранение биоразнообразия, адаптация к последствиям изменения климата и «зеленое» строительство [2].

Долгосрочная природоохранительная банковская политика инвестирования в зеленую инфраструктуру посредством осуществления льготного кредитования организаций, реинвестирующих прибыль в решение экологических проблем, получила название гринбанкинг (от англ. greenbanking) [3, с. 7]. По сравнению с другим перспективным инструментом финансирования природоохранных мероприятий – выпуском зеленых облигаций, рынок зеленых кредитов относительно нов [4].

Тем не менее в международном сообществе уже выработаны определенные подходы к понятию и принципам зеленых кредитов. Так, например, Ассоциация кредитного рынка и Тихоокеанская ассоциация

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области (проект № 20-411-740012).

кредитного рынка выпустили в декабре 2018 г. Принципы зеленого кредитования. К основным компонентам квалификации кредита в качестве зеленого относятся вопросы использования выручки; процесс оценки и отбора проектов; управление доходами; отчетность [5, с. 51–53].

В ряде зарубежных стран уже созданы зеленые банки, в частности, в Великобритании функционирует Банк зеленых инвестиций (GIB) [6, с. 73]. Орган финансового контроля в Китае, с целью побудить банки предоставлять зеленые кредиты, разработал инструмент по расчету экологических выгод от выдачи зеленых кредитов [5, с. 84].

Говоря о банковской системе Российской Федерации, нельзя сказать, что в настоящее время банки не учитывают экологические риски при предоставлении финансирования, запрашиваются, например, лицензии на право осуществления деятельности, проектно-сметная и разрешительная документация по проектам [7]. Вместе с тем особенностью зеленого кредитования является не просто учет эколого-правовых рисков заемщика, а именно целевое кредитование для финансирования экологически значимых проектов, зачастую с предоставлением льготных условий по таким кредитам.

В настоящее время Центральный банк Российской Федерации рассматривает возможность внедрения зеленого кредитования в банковскую систему России, что отражено в Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов, а также Докладе для общественных консультаций «Влияние климатических рисков и устойчивое развитие финансового сектора Российской Федерации» (май, 2020).

Для создания методологической базы зеленого финансирования, в том числе зеленого кредитования, государственной корпорацией «ВЭБ.РФ» разработаны Методические рекомендации по развитию инвестиционной деятельности в сфере зеленого финансирования в Российской Федерации (согласованы решением Комитета ВЭБ.РФ по зеленому финансированию от 08.07.2020). В них определено понятие, критерии и цели «зеленых» проектов (таксономия); условия, при которых финансовый инструмент (в том числе зеленый кредит) признается соответствующим требованиям Методических рекомендаций; требования к отчетности; требования к процедуре верификации (подтверждения) проекта Методическим рекомендациям.

Анализ информации, содержащейся на официальных сайтах банков, действующих в Российской Федерации, показал, что отдельные кредитные организации уже позиционируют себя как активные участники зеленого кредитования. Так, например, банк ВТБ стремится предоставлять заемные средства для реализации тех проектов, которые предусматривают улучшение экологических показателей, снижают потребление природных ресурсов и способствуют продвижению использования возобновляемых источников энергии. Банк Societe Generale в октябре 2020 г. предоставил российской компании Полиметалл зеленый кредит на сумму US\$ 125 млн для финансирования проектов по переходу к устойчивой и низкоуглеродной экономике. Банк «Центр-инвест» формирует свой зеленый кредитный

портфель с 2005 г., кредитуя проекты малого бизнеса в сфере энергоэффективности в России.

Тем не менее такая практика недостаточно развита в банковской сфере. Существует целый ряд и других проблем, которые препятствуют широкому распространению гринбанкинга в России, в частности, к ним можно отнести невысокую прибыльность, долгосрочность и рискованность экологических проектов, отсутствие необходимой законодательной базы [8, с. 503–506].

В Республике Беларусь банки также постепенно начинают самостоятельно реализовывать инициативы в области зеленого банкинга, в частности, ОАО «Белинвестбанк», ОАО «Банк развития Республики Беларусь», ЗАО «МТБанк», ОАО «Приорбанк». Вместе с тем, как отмечают отдельные авторы, в целом в Беларуси направление зеленого банкинга находится на ранних этапах своего формирования, не создана полноценная законодательная база, устанавливающая рамки для становления инструментов зеленого финансирования, отсутствуют единые стандарты оценки зеленых проектов со стороны финансовых институтов и специальных программ/стимулов по их развитию, не разработаны единые механизмы оценки экологических рисков [9, с. 39].

Таким образом, на данный момент можно констатировать, что институт зеленого кредитования в Российской Федерации и Республике Беларусь только формируется. К числу причин такого положения относятся регуляторные барьеры (отсутствие надлежащих условий, которые бы способствовали развитию экологического кредитования), проблемы со стороны спроса (недостаточное понимание результатов инвестиций в «зеленые» проекты; нежелание конечных заемщиков финансировать природоохранные мероприятия) и со стороны предложения (низкий потенциал местных финансовых институтов и их нежелание разрабатывать «зеленые» финансовые продукты) [10]. Тем не менее экопроекты, «зеленые» инвестиции необходимы и крайне важны для дальнейшего устойчивого развития любого государства, но все это будет неработоспособным без создания эффективной системы взаимодействия между обществом и государством [11, с. 63]. Именно поэтому для дальнейшего развития зеленого банкинга необходимо предпринимать меры правового, организационного, информационного и финансового характера, которые бы позволили всем лицам, заинтересованным в зеленом кредитовании, в том числе банкам, заемщикам и государству, достигать как экономических, так и экологических целей в контексте устойчивого развития.

Список использованных источников

1. Спиридонова, А. В. Экологическое инвестирование в Российской Федерации: теоретико-правовой подход / А. В. Спиридонова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2020. – Т. 20 (№ 1). – С. 72–79. DOI:10.14529/law200111.

2. Зеленые финансы: повестка дня для России. Диагностическая записка / Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.ru/common/upload/20181102_Green_finance.pdf. – Дата доступа: 29.09.2021.

3. Ручкина, Г. Ф. Гринбанкинг в правовой модели обеспечения экологического предпринимательства / Г. Ф. Ручкина, А. В. Барков // Банковское право. – 2018. – № 5. – С. 7–14.

4. Мирошниченко, О. С. «Зеленый» кредит как инструмент «зеленого» финансирования / О. С. Мирошниченко, Н. А. Мостовая // Финансы: теория и практика. – 2019. – № 23(2). – С. 31–43.

5. «Зеленое финансирование» в России: создание возможностей для «зеленых» инвестиций. Аналитическая записка. Группа Всемирного банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/699051540925687477/>. – Дата доступа: 29.09.2021.

6. Раков, И. Д. Механизмы поддержки финансирования «зеленых» проектов: опыт стран / И. Д. Раков // Актуальные проблемы экономики и права. – 2017. – Т. 11 (№ 2). – С. 67–82.

7. Практика ответственного финансирования в российском банковском секторе / М. В. Бабенко [и др.]. – М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2020. – 35 с.

8. Столбовская, Н. Н. Современные тенденции развития гринбанкинга в России / Н. Н. Столбовская, В. А. Максименко, Д. Г. Кулакова // Инновационные технологии в машиностроении, образовании и экономике. – 2018. – № 1–2(7). – С. 503–506.

9. Лузгина, А. Зеленый банкинг: сущность, инструменты и перспективы развития / А. Лузгина // Банковский вестник. – 2021. – № 3 (692). – С. 31–42.

10. Экологическое кредитование в странах Восточного Партнерства Европейского Союза. Отчет ОЭСР. 2014. URL: https://www.oecd.org/env/outreach/Environmental%20lending%20in%20EU%20EaP%20countries%20Russian_FINAL.pdf.

11. Веренько, Н. «Зеленая» экономика в Республике Беларусь: ЦУР, инструменты, перспективы развития / Н. Веренько, А. Каменков // Банковский вестник. – 2020. – № 6 (683). – С. 56–65.

Тихомирова А. В.

**О ФОРМИРОВАНИИ ОСНОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРОИЗВОДИТЕЛЯМ
ОРГАНИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

*Южно-Уральский государственный университет,
пр. Ленина, 76, 454080, г. Челябинск, Россия, tikhomirovaav@susu.ru*

Использование для увеличения производства продуктов питания агрессивных агротехнологий позволило в XX в. резко увеличить объемы производства продуктов питания, снизить себестоимость, сделать доступными широкому кругу потребителей, но и привело к негативным последствиям для

окружающей среды, а употребление таких продуктов в пищу стало опасным для человека – отрицательно сказалось на его здоровье [1].

Вышесказанное обуславливает заинтересованность общества в стабильном росте производства органической продукции (далее – ОП) – экологически чистых сельхозпродукции, сырья и продовольствия, производство которых соответствует требованиям, установленным законом (ст. 2 Федерального закона «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 280-ФЗ (далее – Закон об ОП)).

Органическое сельское хозяйство отличается от традиционного тем, что при осуществлении первого применяются способы, методы и технологии, направленные на обеспечение благоприятного состояния окружающей среды, укрепление здоровья человека, сохранение и восстановление плодородия почв (ст. 2 Закона об ОП), сохраняется и восстанавливается «нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой» [2].

В научной литературе производство ОП предложено рассматривать в качестве вида экологического предпринимательства [3, с. 36–40; 4], развитие которого в большей степени зависит от государственной поддержки.

Действующее российское законодательство в целом предусматривает возможность оказания такой поддержки (ч. 1 ст. 17 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ; ч. 1 п. 13 ст. 7 Федерального закона «О развитии сельского хозяйства» от 29.12.2006 № 264-ФЗ). Согласно гл. IV Закона «Об охране окружающей среды» хозяйствующим субъектам, осуществляющим деятельность с целью охраны окружающей среды (п. 2 и 4 ст. 17), предоставляются налоговые льготы за внедрение наилучших доступных технологий и иных мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду (п. 3 ст. 17), но указанная мера поддержки носит декларативный характер, механизм применения данных мер не разработан [5]. Кроме того, производители ОП – субъекты малого и среднего предпринимательства могут рассчитывать на государственную поддержку, предусмотренную Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ, но пока на общих основаниях.

Производство ОП – трудо- и финансово-затратное производство. Прежде чем начать ведение органического сельского хозяйства и производство ОП, сельхозпроизводитель должен осуществить постепенный переход к органическому производству. В частности, в течение переходного периода производитель обеспечивает внедрение правил ведения органического сельского хозяйства и производства ОП (п. 4. ГОСТ 33980-2016 «Продукция органического производства. Правила производства, переработки, маркировки и реализации»). Продукцию, полученную в течение переходного периода, запрещено маркировать как ОП, что приводит на практике к ее удорожанию и уменьшению прибыли. Статистические данные показывают, что на продовольственном рынке разница в цене традиционной и органической достигает 600 % [6], что объясняет отсутствие спроса на ОП.

Кроме того, отказ от использования агродохимикатов, ГМО и т. д. отрицательно влияет на количество полученной продукции, ее способность храниться [7; 8].

Анализ норм Закона об ОП позволяет утверждать, что специальных мер поддержки для производителей ОП не предусмотрено, делается лишь отсылка к ФЗ от 29 декабря 2006 г. «О развитии сельского хозяйства», нормы которого обозначают основные формы финансовой государственной поддержки в сфере развития сельского хозяйства.

Отсутствие на нормативном уровне мер государственной поддержки производителей ОП привело субъектов РФ к необходимости самостоятельно ликвидировать данный пробел.

Так, с позиции мер государственной поддержки в сфере производства ОП региональные нормы о поддержке таких производителей:

а) носят декларативный характер – п. 12.3 ст. 2 Закона Тюменской области «О внесении изменений в Закон Тюменской области “О государственной поддержке сельскохозяйственного производства в Тюменской области” в части производства органической продукции» от 29.11.2018 № 121);

б) отсылочный характер – в п. 4 ст. 4 Закона Республики Татарстан «О развитии производства органической продукции в Республике Татарстан» от 05.05.2021 № 34-ЗРТ господдержка производителей ОП закреплена в качестве основного направления государственной политики Республики, но меры поддержки не конкретизированы, а ст. 8 Закона отсылает к федеральному законодательству о сельском хозяйстве;

в) предусмотрены, например, в ст. 7 Закона Краснодарского края «О развитии производства органической продукции на территории Краснодарского края» от 05.06.2019 № 4077-КЗ; в приказе Департамента по социально-экономическому развитию села Томской области «О предоставлении субсидий на поддержку сельскохозяйственного производства по отдельным подотраслям растениеводства и животноводства (на возмещение части затрат)» от 09.09.2020 № 72 закреплена форма финансовой поддержки производителей ОП – субсидия; а в ст. 13 Закона Воронежской области «О производстве органической сельскохозяйственной продукции в Воронежской области» от 25.12.2015 № 226-ОЗ предусмотрена мера поддержки – финансовая поддержка, предоставляемая из средств областного бюджета, формы ее не конкретизируется. Согласно Постановлению Правительства Воронежской области «Об утверждении Порядка предоставления субсидий из областного бюджета сельскохозяйственным товаропроизводителям и другим организациям агропромышленного комплекса независимо от их организационно-правовой формы (за исключением граждан, ведущих личное подсобное хозяйство) на развитие производства органической продукции» от 17.05.2019 № 504) производителям ОП из средств регионального бюджета возмещаются затраты: 1) на сертификацию ОП – 100 %; 2) биологические средства защиты, питания, ветеринарные препараты, кормовые добавки для животных,

разрешенные к применению в органическом сельском хозяйстве на основании ГОСТ 33980-2016 – 50 %. Закон СО «О государственной поддержке производства и реализации сельскохозяйственной продукции (в том числе органической продукции) в Саратовской области» от 04.11.2003 № 68-ЗСО предусматривает меры государственной поддержки субъектов, принимающих участие в реализации сельхозпродукции (в том числе ОП), сырья и продовольствия, в сельхозстраховании. Данная норма противоречит федеральному законодательству, которое предусматривает поддержку только производителей ОП;

г) не предусмотрены, несмотря на то, что Целевая программа «Внедрение биологической системы земледелия на территории Белгородской области на 2011–2018 гг.» (утвержденная Постановлением правительства Белгородской области от 29.08.2011 № 324-пп) направлена на повышение плодородия почв, получение высококачественной экологически чистой продукции сельского хозяйства.

Закон Челябинской области «О государственной поддержке сельскохозяйственного производства» от 05.01.1998 № 34-ЗО ни в целях государственной поддержки, ни в ее задачах не обозначил производителей ОП (ст. 2). Утвержденный 02.12.2020 Координационным советом по вопросам экологии при губернаторе Челябинской области Региональный экологический стандарт Челябинской области (носит добровольный характер), в свою очередь, предусматривает экономическое и налоговое стимулирование сферы производства товаров и услуг на территории области для организаций, осуществляющих деятельность в области органического сельского хозяйства (подп. 4.3.2). Однако сам стандарт не предусматривает ни меры поддержки, ни механизм предоставления.

Статья 72 Конституции РФ относит сельское хозяйство, охрану окружающей среды и обеспечение экологической безопасности к совместному ведению РФ и ее субъектов, следовательно, возможна конкретизация мер поддержки производителей ОП в Челябинской области, например, в региональной программе с рабочим названием «Поддержка производителей органической продукции в Челябинской области».

Упорядочивание форм и мер поддержки на федеральном и региональных уровнях будет способствовать развитию органического сельского хозяйства в нашей стране, снижению риска загрязнения окружающей среды, созданию условий сохранения биологического разнообразия в регионах.

Список использованных источников

1. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019 году. Государственный доклад. – М. : Минприроды России; МГУ имени М. В. Ломоносова, 2020. – 1000 с.
2. Путин, В. В. Выступление Президента Российской Федерации на Генеральной Ассамблее ООН, 28.09.2015.

3. Хамдамов, Ж. Х. Формирование и совершенствование бизнес-моделей экологического предпринимательства : дис. ... канд. юрид. наук / Ж. Х. Хамдамов. – Владивосток, 2018. – 200 с.

4. Кванина, В. В. К вопросу о правовом режиме экологического предпринимательства / В. В. Кванина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2021. – Т. 21, № 2. – С. 57–68.

5. Кванина, В. В. Публично-частное партнерство в сфере охраны окружающей среды / В. В. Кванина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 85–92.

6. Национальное аграрное агенство. Аналитика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: gosng.ru. – Дата доступа: 12.08.2021.

7. Рущицкая, О. А. Организация продовольственного рынка сельскохозяйственной органической продукции в условиях индустриально-аграрного региона : дис. ... д-ра экон. наук / О. А. Рущицкая. – Екатеринбург, 2019. – 429 с.

8. Сикачева, О. О. Правовое регулирование рынка органических товаров в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / О. О. Сикачева. – М., 2019. – 231 с.

Ткачева Н. В.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ НА ТЕРРИТОРИИ
ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ¹**

*Южно-Уральский государственный университет,
пр. Ленина, 76, 454080, г. Челябинск, Россия, tkachevanv@susu.ru*

В 2019 г. на территории Уральского федерального округа образовано 317 051,5 тыс. тонн отходов, что на 8,7 % больше, чем в 2018 г., и на 23,2 % больше, чем в 2010 г. Объем утилизированных отходов составил 115 001,2 тыс. тонн, рост на 6,6 % с 2018 г. и на 10,8 % – с 2010 г. Наибольший объем образованных отходов в 2019 г. зафиксирован в Челябинской области – 172 343 тыс. тонн. В 2019 г. было вывезено 6582,1 тыс. м³ твердых коммунальных отходов [1, с. 692].

Согласно ст. 5 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» правовые меры в области обращения с отходами принимаются и реализуются на уровне Российской Федерации, на уровне субъекта Российской Федерации. Нами проанализировано порядка тридцати нормативных актов в сфере обращения с отходами, среди них Приказ Минприроды России от 30 сентября 2011 г. № 792 «Об утверждении порядка ведения государственного кадастра отходов»; целый ряд постановлений Правительства Российской Федерации, которые регулируют

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области (проект № 20-411-740012).

порядок раскрытия информации в области обращения с отходами, устанавливают межгосударственные стандарты, национальные стандарты ресурсосбережения, правила ликвидации отходов, сбор и вывоз бытовых отходов, требования к размещению отходов; также проекты «Чистая страна», «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами».

Исследование показывает, что объемы отходов растут с каждым годом, государство в своих докладах это подтверждает и данное состояние экологической обстановки становится привычным и оправдывается спецификой региона. По данным Министерства экологии Челябинской области, государственным (региональным) экологическим надзором в 2019 г. было проверено 250 объектов, выявлено 386 нарушений в сфере обращения с отходами [1, с. 713].

Представляется целесообразным рассмотреть состав административного правонарушения, предусматривающего ответственность за обращение с отходами. Это позволит проанализировать практику применения административного законодательства в сфере обращения с отходами. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) устанавливает административную ответственность в сфере обращения с отходами путем закрепления состава правонарушения, предусмотренного ст. 8.2 «Несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления, веществами, разрушающими озоновый слой, или иными опасными веществами». Состав данного правонарушения формальный, т. е. ответственность наступает с момента совершения действий или бездействия, составляющих объективную сторону. Достаточно обширный набор тех самых действий или бездействия закреплён в самой статье. Таким образом, объективную сторону могут составлять: несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований в виде использовании методов, приемов, способов при обращении с отходами, которые запрещены или противоречат требованиям законодательства, невыполнение обязанностей, возложенных на лицо, установленных в сфере обращения с отходами. Федеральный закон от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» толкует понятия обращение с отходами, размещение, хранение, захоронение, использование, обезвреживание отходов. При этом следует учесть специфику предмета правонарушения, определение которого также дается дополнительными нормативными актами, а не КоАП РФ. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» в ст. 1 дает понятие отходов производства и потребления как остатков сырья, материалов, полуфабрикатов, иных изделий или продуктов, которые образовались в процессе производства или потребления, а также товаров (продукции), утративших свои потребительские свойства. Дается определение опасных веществ и объектов, так как они тоже являются предметами правонарушения. Субъектами правонарушения выступают физические лица, должностные лица, индивидуальные предприниматели, юридические лица. Субъективная сторона характеризуется как умыслом, так

и неосторожностью. Наказание за совершение данного правонарушения предусмотрено в виде штрафа для физических, юридических или должностных лиц, либо административного приостановления деятельности юридического лица в зависимости от вида деяния, описанного в 12 частях ст. 8.2 КоАП РФ.

Приведем несколько примеров привлечения к ответственности за обращение с отходами на территории Челябинской области.

Решением Челябинского областного суда от 21 октября 2015 г. по делу № 7-1176/2015 назначено наказание в виде штрафа в размере 2000 рублей ИП Л. И. Пилат за совершение административного правонарушения в сфере обращения с отходами. Суд, ссылаясь на ФЗ «Об отходах производства и потребления» и на Постановление Правительства РФ от 3 сентября 2010 г. № 681 «Об утверждении Правил обращения с отходами производства и потребления в части осветительных устройств, электрических ламп, ненадлежащие сбор, накопление, использование, обезвреживание, транспортирование и размещение которых могло повлечь причинение вреда жизни, здоровью граждан, вреда животным, растениям и окружающей среде», отмечает, что ИП Л. И. Пилат требования нормативных актов не соблюдала, освещение в нежилом помещении производилось люминесцентными лампами, договор на утилизацию отработанных люминесцентных ламп с лицензированной организацией не заключался, место временного накопления люминесцентных, ртутьсодержащих ламп отсутствовало. Паспорта на отходы I–IV классов опасности предпринимателем не составлены и не согласованы в установленном порядке.

Представляется показательным еще один пример нарушения законодательства об обращении с отходами. Прокуратура привлекла к административной ответственности за нарушение природоохранного законодательства ООО «Равис-птицефабрика Сосновская» (Челябинская область) и ряд должностных лиц предприятия. Природоохранным прокурором в отношении юридического лица и должностных лиц предприятия возбуждены дела об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 6.3, ч. 1 ст. 10.6, ч. 2 ст. 8.7, ст. 8.1, ч. 10 ст. 8.2 КоАП РФ, руководителю предприятия внесено представление об устранении нарушений природоохранного законодательства. Предприятие нарушает требования правил эксплуатации установок очистки газа: проверки показателей работы установок проведены один раз в год при предъявляемых законом требованиях – не реже двух раз в год. Кроме того птицефабрика не обеспечивает полноту и достоверность учета образовавшихся в 2020 г. отходов. При размещении для компостирования смеси куриного помета и свиного навоза на земельных участках в Сосновском, Еткульском, Троицком районах нарушается почвенный покров, что приводит к захламлению данных земельных участков отходами производства. При этом, по сведениям ведомства, окончательные размеры санитарно-защитных зон Еткульского, Шершневого и Песчаного отделений не установлены [2].

Анализ практики применения административного наказания за обращение с отходами показывает, что назначаются наказания в виде штрафа. Юридические лица, зная, что они будут оштрафованы, продолжают нарушать правила обращения с отходами. Следовательно, никакой превентивной функции данный вид административного наказания не выполняет. Суммы штрафов по приведенным делам и тем, которые были проанализированы, несоизмеримы вреду, который причиняется окружающей природной среде. Согласно ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ целью административного наказания является предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. По нашему мнению, штраф не обеспечивает достижение цели административного наказания при нарушениях обращения с отходами. Кроме штрафа за нарушения обращения с отходами, может быть назначено административное наказание в виде приостановления деятельности. Административное приостановление деятельности заключается во временном прекращении деятельности юридических лиц (ч. 1 ст. 3.12 КоАП РФ). Полагаем, что приостановление деятельности на определенный срок может существенно повлиять на доход предприятия и будет тем административным наказанием, которое станет действенной превентивной мерой, за которой может последовать уголовное наказание.

Список использованных источников

1. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019 году. Государственный доклад. – М. : Минприроды России; МГУ имени М. В. Ломоносова, 2020. – 1000 с.

2. На «Равис» возбудили дела из-за нарушений при обращении с пометом [Электронный ресурс] // Коммерсантъ Челябинск. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4693738> – Дата доступа: 27.08.2021.

Хотько О. А.

ОТРАЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ НАУКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА И ТЕНДЕНЦИЙ ЕЕ РАЗВИТИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ekolog_310@mail.ru

Современный этап развития науки экологического права, обусловленный необходимостью решения глобальных экологических проблем, характеризуется потребностью в эффективной модернизации правовых инструментов, создающих условия для баланса экономических и экологических интересов, «формирования действенного механизма защиты экологических прав не только настоящего, но и будущих поколений» [1, с. 6], а также позволяющих своевременно предотвратить угрозы обеспечения

экологической безопасности «в условиях участия государств в интеграционных процессах, активного развития промышленности» [2, с. 180] и трансформационного развития общества.

Новые вызовы в сложившихся социально-экономических условиях приобретают особую актуальность и востребованность в исследовании относительно учета развития научных подходов в правовом регулировании общественных отношений, складывающихся в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, на основе согласованности, взаимной связанности и непротиворечивости теоретических и прикладных позиций.

Эколого-правовые исследования динамично развиваются, укрепляются позиции о формировании новых научных направлений, в частности, связанных с формированием эколого-безопасного пространства [3, с. 392], тем самым расширяются границы действия экологического права. Речь идет в том числе о следующих значимых, с нашей позиции, аспектах эколого-правовой науки, особенности которых связаны с «существенным влиянием международных процессов на ее становление и развитие» [3, с. 390]: предотвращение экологического кризиса в силу обостряющихся глобальных проблем цивилизации и несоблюдения законов природы, в связи с непосредственным выбором человека и одновременно непониманием того, насколько значимо «поведение каждого для гармоничного развития природы и общества» [4], усиление вредного влияния хозяйственной деятельности на окружающую среду и необходимости ее эколого-правового сопровождения [5], охраны здоровья человечества [6], что в целом взаимообусловлено и взаимосвязано.

Именно в процессе вредного влияния хозяйственной деятельности возникает ряд проблем, касающихся усиления антропогенного воздействия на окружающую среду и достижения состояния ее защищенности в свете возникновения негативных факторов. В этом и заключается, по нашему убеждению, основная цель экологического права – разработка доктринальных основ, обосновывающих необходимость эколого-правового регулирования, а также позволяющих сформулировать и впоследствии реализовать правовые нормы, олицетворяющие научно обоснованные подходы к решению современных проблем. К таковым проблемам относятся: снижение вредного воздействия хозяйственной деятельности, предотвращение трансграничного загрязнения окружающей среды, адаптация к изменению климата и охрана озонового слоя, сохранение биоразнообразия, охрана компонентов природной среды и многие другие. Ряд задач разрабатывается в процессе научной деятельности для достижения указанной цели в зависимости от необходимости их решения.

М. М. Бринчук отмечает, что цель имеет огромное значение в праве, и с позиции ученых «цели в науке экологического права видятся по-разному» [7, с. 13], при этом он обращает внимание на то, что единая цель данной отрасли отсутствует исходя из того, что в системе экологического законодательства не имеется акта, обеспечивающего интегрированный

подход к регулированию экологических отношений [7, с. 14]. Безусловно, прав был Д. А. Керимов, указывающий, что «цель в праве возникает раньше, чем ее реальное воплощение в жизнь» [8, с. 373], ведь она, как категория философская, лежит в основе познания сущностных особенностей права, процесса его реализации. Цель в праве для того и должна быть приоритетом развития отрасли права, поскольку выражает отражение в результатах, которые «достигаются посредством правотворчества, а затем – реализации норм права» [8, с. 375]. Действительно, определяя цель, важно видеть возможности права, которые исходят из основных тенденций развития науки, а, соответственно, как концентрируются способы перехода объективной возможности в действительность.

За время развития экологического права сформировались такие его черты, как динамичность, комплексность и междисциплинарность, отсутствие единых шаблонных подходов к эколого-правовому решению проблем, согласованность охраны и использования компонентов природной среды при формулировании теоретических подходов, учет интеграционных процессов и их влияние на развитие эколого-правовых отношений. К тенденциям экологического права ученые относят нацеленность на решение новых проблем, восприимчивость к идеям зарубежной эколого-правовой мысли [9, с. 34], экологизацию правового регулирования, научной деятельности и иных сфер [10; 11]. Нынешняя наука должна идти по пути выработки конкретных направлений решения проблем, связанных с достижением состояния защищенности окружающей среды с учетом необходимости достижения целей устойчивого развития, поскольку они «находясь вне права, фактически обуславливают вектор развития правового регулирования» [12, с. 30]. Таким образом, важно активизировать научные направления в эколого-правовой сфере в силу того, что пандемия COVID-19 во многом свела на нет предпринятые до 2020 г. усилия в свете стремления к устойчивому развитию.

Определенные свойства, как отмечает в научной литературе О. Л. Дубовик, «не могут быть учтены в правовых нормах без сведений в рамках иных – неюридических – наук» [9, с. 35]. Однако нельзя сказать, что междисциплинарный подход используется в том объеме, который был бы достаточным для регулирования отношений, осуществляемых в той или иной отрасли хозяйственной деятельности. Развитость данного подхода, безусловно, проявляется во взаимосвязи с конституционным, административным, гражданским, уголовным и иными отраслями права, но не имеется согласованности и закрепления на законодательном уровне непосредственно с теми отраслями (в некоторых случаях – отраслями законодательства), опираясь на данные которых целесообразно изменить, уточнить или по-новому сформулировать правовое регулирование требований в области охраны окружающей среды. Соответственно, поскольку научные исследования в незначительной степени затрагивают данную проблематику или охватывают общие вопросы, они недостаточно реализуются в правовых нормах. Данный вывод можно проиллюстрировать

на примере научных работ, выполненных за последнее десятилетие: активно разрабатываются направления охраны компонентов природной среды (земель, вод, недр и др.), определяются меры правовой охраны окружающей среды посредством технических регламентов, осуществляются исследования в отношении эколого-правовых ограничений, экологического нормирования. Однако существенное значение для решения современных проблем могут оказать исследования, посвященные снижению вредного воздействия антропогенной деятельности на окружающую среду [13; 14; 15]. Поскольку именно в процессе такой деятельности возникает ряд трудно разрешимых проблем глобального масштаба, в частности, истощение озонового слоя [16], речь уже необходимо вести о том, каким образом определить меры минимизации вреда компонентам природной среды, выявить способы адаптации к изменению окружающей среды и в меняющихся условиях научно-технического прогресса сохранить состояние защищенности окружающей среды.

Обратим внимание, что набирают обороты научные исследования, касающиеся принципов охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, на основании чего предлагаются уточнения в систему принципов, закреплённую в природоохранном и природоресурсном законодательстве, что имеет важнейшее значение в достижении задач законодательства об охране окружающей среды с учетом необходимости обеспечения баланса экономических и экологических интересов [17, с. 12; 18]. Вышеизложенное подтверждает, что поддержание благоприятного состояния окружающей среды и ее защищенности – важнейшая цель экологического права.

Таким образом, краткая оценка тенденций развития эколого-правовой науки позволяет сделать вывод о том, что к настоящему времени еще недостаточно прослеживается достижение цели экологического права в части обеспечения баланса экономических и экологических интересов общества, реализации экологических прав граждан, приоритетов экологического развития государства. Характер обозначенных в данном исследовании правовых проблем таков, что от эффективности их решения на научном уровне зависит развитие законодательства в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Научно обоснованные подходы в науке экологического права, как сформировавшиеся, так и разрабатываемые, возможно реализовать путем создания эффективной правовой модели обеспечения экологической безопасности отдельных видов хозяйственной и иной деятельности, элементы которой целесообразно отразить в нормативных правовых актах, что поспособствует достижению состояния защищенности окружающей среды.

Список использованных источников

1. Кичигин, Н. В. Прогнозирование развития эколого-правового регулирования / Н. В. Кичигин, Е. В. Пуляева, Н. И. Хлуденева, Е. В. Черепанова, А. Н. Чертков // Журн. рос. права. – 2010. – № 9. – С. 5–13.

2. Хотько, О. А. Учет экологических прав будущих поколений: к вопросу поиска современных подходов правового регулирования / О. А. Хотько // Законодательство и правоприменение в контексте приоритетов социально-экономического развития: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 сентября 2019 г. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов, учреждений юстиции БГУ ; редкол. С. К. Лещенко (отв. ред.) [и др.] – Минск, 2019. – С. 180–183.

3. Макарова, Т. И. Белорусская аграрно-правовая и эколого-правовая наука: истоки, современное состояние и перспективы развития / Т. И. Макарова, С. А. Балашенко, И. П. Кузьмич, В. Е. Лизгаро, И. С. Шахрай, Н. А. Шингель // Юрыдычная навука і адукацыя у Беларускім дзяржаўным універсітэце: гісторыя і сучаснасць: да 95-годдзя юрыдычнага факультэта : зб. навук. прац / рэдкал.: Т. М. Михалёва (гал.рэд.) [і інш.] ; пад рэд. Т. М. Михалёвай [і інш.]. – Минск : БДУ, 2020. – С. 67–74.

4. Бринчук, М. М. Законы природы и общества : монография : в 2 ч. – Ч. I. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 544 с.

5. Мороз, О. В. Правовое обеспечение экологического сопровождения хозяйственной и иной деятельности / О. В. Мороз // Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности / Т. И. Макарова [и др.] ; под науч. ред. Т. И. Макаровой. – Минск : БГУ, 2016. С. 85–124.

6. Нематов, А. Р. Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях глобализации, мировых угроз и вызовов на примере пандемии / А. Р. Нематов, Н. Собитдухт // Вестн. Росс. ун-та дружбы народов. Серия: Юрид. науки. – 2020. – Т. 24. – № 3. – С. 513–529. DOI: 10.22363/2313 -2337-2020-24-3-513-529.

7. Бринчук, М. М. Эколого-правовой механизм: понятие и сущность / М. М. Бринчук // Экологическое право. – 2013. – № 3. – С. 12–19.

8. Керимов, Д. А. Философские проблемы права / Д. А. Керимов. – Репр. изд. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2019. – 472 с.

9. Дубовик, О. Л. Экологическое право: реальность и попытки ревизионизма / О. Л. Дубовик // Труды Института государства и права РАН. – 2010. – № 2. – С. 7–37.

10. Шахрай, И. С. Экологизация правового регулирования на пути к устойчивому развитию / И. С. Шахрай // Оценка регулирующего воздействия законодательства в сфере экономической деятельности / Д. В. Шаблинская [и др.] ; под ред. В. К. Ладутько, М. Н. Сатолиной. – Минск : Беларуская навука, 2020. – С. 207–222.

11. Шахрай, И. С. Экологизация научной деятельности / И. С. Шахрай // Правосознание и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение : сб. науч. тр. / редкол.: А. В. Барков [и др.]. – Минск : РИВШ, 2019. – С. 150–160.

12. Калинин, С. А. Устойчивое развитие как интегрирующая мера современной юридической науки / С. А. Калинин // Современные тенденции правового регулирования экологических отношений : материалы Междунар.

науч.-практ. конф., г. Минск, 26–27 апр. 2013 г. / редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2013. – С. 30–32.

13. Новикова, Е. В. Экологическая безопасность: современные правовые подходы к управлению рисками / Е. В. Новикова // Вестн. Моск. гос. ун-та. – 2018. – Сер. 11. Право. – № 6. – С. 44–66.

14. Балашенко, С. А. Правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии в Республике Беларусь / С. А. Балашенко, Е. Э. Ванькович // Право. by. – 2019. – № 6. – С. 68–71.

15. Хотько, О. А. Правовое обеспечение экологической безопасности при использовании энергетических ресурсов в процессе транспортной деятельности / О. А. Хотько, Н. А. Шингель // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2018. – № 14. – С. 209–217.

16. Волков, Г. А. Иррациональная экология: правовой аспект / Г. А. Волков // Экологическое право. – 2021. – № 1. – С. 38–42.

17. Макарова, Н. В. Правовое регулирование обращения с объектами растительного мира : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06 / Н. В. Макарова ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2021. – 25 с.

18. Абанина, Е. Н. Система принципов правового обеспечения экологической безопасности / Е. Н. Абанина // Вестн. Саратов. гос. юрид. академии. – 2019. – № 4. – С. 259–264.

Чиж И. М.

**О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ
НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННУЮ ПРОДУКЦИЮ,
ПОСТАВЛЯЕМУЮ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД**

*Государственный комитет по стандартизации Республики Беларусь,
ул. Старовиленский тракт 93, 220053, Минск, Беларусь,
belst@gosstandart.gov.by*

Ценообразование на сельскохозяйственную продукцию занимает важное место среди экономических механизмов, посредством которых осуществляется государственное регулирование деятельности сельскохозяйственных производителей. Законом Республики Беларусь от 10 мая 1999 г. № 255-З «О ценообразовании» и Указом Президента Республики Беларусь от 25 февраля 2011 г. № 72 «О некоторых вопросах регулирования цен (тарифов) в Республики Беларусь» (далее – Указ 72) установлено, что в отношении сельскохозяйственной продукции могут применяться свободные цены, а в случаях, предусмотренных законодательством, – регулируемые цены.

В соответствии с Указом 72 Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь (далее – Минсельхозпрод) по согласованию с Министерством антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь определяет цены на сельскохозяйственную продукцию, реализуемую для государственных нужд.

В настоящее время указанными министерствами устанавливаются фиксированные цены в отношении растениеводческой продукции, закупаемой для госнужд, которые определяются ежегодно соответствующим постановлением Минсельхозпрода, например, постановлением Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 2 марта 2021 г. № 17 «Об установлении фиксированных цен на сельскохозяйственную продукцию (растениеводства) урожая 2021 года, закупаемую для государственных нужд» (далее – постановление 17).

Методика установления цен на сельхозпродукцию, закупаемую для госнужд, закреплена в соответствующей инструкции, утвержденной приказом Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 20 июня 2019 г. № 166 (далее – Инструкция).

В соответствии с п. 5 Инструкции регулирование цен на сельхозпродукцию, закупаемую для госнужд, осуществляется одним из следующих способов: путем установления фиксированных цен; путем установления предельных цен (предельных максимальных цен, предельных минимальных цен); путем установления предельных нормативов рентабельности; путем индексации цен.

При этом применение приведенных способов установления цен возможно только в определенных случаях. Так, фиксированные цены на сельхозпродукцию, закупаемую для госнужд, устанавливаются в целях предупреждения резкого роста инфляции и одновременно являются мерой, направленной на обеспечение стабильности продовольственного рынка.

Предельные максимальные цены на сельхозпродукцию, закупаемую для госнужд, устанавливаются для сдерживания инфляционных процессов с учетом прогнозируемого индекса потребительских цен и обеспечения конкурентоспособности сельскохозяйственной и продовольственной продукции. В то же время предельные минимальные цены на сельхозпродукцию, закупаемую для госнужд, определяются для поддержки экономики сельскохозяйственных товаропроизводителей с учетом обеспечения гарантированного уровня их доходности в относительно стабильных условиях экономического развития.

Способ регулирования цен на сельхозпродукцию, закупаемую для госнужд, путем установления предельных нормативов рентабельности применяется при обеспечении сельхозпроизводителями нормативных издержек и при стабильных ценах на материальные ресурсы, используемые для производства сельхозпродукции.

Индексация цен на сельхозпродукцию, закупаемую для госнужд, как способ регулирования данных цен, осуществляется с применением одного из индексов: индекса потребительских цен, базового индекса потребительских цен, индекса цен производителей сельхозпродукции, индекса цен производителей промышленной продукции.

Согласно п. 6 Инструкции цены на сельхозпродукцию, закупаемую для госнужд, рассчитываются в соответствии с калькуляцией затрат на производство и реализацию данной продукции по утвержденной

инструкцией форме на основе среднеотраслевых прямых и косвенных затрат на ее производство и реализацию, налоговых и неналоговых платежей, установленных налоговым и бюджетным законодательством, планируемой урожайности сельскохозяйственных растений и продуктивности животных. При этом Инструкцией закреплены особенности определения затрат на производство и реализацию сельхозпродукции, закупаемой для госнужд, при расчете ее цены.

Уровни цен на сельхозпродукцию, закупаемую для госнужд, в соответствии с Инструкцией дифференцируются по видам такой продукции, а также в зависимости от ее качества и цели, для которой данная продукция приобретается (для продовольственной, кормовой цели и т. д.).

Названной инструкцией предусмотрена возможность установления к ценам на сельхозпродукцию, закупаемую для госнужд, надбавок и скидок в целях стимулирования производства качественной продукции и поставки ее в оптимальные сроки. Например, на отдельные виды растениеводческой продукции, закупаемой для госнужд, предусмотрены надбавки и скидки, которые устанавливаются в процентном отношении к закупочной цене. С помощью надбавок государство, на наш взгляд, стимулирует производителей к реализации более качественной продукции. Так, согласно постановлению 17 в отношении ячменя пивоваренного установлена надбавка к цене за 1 тонну ограниченной нормы: при содержании белка: от 10 до 11 % включительно – в размере 3 %, менее 10 % – в размере 5 %.

Надбавка устанавливается также для стимулирования реализации сельхозпроизводителем, выращенной им продукции, в определенное время. Например, постановлением 17 для свеклы сахарной кондиционной и некондиционной предусмотрены следующие надбавки к фиксированной цене за 1 тонну базисной нормы, зависящие от периода, в котором осуществлена ее реализация: с 1 сентября по 10 сентября 2020 г. – в размере 20 %; с 11 сентября по 20 сентября 2020 г. – в размере 15 %.

В отличие от надбавок скидки предусмотрены в случае несоответствия сельхозпродукции требованиям, предъявляемым к ее качеству. Так, в соответствии с постановлением № 17 при проведении закупок для госнужд ячменя, поставляемого для продовольственных целей (класс 1), предоставляется скидка: в размере 0.1 % к цене за 1 тонну базисной нормы за каждый процент неполноценных и поврежденных зерен, относимых по государственным стандартам к зерновой или масличной примеси, выше базисной нормы.

Зависимость качества сельхозпродукции от природных и климатических условий, в которых она выращивалась, послужила, на наш взгляд, основанием для закрепления норм, предусматривающих возможность выплаты надбавки или скидки в зависимости от качества сельхозпродукции, поставляемой для госнужд. Так, постановлением 17 установлено, что при поставках ячменя, поставляемого для продовольственных целей (класс 1), устанавливается (предоставляется) надбавка (скидка) в размере 0.1 % к цене

за 1 тонну базисной нормы за каждые 10 граммов натура зерна выше (ниже) базисной нормы.

Проведенный анализ скидок и надбавок, установленных к ценам на растениеводческую продукцию, закупаемую для госнужд, позволяет автору утверждать, что целью их установления является, как правило, стимулирование повышения качества реализуемой продукции за счет использования производителями современных технологий ведения сельскохозяйственного производства. Применение указанных скидок и надбавок, на наш взгляд, предоставляет возможность использовать дифференцированный подход при расчетах за сельхозпродукцию, поставляемую для госнужд, поощряя производителей за качество реализуемой продукции, что, в свою очередь, следует рассматривать в качестве особенности государственного регулирования ценообразования на данную продукцию.

Необходимо обратить внимание на то, что п. 5 Инструкции закреплено, что применяемый способ регулирования цен на сельхозпродукцию, закупаемую для госнужд, должен быть направлен на обеспечение конкурентоспособности товаров, производимых из нее организациями, осуществляющими деятельность по обработке (переработке) сельхозпродукции, закупаемой для госнужд. Кроме этого, согласно ч. 2 п. 6 названной инструкции в цену сельхозпродукции, закупаемой для госнужд, включается прибыль, определяемая с учетом конъюнктуры рынка на сельхозпродукцию и товары, производимые из нее организациями, осуществляющими деятельность по обработке (переработке) сельхозпродукции.

Следовательно, государственное регулирование установления цен на сельхозпродукцию, поставляемую для госнужд, имеет своей целью не защиту интересов сельхозпроизводителей, а обеспечение конкурентоспособности перерабатывающей данную продукцию промышленности, что, на наш взгляд, недопустимо. Кроме того, закрепление приведенных норм, по мнению автора, противоречит основным принципам установления цен на сельхозпродукцию, закупаемую для госнужд, которые установлены в п. 2 Инструкции, а именно следующим принципам: обеспечение сбалансированности социальных и экономических целей и задач; равенство и учет интересов всех участников отношений по поставке сельхозпродукции для госнужд.

Подводя итог, отметим, что в настоящее время ценообразование на сельхозпродукцию, поставляемую для госнужд, характеризуется установлением фиксированных цен на данную продукцию, а также надбавок, скидок и надбавок (скидок) к рассматриваемым ценам на отдельные виды сельхозпродукции, которые закреплены в целях стимулирования повышения качества производимой продукции.

Коваленко Е. И.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОХРАНЫ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ: ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ¹

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ),
пр. Ленина, 76, 454080, г. Челябинск, Россия, kovalenkoei@susu.ru*

В сентябре 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН, подчеркнув важность охраны окружающей среды, утвердила резолюцию устойчивого развития стран – членов ООН на период до 2030 г. Среди выделенных 17 основных целей под № 15 указана цель: защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия.

Одним из механизмов защиты экосистемы выступает установление особых правовых режимов для охраны природных объектов, имеющих особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное ценное значение, в том числе путем создания особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ).

На международном уровне ООПТ подпадают под регулирование Модельного закона «Об особо охраняемых природных территориях» (принят на четырнадцатом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ, постановление от 16.10.1999 № 14-6). В данном законе закреплены понятие ООПТ, категории и виды ООПТ, сфера государственного управления и государственного контроля в области организации и функционирования ООПТ и т. д. Структура Модельного закона «Об особо охраняемых природных территориях» совпадает со структурой Федерального закона Российской Федерации от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», а также законов об ООПТ государств – членов СНГ (Закон Кыргызской Республики от 03.05.2011 № 18 «Об особо охраняемых природных территориях», Закон Республики Казахстан от 07.07.2006 № 175-III «Об особо охраняемых природных территориях»). Выгодно в данном ряду отличается Закон Республики Беларусь от 15.11.2018 № 150-З «Об особо охраняемых природных территориях», в котором более детализирован подход к вопросам создания ООПТ и определения их режима.

Имея общие черты, российское законодательство об ООПТ отличается от других стран – участников СНГ. Во-первых, это связано с федеративным устройством России. Согласно п. 1 ст. 72 Конституции РФ вопросы правового регулирования ООПТ отнесены к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Во-вторых, географические

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области (проект № 20-411-740012).

особенности территории России оказывают значительное влияние на количество и виды ООПТ. В-третьих, законодательство России направлено на регулирование так называемых «внутренних» ООПТ, т. е. территорий федерального, регионального и местного значения. В отличие от российского законодательства, Закон Республики Беларусь от 15.11.2018 № 150-З устанавливает возможность признания за ООПТ статуса территории республиканского, местного и международного значения (ст. 3).

Вне зависимости от страны «необходимо, чтобы каждый фактически знал то, что ему по праву “можно”, “должно” и “нельзя”, чтобы он как бы воочию осязал пределы своего правового “статуса” в уверенности, что они могут быть изменены по праву, но не против права и не в обход его» [1]. Среди вопросов, связанных с правовым регулированием ООПТ, полагаем, что самым важным выступает определение правового режима охраны ООПТ.

Важно, что сложный характер объекта природоохранных отношений, подпадающий под регулирование нескольких отраслей права, требует говорить не просто о правовом режиме, а об эколого-правовом режиме, т. е. совокупности закрепленных в законе мер по охране, в том числе запретов, дозволений, природоохранных требований и т. д. [2, с. 328].

В литературе отмечается, что установление эколого-правового режима отдельных территорий преследует несколько целей. В одних случаях данный режим направлен на сохранение (консервацию) в естественном виде уникальных и редких природных объектов, и для этого создаются особо охраняемые природные территории. В других случаях этот режим предполагает проведение специального комплекса мероприятий по восстановлению деградировавших экологических систем, а соответствующим территориям придается особый статус – зон экологического бедствия (к сожалению, они пока не созданы ввиду отсутствия четкой правовой базы) [3, с. 26].

Полагаем, что для эколого-правового режима характерен особый порядок правового регулирования, состоящий из сочетания разноотраслевых правовых инструментов, находящихся в системной связанности [4, с. 76]. По мнению Е. В. Луневой, в структуре правового режима правовые средства особым образом группируются, формируя его конструктивные части. Особо подчеркивается, что применительно к ООПТ следует выделять как публично-правовую, так и цивилистическую составляющую [4, с. 76].

Со своей стороны, эколого-правовой режим мы относим к специальному режиму: благодаря ему определяется совокупность запрещенных и разрешенных видов деятельности на охраняемой территории, следовательно, происходит ограничение субъективных прав граждан и юридических лиц; определяется субъект, отвечающий за соблюдение режима охраны, и порядок охраны; устанавливается система ответственности за нарушение режима охраны.

Для того чтобы на определенной территории установить эколого-правовой режим, необходимо разрешить ряд вопросов, которые можно разделить на два больших блока. Во-первых, необходимо определить

критерии территории, подлежащей охране, разрешить вопросы по установлению и изменению границ, прекращению функционирования ООПТ, а также по управлению этими территориями. Во-вторых, следует определить запрещенные и разрешенные виды деятельности.

На наш взгляд, вопросы, включенные во второй блок, составляют содержание режима особой охраны и использования ООПТ. Федеральный закон РФ от 10.01.2002 № 7-ФЗ применяет понятие «режим особой охраны», исключая «использование». Однако не только совокупность разрешенных и запрещенных видов хозяйственной и иной деятельности отличается в зависимости от вида ООПТ, но также отдельно в законе решается вопрос о посещении территорий (ст. 5.1), использовании земельных участков, природных ресурсов и иных объектов недвижимости (ст. 3.1), создание и функционирование охранных зон (п. 10–11 ст. 2). Таким образом, применение термина «режим особой охраны и использования» наилучшим образом отражает весь спектр возможной деятельности.

Примеры подобного регулирования содержатся в Законе Республики Беларусь от 15.11.2018 № 150-З. В нем установлено, что ООПТ – часть территории Республики Беларусь с ценными природными комплексами и (или) объектами, в отношении которой установлен особый режим охраны и использования. Этот же подход сохраняется и в структуре указанного закона в статьях 24, 26–29.

Особый режим охраны и использования территории представляет собой динамичную категорию, содержание которой зависит от целей создания ООПТ, а также окружающей обстановки (например, возникновение чрезвычайных ситуаций (пожар, наводнение) будет его изменять).

В связи с этим возможны различные классификации режима.

Во-первых, можно выделить особые режимы охраны и использования ООПТ в зависимости от ее вида (например, особый режим охраны и использования памятника природы, особый режим охраны и использования национального парка и т. д.).

Во-вторых, полагаем, что следует дополнительно выделять экстраординарные (чрезвычайные) режимы охраны и использования, связанные с введением дополнительных правовых ограничений из-за природных или техногенных факторов, либо, наоборот, совершение действий, выходящих за пределы установленного режима, в целях предупреждения и ликвидации чрезвычайной ситуации и ее последствий. В частности, об этом говорится в п. 2 ст. 24, п. 5 ст. 28, п. 12 ст. 27 Закона Республики Беларусь от 15.11.2018 № 150-З.

В-третьих, внутри одного вида ООПТ можно наблюдать примеры функционального зонирования, так называемое установление территориально дифференцированных режимов (ст. 15, 21, 29 Федерального закона РФ от 10.01.2002 № 7-ФЗ). Так, п. 1 ст. 15 предусматривает, что в целях установления режима национального парка осуществляется зонирование его территории с выделением заповедной зоны, особо охраняемой зоны, рекреационной зоны, зоны охраны объектов культурного

наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, зоны хозяйственного назначения, зоны традиционного экстенсивного природопользования. Закон Республики Беларусь от 15.11.2018 № 150-З также предполагает зонирование в границах национального парка на заповедную зону, зону регулируемого использования, рекреационную зону, хозяйственную зону и другие зоны (п. 3 ст. 24 и ст. 27).

Примечательно, что в российском законодательстве установление территориально дифференцированного режима охраны предусмотрено только в отношении национального парка. В то же время в белорусском законодательстве установление подобного режима возможно также в отношении заказника.

Таким образом, сравнение подходов российского и белорусского законодательства позволяет сделать вывод о том, что Закон Республики Беларусь об ООПТ выгодно отличается от Федерального закона РФ об ООПТ в части установления видов режимов охраны и использования особо охраняемых природных территорий и детализации содержания указанного режима. Полагаем, что законодательство России в части ООПТ нуждается в значительном системном реформировании.

Список использованных источников

1. Ильин, И. А. Теория права и государства / И. А. Ильин ; под ред. В. А. Томсинова. – 2-е изд., дополненное. – М. : Зерцало, 2008. – СПС «Гарант».
2. Дискуссионные проблемы теории экологического права : монография / под общ. ред. А. П. Анисимова. – М. : Юрлитформ, 2020. – 544 с.
3. Анисимов, А. П. Экологическое право России : учебник и практикум для вузов / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков. – М. : Юрайт, 2020. – 422 с.
4. Лунева, Е. В. Правовой режим земельных участков в особо охраняемых природных территориях / Е. В. Лунева. – М. : Статут, 2018. – 159 с.

Красуцкий Г. В.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РАССРОЧКИ ВНЕСЕНИЯ ПЛАТЫ ЗА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫЕ В ЧАСТНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ekolog_310@mail.ru*

Общим правилом при предоставлении в частную собственность земельных участков, находящихся в государственной собственности, является взимание платы за них. При этом в целях реализации конституционного положения о гарантировании государством права собственности и содействию в ее приобретении, законодателем закреплено право местных исполнительных комитетов на предоставление рассрочки внесения платы за такие земельные участки. Вместе с тем практика

применения соответствующих законодательных положений свидетельствует о необходимости совершенствования правового регулирования порядка предоставления рассрочки.

Так, из ст. 31-2 Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. (далее – КоЗ) следует, что при предоставлении земельных участков в частную собственность для строительства и обслуживания капитальных строений (зданий, сооружений), обслуживания приобретенного недвижимого имущества, находившегося в государственной собственности, в том числе по результатам аукционов, местные исполнительные комитеты по заявлению лица, которому предоставляется земельный участок, принимают решение о рассрочке внесения платы за земельные участки на срок, не превышающий пяти лет со дня приемки в эксплуатацию в установленном порядке законченного строительством объекта, очереди, пускового комплекса или со дня приобретения недвижимого имущества, находившегося в государственной собственности. При этом до приемки в установленном порядке в эксплуатацию законченного строительством объекта, очереди, пускового комплекса лицом, которому предоставляется земельный участок, вносится часть платы в размере, определяемом местным исполнительным комитетом, предоставляющим рассрочку. С момента возникновения у землепользователя права собственности или права аренды на земельный участок, в отношении которого предоставлена рассрочка внесения платы, и до полного исполнения им обязательств по внесению платы за земельный участок этот участок или право аренды на него находятся в залоге у государственного органа, принявшего решение о предоставлении земельного участка или об изменении вида вещного права на земельный участок на право собственности или право аренды. Отчуждение и (или) последующий залог земельного участка или права аренды на земельный участок, приобретенный с рассрочкой внесения платы (ее части), не допускаются до полного исполнения землепользователем этого участка обязанности по внесению платы за него. Порядок внесения платы за земельные участки или платы за право заключения договоров аренды земельных участков в случае предоставления рассрочки определяется местным исполнительным комитетом, предоставляющим земельный участок.

Согласно п. 33 Положения о порядке организации и проведения аукционов по продаже земельных участков в частную собственность, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 марта 2008 г. № 462 «О некоторых мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2007 г. № 667» (далее – Положение), по заявлению победителя аукциона местным исполнительным комитетом предоставляется рассрочка внесения платы за земельный участок. Указанное заявление подается победителем аукциона в местный исполнительный комитет не позднее одного рабочего дня после утверждения протокола о результатах аукциона. Решение о предоставлении рассрочки внесения платы за земельный участок принимается местным исполнительным комитетом в течение 5 рабочих дней со дня получения заявления о предоставлении

рассрочки. В соответствии с п. 34 Положения государственная регистрация права частной собственности на земельный участок победителя аукциона осуществляется в территориальной организации по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним по месту нахождения земельного участка на основании решения об изъятии земельного участка для проведения аукциона и предоставлении победителю аукциона либо единственному участнику несостоявшегося аукциона и протокола о результатах аукциона.

Таким образом, протокол о результатах аукциона и решение об изъятии земельного участка для проведения аукциона и предоставлении победителю аукциона либо единственному участнику несостоявшегося аукциона выдаются такому лицу раньше, чем может быть принято решение о предоставлении рассрочки. Поскольку законодательством не предусмотрена обязанность местного исполнительного и распорядительного органа обращаться в территориальную организацию по государственной регистрации и земельному кадастру с заявлением о государственной регистрации ипотеки либо информировать эту организацию о предоставлении рассрочки, а недобросовестный победитель аукциона может об этом умолчать, то государственная регистрация возникновения ограничения (обременения) права (ипотека) не будет произведена.

Ввиду вышеизложенного представляется недостаточным закрепление в ст. 31-2 КоЗ запрета на отчуждение и (или) последующий залог земельного участка, приобретенного с рассрочкой внесения платы (ее части), до полного исполнения плательщиком обязанности по внесению платы за него, поскольку отсутствует эффективный механизм реализации такой меры и контроля за ее действием. Как следствие, предусмотренный законодательством способ обеспечения исполнения обязательства по оплате стоимости земельного участка будет действовать не всегда, что в свою очередь позволяет лицу, не внесшему полностью плату за него, беспрепятственно произвести его отчуждение.

Кроме того, в силу ст. 31-2 КоЗ порядок внесения платы за земельные участки в случае предоставления рассрочки определяется местным исполнительным комитетом, предоставляющим земельный участок. В то же время в законодательстве отсутствуют единые критерии, которыми местный исполнительный комитет должен руководствоваться при принятии решения о предоставлении рассрочки либо об отказе в ее предоставлении. Таким образом, процесс принятия соответствующих решений носит исключительно субъективный характер, в связи с чем не исключены случаи их необоснованности, а также случаи нарушения законодательства о борьбе с коррупцией. Устранение этого пробела, на наш взгляд, возможно путем закрепления в КоЗ обязанности местного исполнительного комитета принимать решение о предоставлении рассрочки либо об отказе в ее предоставлении с учетом семейного и имущественного положения лица, которому предоставляется земельный участок.

Подводя итог вышеизложенному, считаем необходимым в рамках совершенствования законодательства об охране и использовании земель внести следующие изменения и дополнения:

1) дополнить ч. 6 ст. 31-2 КоЗ после слов «...земельный участок.» предложением: «При этом такой порядок должен в обязательном порядке предусматривать, что при рассмотрении заявления о предоставлении рассрочки внесения платы за земельные участки, предоставляемые в частную собственность, или платы за право заключения договоров аренды земельных участков учитывается семейное и имущественное положение лица, которому предоставляется земельный участок (в том числе учитывается наличие лиц, находящихся на его иждивении; наличие зарегистрированного на его имя и (или) имя близких родственников, с которыми он проживает, ведет общее хозяйство, недвижимого имущества, транспортных средств, маломерных водных судов, огнестрельного оружия; размер дохода по месту работы (службы), от осуществления предпринимательской и иной, не запрещенной законодательством, деятельности за последние 12 месяцев; продолжительность осуществления трудовой, предпринимательской и иной, не запрещенной законодательством, деятельности, а также другие, заслуживающие внимания обстоятельства).»;

2) дополнить п. 34 Положения частью второй и изложить его в следующей редакции:

«34. Государственная регистрация права частной собственности на земельный участок победителя аукциона осуществляется в территориальной организации по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним по месту нахождения земельного участка на основании решения об изъятии земельного участка для проведения аукциона и предоставлении победителю аукциона либо единственному участнику несостоявшегося аукциона и протокола о результатах аукциона.

В случае предоставления рассрочки внесения платы за земельный участок одновременно с государственной регистрацией, указанной в части первой настоящего пункта, производится государственная регистрация возникновения ограничения (обременения) права (ипотека).».

Курилович М. П.

ИНВЕСТИЦИИ В ОХРАНУ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА¹

*ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси»
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь,*

Национальная стратегия социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года относит к приоритетным направлениям обеспечения экологической устойчивости улучшение правовых,

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ в рамках гранта «Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства государств – членов Евразийского экономического союза»

организационно-экономических и информационных условий для формирования ответственного и ресурсосберегающего потребления товаров, а также экологически безопасного их производства субъектами хозяйствования. Для обеспечения экологической устойчивости представляется необходимым повышение надежности и эффективности механизмов финансирования природоохранной деятельности. Поскольку создание и функционирование бюджетных фондов охраны окружающей среды на сегодняшний день все еще приостановлено, обоснованным видится привлечение финансирования в исследуемую сферу в виде инвестиций [1, с. 64]. Таким образом, несмотря на то, что Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» (в редакции Закона от 17.07.2002 № 126-3) (далее – Закон «Об охране окружающей среды») в главе 14 выделяет экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования, существующих механизмов охраны окружающей среды недостаточно, в связи с чем предусматривается внедрение новых экономических инструментов в область экологических отношений. Отметим, что в соответствии с Законом «Об охране окружающей среды» элементом механизма охраны окружающей среды является право граждан на благоприятную окружающую среду (ст. 13). В соответствии со структурой названного Закона можно заключить, что данное право является основным, именно на нем базируются все остальные экологические права граждан. Таким образом, критерием эффективного функционирования правового механизма охраны окружающей среды является обеспечение права человека на благоприятную окружающую среду [2].

Республика Беларусь ставит перед собой задачу по достижению целей устойчивого развития, заявленных в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [1]. Достижению устойчивого развития, выполнению экологической составляющей целей будет способствовать усиление инвестиционной активности в экологическую сферу, в том числе за счет вовлечения субъектов экономической деятельности и их средств в эти процессы. Целью исследования ставится необходимость обосновать инвестиции в охрану окружающей среды как одну из форм механизма государственно-частного партнерства в Республике Беларусь для решения существующих экологических проблем.

Таким образом, в данной статье инвестирование в охрану окружающей среды рассматривается как эффективная форма государственно-частного партнерства. В связи с этим был проведен анализ основного нормативного правового акта Республике Беларусь в сфере инвестиций – Закона Республики Беларусь «Об инвестициях» от 12 июля 2013 г. № 53-3 (далее – Закон «Об инвестициях»). Указанный акт закрепляет принципы осуществления инвестиций, а также ограничения при их осуществлении. К принципам инвестиционной деятельности согласно ст. 5 Закона «Об инвестициях» относятся: принцип добросовестности и разумности осуществления инвестиций без причинения вреда окружающей среде;

недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, за исключением случаев, когда такое вмешательство осуществляется на основании законодательных актов Республики Беларусь в интересах национальной безопасности (в том числе охраны окружающей среды), общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Относительно ограничений (ст. 6) можно сказать, что при осуществлении инвестиций они могут быть установлены на основании законодательных актов Республики Беларусь в интересах национальной безопасности (в том числе охраны окружающей среды).

Анализ Закона «Об инвестициях» показал, что он не препятствует инвестициям в охрану окружающей среды, а в ст. 2 закрепляет возможность осуществления инвестиций во все сферы (за исключением регулируемых иными нормативными правовыми актами), в том числе и в сферу экологических отношений. При этом отметим, что инвестирование в указанную сферу затрудняется отсутствием закрепленного в законодательстве механизма и способов его осуществления. Одним из способов инвестиций согласно данному закону являются концессии, в том числе и природных ресурсов. Законодательством, регулирующим концессии, предусматривается возможность заключения концессионных договоров в отношении участков недр, земельных участков, участков лесного фонда, водных объектов. Однако концессия как способ инвестиций на сегодняшний день не получила должного распространения, в связи с чем необходимым видится развитие других способов привлечения инвестиций. При этом развитие механизма инвестирования в охрану окружающей среды в целом позволит значительно повысить эффективность природоохранных мероприятий.

Основными рекомендациями по совершенствованию инвестиционного и природоохранного законодательства представляются следующие:

Часть 3 ст. 4 Закона «Об инвестициях» гласит, что «на территории Республики Беларусь инвестиции осуществляются следующими способами: приобретением, созданием, в том числе путем строительства, объектов недвижимого имущества». В связи с этим предлагается на основании норм Указа Президента Республики Беларусь от 20 марта 2009 г. № 144 «Об отдельных вопросах налогообложения» поручить частному партнеру строительство капитальных строений (зданий, сооружений), предназначенных для охраны окружающей среды и улучшения экологической обстановки, которые освобождаются от обложения налогом на недвижимость (очистные сооружения, капитальные строения для очистки сточных вод и т. д.).

Кроме того, в Законе «Об инвестициях» стоит предусмотреть такое понятие, как «зеленые инвестиции», что будет способствовать привлечению финансирования в конкретную сферу. Закрепить понятие стоит в ст. 1, а возможность их осуществления – в ст. 4, как самостоятельный способ инвестирования.

Анализ законов Республики Беларусь «Об инвестициях» и «Об охране окружающей среды» позволяет сделать вывод о необходимости

предусмотреть инвестиции в сферу охраны окружающей среды как элемент экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования с включением их в ст. 79 Закона «Об охране окружающей среды».

Список использованных источников

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс]: одобрена Президиумом Совета Министров Республики Беларусь протоколом заседания от 2 мая 2017 г. № 10. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. – Дата доступа: 16.02.2021.

2. Makarova, T. Social importance of environmental law: criteria of values and effectiveness of law / T. Makarova // Kazan University Law Review. – 2018. – Vol. 3, № 2. – P. 7–17. ISSN 2541-8823.

Михайлова А. И.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Белорусский государственный университет,

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ekolog_310@mail.ru

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. «Об охране окружающей среды» в редакции Закона от 17 июня 2002 г. (далее – Закон «Об охране окружающей среды») природоохранная деятельность – это деятельность государственных органов, общественных объединений, иных юридических лиц и граждан, направленная на сохранение и восстановление природной среды, рациональное (устойчивое) использование природных ресурсов и их воспроизводство, предотвращение загрязнения, деградации, повреждения, истощения, разрушения, уничтожения и иного вредного воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности и ликвидацию ее последствий.

Принимая во внимание то обстоятельство, что осуществление деятельности в области охраны окружающей среды является весьма затратной для хозяйствующих субъектов и зачастую невыгодной, законодатель в ст. 82 установил нормы, предусматривающие экономическое стимулирование такой деятельности. В юридической науке отмечено, что «стимулирующая экологическая политика должна рассматриваться в качестве эффективного способа влияния на субъектов, осуществляющих хозяйственную деятельность, с целью минимизации последствий воздействия на окружающую среду» [1, с. 152]. Так, для юридических и физических лиц предусмотрены льготы в случае соблюдения ими режимов охраны и использования особо охраняемых природных территорий при внедрении

юридическими и физическими лицами наилучших доступных технических методов, малоотходных, энерго- и ресурсосберегающих технологий, специального оборудования, снижающего вредное воздействие на окружающую среду, ускоренной амортизации оборудования и других объектов, предназначенных для охраны и оздоровления окружающей среды и др. По общему правилу субъекты, осуществляющие мероприятия по охране окружающей среды, при условии соответствия их деятельности положениям ст. 82 Закона «Об охране окружающей среды», могут иметь льготы при ведении своей хозяйственной деятельности. Например, сельскохозяйственная организация, осуществляющая разведение крупного рогатого скота для получения мяса, использующая биогазовые установки для переработки отходов жизнедеятельности животных, будет иметь льготы при осуществлении такой деятельности.

Но как известно, встречаются юридические лица, которые осуществляют исключительно эколого-значимые виды хозяйственной деятельности. Так, переработка отходов производства с применением инновационных технологий будет являться эколого-значимым видом деятельности – предпринимательской деятельностью в области охраны окружающей среды (экологическим предпринимательством), основная цель его деятельности будет заключаться в переработке отходов без вреда для окружающей среды. Для внедрения в производство такого рода инноваций необходимы значительные финансовые вложения, кроме того, в процессе осуществления данной деятельности необходима соответствующая поддержка государства. В этом случае применение экономического стимулирования, представленного в ст. 82 Закона «Об охране окружающей среды», в отношении предпринимательской деятельности в области охраны окружающей среды не даст надлежащего эффекта. При этом в правовой литературе отмечается, что «сущность экономического стимулирования охраны окружающей среды и устойчивого природопользования заключается в создании у хозяйствующих субъектов непосредственной заинтересованности в осуществлении ими мер природоохранного характера» [2, с. 475]. В связи с этим особое значение будет иметь создание системы мер экономического стимулирования предпринимательской деятельности в области охраны окружающей среды.

Обратим внимание на льготы, которые могут быть предоставлены хозяйствующим субъектам. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства» на период до 2030 года, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 октября 2018 г. № 743 демонстрирует льготы в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – субъекты МСП). Для реализации данной политики предусмотрено совершенствование упрощенной системы налогообложения, повышение конкурентоспособности товаров (услуг, работ) за счет оптимизации фискальной нагрузки на экономику. Для расширения доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам стратегия содержит мероприятия, направленные: на совершенствование видов, условий и порядка оказания

финансовой поддержки, развитие и совершенствование гарантийного механизма поддержки, расширение спектра услуг, предоставляемых банками субъектам МСП.

Экологический кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 г. № 400-VI ЗРК в ст. 130 предусматривает экономическое стимулирование деятельности, направленной на охрану окружающей среды. В ней названы мероприятия, посредством которых осуществляется экономическое стимулирование, например, применение в соответствии с налоговым законодательством Республики Казахстан коэффициента 0 к ставкам платы за негативное воздействие на окружающую среду с даты получения комплексного экологического разрешения; предоставление мер государственной поддержки в рамках «зеленого» финансирования и др. При этом законодатель в ч. 2 ст. 130 Экологического кодекса дает определение «зеленые» технологии, рассматривая их как экологически безопасные технологии производства, созданные на основе современных достижений науки, учитывающие экологические, экономические, социальные аспекты устойчивого развития, которые охватывают соответствующие сферы деятельности, такие как: производство нетоксичных продуктов по замкнутому циклу «производство – утилизация – новое производство»; максимальное сокращение отходов за счет инноваций в технологиях и структуре потребления; внедрение биотехнологий в земледелие, животноводство и переработку сельскохозяйственной продукции, производство биологических препаратов для сельского хозяйства; производство строительных материалов, не содержащих токсичных и канцерогенных веществ, с использованием отходов производства и потребления. Предусмотренные мероприятия, направленные на стимулирование деятельности экопредпринимателей, по нашему глубокому убеждению, могли бы найти отражение и в белорусском законодательстве об охране окружающей среды.

В белорусской доктрине экологического права предлагается в качестве одного из способов решения проблем охраны окружающей среды с позиции внедрения возможных мер экономического стимулирования использовать инвестиционный налоговый кредит [2, с. 476]. Сущность данного кредита заключается в изменении срока уплаты налога, при котором организации при наличии оснований предоставляется возможность в течение определенного срока и в определенных пределах уменьшать свои платежи по налогу с последующей поэтапной уплатой суммы кредита и начисленных процентов. В соответствии с п. 1 ст. 72 модельного Налогового кодекса для государств – участников СНГ от 29 ноября 2013 г. № 39-10 условия, при которых может быть предоставлен инвестиционный налоговый кредит, установлены п. 1 ст. 73, в случаях, например, проведения этой организацией научно-исследовательских или опытно-конструкторских работ либо технического перевооружения собственного производства, в том числе направленного на создание рабочих мест для инвалидов или защиту окружающей среды от загрязнения промышленными отходами и (или) повышение энергетической

эффективности производства товаров, выполнения работ, оказания услуг. Полагаем, что данный инструмент применим для экономического стимулирования предпринимательской деятельности в области охраны окружающей среды.

Анализируя опыт законодательного закрепления института экономического стимулирования деятельности, направленной на охрану окружающей среды, полагаем, что в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих предпринимательскую деятельность в области охраны окружающей среды, возможно применять следующие меры экономического стимулирования, которые будут выражаться: 1) в освобождении субъекта предпринимательства в области охраны окружающей среды от уплаты налога на недвижимость, земельного налога, налога на добавленную стоимость товаров при ввозе на территорию Республики Беларусь, налога на прибыль и др. (применение коэффициента 0 к ставкам платы за негативное воздействие на окружающую среду), 2) предоставлении мер государственной поддержки в виде финансирования деятельности экопредпринимателей, 3) предоставлении инвестиционных налоговых кредитов и др. Применение данных мер позволит привлечь субъектов к осуществлению весьма перспективного эколого-значимого вида предпринимательской деятельности, который будет содействовать реализации государственной политики в области охраны окружающей среды.

Список использованных источников

1. Лизгаро, В. Е. Установление мер экономического стимулирования как элемент экономико-правового механизма охраны окружающей среды / В. Е. Лизгаро // Приоритетные направления развития экологического, земельного и аграрного права : материалы Респ. круглого стола, приуроч. к юбилею д-ра юрид. наук проф. Т. И. Макаровой / редкол.: С. А. Балашенко [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 152–156.

2. Манкевич, И. П. Теоретико-правовые аспекты экономического стимулирования охраны окружающей среды и устойчивого природопользования / И. П. Манкевич // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. – Минск : Бизнесофсет, 2019. – Вып. 14. – С. 472–478.

Михалкевич И. С.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЖИМА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ekolog_310@mail.ru

Согласно Национальной стратегии социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года «стратегической целью в области обеспечения экологической безопасности и благоприятной окружающей

среды является сохранение локальных и региональных экосистем для нынешнего и будущего поколений (...)), что достигается, среди прочего, созданием системы особо охраняемых природных территорий (ООПТ), репрезентативной по отношению ко всем типичным и редким природным ландшафтам и биотопам [1]. В свою очередь, режим ООПТ обеспечивается различными способами, среди которых, на наш взгляд, важное значение имеют элементы, относимые в теории экологического права к организационно-правовому механизму охраны окружающей среды [2, с. 177–212; 3, с. 60–65], что предполагает систему специально созданных эколого-правовых инструментов, направленных на обеспечение устойчивого функционирования таких территорий.

Наибольшее значение имеют комплексный мониторинг экосистем на ООПТ, их учет, контроль за охраной и использованием. По мнению ученых, соответствующие «элементы эколого-правового механизма, имеющие организационное содержание, в отличие от экономических, прямо не определены в качестве таковых в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ (далее – Закон № 1982-ХІІ), однако анализ законодательства позволяет отнести...» их к таковым [4, с. 51].

Согласно ст. 41 Закона Республики Беларусь «Об особо охраняемых природных территориях» от 15 ноября 2018 г. № 150-З (далее – Закон № 150-З) «контроль за соблюдением законодательства об ООПТ осуществляется Минприроды и его территориальными органами, иными государственными органами и организациями в соответствии с законодательством о контрольной (надзорной) деятельности, об охране окружающей среды». Данный вид контроля следует рассматривать через призму общего понятия контроля в области охраны окружающей среды, который, исходя из ст. 87 Закона № 1982-ХІІ, включает в себя систему мер, направленных на предотвращение, выявление и пресечение нарушения законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов, осуществляемых в форме проверок в сферах, указанных в части второй настоящей статьи, и иных формах контроля, предусмотренных законодательством о контрольной (надзорной) деятельности, а также в форме проведения полевых контрольных мероприятий. В юридической литературе выделены и систематизированы существенные черты непосредственно экологического контроля, в том числе «взаимосвязь с иными организационно-правовыми, экономическими, идеологическими мерами в области охраны окружающей среды и природопользования, которые в совокупности образуют эколого-правовой механизм и направлены на сохранение благоприятной окружающей среды и обеспечение экологической безопасности» [5]. Следует отметить, что в отношении ООПТ круг субъектов, осуществляющих контроль, в законодательстве о контрольной (надзорной) деятельности, об охране окружающей среды не конкретизируется, что составляет определенные сложности в понимании того, какие государственные органы и организации все же уполномочены

осуществлять контроль за соблюдением законодательства об ООПТ. В настоящее время порядок осуществления контрольной деятельности установлен Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной деятельности) в Республике Беларусь» (далее – Указ № 510), который выделяет следующие формы контроля: выборочные и внеплановые проверки, мероприятия технического (технологического, проверочного) характера. Также согласно ч. 5 п. 3 Указа № 510 контроль осуществляется в форме профилактических мер, путем: проведения мониторинга, направления различных рекомендаций, проведения разъяснительной работы, информирования субъектов о типичных нарушениях, проведения семинаров, круглых столов и иных мероприятий.

Крайне важным элементом организационно-правового обеспечения соблюдения режима ООПТ является ведение учета данных территорий в целях информационного обеспечения принятия управленческих решений в области ООПТ. Ранее в природоохранном законодательстве не было предусмотрено ведение реестра ООПТ, что представляло определенные сложности, особенно при территориальном планировании и резервировании территорий для признания их особо охраняемыми, при ведении статистического учета количества и особенностей ООПТ международного значения, а также количества и процентного соотношения площади ООПТ с площадью государства. С 2008 г. законодательством предусмотрено ведение РУП «Бел НИЦ Экология» реестра ООПТ в целях их учета, а также для обеспечения информационного доступа. Реестр ООПТ представляет собой различные сведения о категориях, видах, статусе этих территорий и другую важную информацию. Содержание реестра ООПТ и особенности его ведения установлены ст. 37 Закона № 150-3.

Комплексный мониторинг экосистем на ООПТ является видом мониторинга окружающей среды в рамках Национальной системы мониторинга окружающей среды в Республике Беларусь и организуется НАН Беларуси. Согласно п. 3 ст. 36 Закона № 150-3 комплексный мониторинг экосистем на ООПТ проводится научными организациями, подчиненными НАН Беларуси, совместно с государственным природоохранным учреждением, а в случае, когда оно не создано, с управляющим органом. Цели проведения данного вида мониторинга – оценка состояния экосистем на ООПТ, обеспечение сохранения биологического и ландшафтного разнообразия ООПТ, рационального использования природных ресурсов этих территорий и оценки эффективности режимов их охраны и использования. Мониторинг состоит из трех элементов – объекты, оценка и прогноз. Объектами наблюдений при проведении комплексного мониторинга экосистем на ООПТ являются: территория ООПТ в целом (по категориям и видам земель, категориям лесов, экологическому состоянию (статусу) водных объектов); экосистемы по категориям. Соответствующие категории экосистем приведены в п. 6 ст. 36 Закона № 150-3. Оценка предполагает, с одной стороны, возможный ущерб от антропогенного и естественного воздействия, а с другой – природных резервов для их использования в

интересах человека и оптимальных способов человеческой деятельности [2, с. 177–212]. Прогноз формируется из данных, полученных при наблюдениях за состоянием экосистем на ООПТ, которые проводятся в пунктах наблюдений. Совокупность данных пунктов наблюдений в границах ООПТ образует определенную в законодательстве локальную сеть комплексного мониторинга экосистем на ООПТ. По итогам наблюдений в ходе комплексного мониторинга экосистем на ООПТ должны быть получены данные о состоянии экосистем, основанные на методах биоиндикации и оценки состояния факторов среды, а также о наличии и степени проявления угроз существованию экосистем. На основании именно этих данных и составляется прогноз изменения состояния экосистем под воздействием природных и антропогенных факторов. Данный прогноз также включает рекомендации по совершенствованию охраны и управления ООПТ, сохранению их биологического и ландшафтного разнообразия [2, с. 177–212].

Таким образом, среди элементов организационно-правового обеспечения режима ООПТ наиболее значимыми являются контроль за соблюдением законодательства об ООПТ, учет ООПТ и комплексный мониторинг экосистем на ООПТ. Целесообразно закрепить в ст. 41 Закона Республики Беларусь «Об особо охраняемых природных территориях» от 15 ноября 2018 г. № 150-З формы контроля за соблюдением законодательства об ООПТ, а также круг субъектов, которые могут осуществлять контроль в данной области, с определением сфер их контрольной (надзорной) деятельности.

Список использованных источников

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 г.: одобрено протоколом заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 2 мая 2017 г. № 10 [Электронный ресурс] // Научно-методическое обеспечение развития информатизации в Беларуси. – Режим доступа: <http://nmo.basnet.by/concept/nac-strategists.php>. – Дата доступа : 12.05.2021.

2. Балашенко С. А. Экологическое право : учебник / С. А. Балашенко, Т. И. Макарова, В. Е. Лизгаро. – 2-е изд., перераб. – Минск : Вышэйшая школа, 2021. – 399 с.

3. Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности / Т. И. Макарова [и др.]; под науч. ред. Т. И. Макаровой. – Минск : БГУ, 2016. – 191 с.

4. Лизгаро, В. Е. Особенности эколого-правового механизма на современном этапе / В. Е. Лизгаро // Информационно-правовая поддержка охраны окружающей среды и устойчивого развития : по материалам круглых столов / редкол.: С. А. Балашенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2014. – С. 50–52.

5. Шахрай, И. С. Некоторые проблемы правового регулирования экологического контроля [Электронный ресурс] / И. С. Шахрай. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/191431>. – Дата доступа: 12.05.2021.

Свирко А. А.
ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ
В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ
ЧЛЕНАМ САДОВОДЧЕСКОГО ТОВАРИЩЕСТВА

*Полоцкий государственный университет,
ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк, Витебская обл., Беларусь,
ekolog_310@mail.ru*

Статьей 90 Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-З государственный контроль за использованием и охраной земель возложен на областные, Минский городской, городские (городов областного подчинения), районные, сельские, поселковые исполнительные комитеты непосредственно и (или) их землеустроительные службы. Целью указанного контроля является обеспечение соблюдения всеми гражданами и юридическими лицами установленного порядка пользования землями, земельными участками.

В свою очередь с учетом правового режима различных категорий земель следует признать наличие специфики в части осуществления контроля за использованием земель с различным целевым назначением, в частности за использованием земель, предоставленных для коллективного садоводства.

Во-первых, это вызвано субъектным составом данных правоотношений: наличием, помимо непосредственного землепользователя, некоммерческой организации – садоводческого общества, создание которого является обязательным условием использования земельных участков для коллективного садоводства, и на которое в соответствии с Положением о садоводческом товариществе, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 28 января 2008 г. № 50 (далее – Положение о садоводческом товариществе), также возлагается контроль за использованием членами товарищества их земельных участков.

Во-вторых, правовой режим данных земель предусматривает достаточно широкий спектр их целевого использования. С одной стороны, земли выступают средством производства для сельскохозяйственной деятельности членов садоводческого товарищества, а с другой – территориальным базисом для размещения капитальных строений – садовых домиков, хозяйственных строений и сооружений общего пользования.

Однако наличие дополнительного субъекта, осуществляющего контрольную функцию, с учетом особенностей целевого использования земель, полагаем, не всегда ведет к усилению контроля за использованием и охраной земель. Так, для получения земельного участка для ведения коллективного садоводства гражданин должен обратиться в местный исполнительный комитет по месту нахождения испрашиваемого земельного участка с заявлением. Согласно п. 14, 32 Положения о порядке изъятия и предоставления земельных участков, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2007 г. № 667, в заявлении указывается цель: для коллективного садоводства. При этом член садоводческого

товарищества вправе на предоставленном ему земельном участке осуществлять строительство капитального строения – садового домика, а также возводить хозяйственные строения и сооружения, необходимые для ведения коллективного садоводства.

В данном случае следует отметить, что строительные работы по степени негативного воздействия на плодородный слой земли не будут отличаться от аналогичных работ, проводимых на земельных участках, предоставленных для строительства и обслуживания объектов недвижимого имущества. Однако действующее законодательство предусматривает упрощенный порядок регистрации членами садоводческого товарищества таких объектов недвижимости. В соответствии со ст. 21 Закона Республики Беларусь от 5 июля 2004 г. № 300-З «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» и постановления Совета Министров Республики Беларусь от 19 октября 2006 г. № 1387 «Об утверждении перечня документов, представляемых заказчиком, застройщиком в орган государственного строительного надзора для получения разрешения на производство строительно-монтажных работ, и перечня объектов, для строительства которых не требуется получение разрешения органов государственного строительного надзора на производство строительно-монтажных работ» для строительства садовых домиков, хозяйственных строений и сооружений, необходимых для ведения коллективного садоводства на земельных участках, предоставленных членам садоводческого товарищества для этих целей, не требуется получение разрешения органов государственного строительного надзора.

Вместе с тем строительство и реконструкция садового домика, а также хозяйственных строений и сооружений, необходимых для ведения коллективного садоводства, должны осуществляться в соответствии со строительными, природоохранными, санитарно-гигиеническими, противопожарными и иными требованиями законодательства и проектом организации и застройки территории товарищества (п. 18 Положения о садоводческом товариществе). Как капитальное строение, садовый домик с хозяйственными постройками и иными сооружениями, возведенные на земельном участке, предоставленном для ведения коллективного садоводства, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 22 июля 2002 г. № 133-З «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» подлежат государственной регистрации, которая удостоверяет факт создания объекта недвижимости и право лица на данный объект недвижимости. В соответствии с п. 2 ст. 49 вышеуказанного Закона, а также постановления Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 63 «Об определении перечня документов и (или) сведений, запрашиваемых подчиненными Государственному комитету по имуществу Республики Беларусь государственными организациями при осуществлении административных процедур по заявлениям граждан» единственным документом, подтверждающим соответствие строительства садового домика нормативно

предусмотренным требованиям, является справка садоводческого товарищества, подписанная его председателем, с указанием фамилии, собственного имени, отчества (если таковое имеется) члена товарищества, подтверждающая осуществление членом садоводческого товарищества строительства садового домика, а также хозяйственных строений и сооружений, необходимых для ведения коллективного садоводства, в соответствии с проектом организации и застройки территории товарищества.

Таким образом, на предоставленном члену садоводческого товарищества земельном участке возможно строительство объектов недвижимого имущества, а документом, подтверждающим их соответствие нормативно предусмотренным требованиям, является справка садоводческого товарищества.

В свою очередь согласно п. 42 Положения о садоводческом товариществе к компетенции правления садоводческого товарищества относится осуществление контроля за использованием членами товарищества их земельных участков и информирование соответствующего местного исполнительного и распорядительного органа о нарушениях законодательства об охране и использовании земель. В результате, фактически лицами, уполномоченными контролировать соответствие строительным и природоохранным требованиям законодательства при строительстве и реконструкции садового домика, являются правление садоводческого товарищества и его председатель. Следует признать, что при отсутствии законодательно установленных требований к образованию, квалификации, опыту работы кандидатов на должность членов правления садоводческого товарищества, а также его председателя, соответствующие лица, как правило, не обладают достаточной личностной компетенцией для осуществления контроля в области использования и охраны земель. Местные исполнительные и распорядительные органы в данной ситуации осуществляют контроль за деятельностью садоводческих товариществ, оказывают им правовую помощь. Однако, с учетом п. 42 Положения о садоводческом товариществе государственный контроль в правоотношениях, складывающихся по поводу использования земель, предоставленных для коллективного садоводства, в определенной степени ставится в зависимость от выполнения вышеуказанным органом управления садоводческого товарищества своей контрольной функции в части выявления и представления сведений о выявленных нарушениях.

На основании изложенного, полагаем, что упрощенный порядок регистрации объектов недвижимости членами садоводческих товариществ, а также наличие внутреннего контроля за соблюдением природоохранных требований законодательства при их строительстве и реконструкции ставят обеспечение соблюдения законодательства в первую очередь в зависимость от качества внутреннего контроля органов управления садоводческого товарищества. В целях повышения эффективности выполнения контрольной функции субъектами данных правоотношений считаем целесообразным закрепить норму о необходимости утверждения вышеупомянутой справки

председателя правления структурным подразделением землеустройства соответствующего исполнительного комитета либо о возможности участия представителя соответствующего структурного подразделения при принятии решений органами управления садоводческого товарищества по вопросам использования земель, предоставленных для ведения коллективного садоводства.

Слепцов А. В.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ НЕДРАМ»

*Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилев, Беларусь, ekolog_310@mail.ru*

Ответственность в сфере недропользования направлена на охрану недр как природного ресурса и природного объекта, на защиту права государственной собственности на недра, законных интересов общества и права граждан на благоприятную окружающую среду [1, с. 228].

Отличительной особенностью юридической ответственности в области охраны недр является восстановительно-компенсационная направленность данного правового института, согласно которому на недропользователя, причинившего вред природной среде и недрам, налагается обязанность по возмещению причиненного вреда.

Основная часть природных объектов, в том числе и недра, находится в исключительной государственной собственности. В случае причинения вреда недрам потерпевшей стороной выступает государство. Назначенная судом сумма возмещения ущерба поступит в государственный бюджет и затем будет перераспределена на различные мероприятия, в том числе связанные с восстановлением поврежденных природных объектов.

Однако стоит отметить, что в некоторых случаях причинитель вреда объективно не способен восстановить нарушенные природные условия. Как отмечают Е. В. Лаевская, В. Е. Лизгаро, И. С. Шахрай, возмещение вреда в натуре применимо лишь в ограниченных случаях, так как встает вопрос о пределах возможностей такого возмещения [2, с. 68]. Так, например, при незаконной добыче полезных ископаемых, полезные ископаемые не могут быть возвращены на прежнее место, нарушенное природное состояние недр уже не может быть восстановлено, в этом случае устранить экологический вред вообще невозможно. Поэтому денежная компенсация – наиболее удобный и часто используемый способ возмещения экологического вреда.

Таким образом, возмещение экологического вреда является важным инструментом охраны недр, способным не только обеспечить восстановление нарушенного природного объекта, но и стимулировать экологически корректное поведение, воздействуя на экономические интересы недропользователей. Отметим, что недропользователи привлекаются к имущественной ответственности за вред, причиненный недрам, как в процессе добычи полезных ископаемых, так и в процессе строительства и

эксплуатации подземных сооружений, не связанных с добычей ресурсов недр [1, с. 228].

По нашему мнению, «вред, причиненный недрам», можно определить, как «имеющее денежную оценку отрицательное изменение недр, выразившееся в их загрязнении, затоплении, обводнении, возникновении пожаров, ином нарушении природных свойств участка недр, самовольном пользовании недрами, повлекшее утрату запасов полезных ископаемых и иных природных ресурсов, невозможность строительства и (или) эксплуатации подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, повреждение или утрату минералогических, палеонтологических и иных уникальных геологических материалов, подземных экологических систем, связанное с нарушением требований в области охраны окружающей среды, иным нарушением законодательства». Считаем целесообразным закрепить данное понятие в Кодексе Республики Беларусь о недрах от 14 июля 2008 г. № 406-3 (в редакции от 18.12.2019 г.).

Обратим внимание, что ст. 101-1 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982 XII «Об охране окружающей среды» (в редакции от 29.12.2020 г. № 73-3) (далее – Закон об охране окружающей среды), размер возмещения вреда, причиненного окружающей среде, определяется в соответствии с таксами для определения размера возмещения вреда, а при их отсутствии либо невозможности применения – по фактическим затратам на восстановление нарушенного состояния окружающей среды с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды.

Нормы экологического законодательства регулируют таксы и методики расчета вреда в отношении практически всех компонентов окружающей среды, однако в случае причинения вреда недрам таксовый метод расчета размера вреда не применяется. Это следует из анализа положений Указа Президента Республики Беларусь от 24 июня 2008 г. № 348 «О таксах для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде» (в редакции от 18.01.2021 № 17) и постановления Совета Министров Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 1042 «Об утверждении положения о порядке исчисления размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и составления акта об установлении факта причинения вреда окружающей среде, изменении и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь» (в редакции от 23.10.2020 № 603).

Следовательно, согласно ст. 100-1 Закона об охране окружающей среды, вред, причиненный недрам, рассчитывается по фактическим затратам на восстановление нарушенного состояния недр.

Анализ законодательства показывает наличие ряда пробелов правового регулирования порядка расчета размера вреда недрам:

- 1) при расчете не учитывается стоимость утраченных вследствие нарушения законодательства о недрах запасов полезных ископаемых;
- 2) отсутствие единого порядка, в котором бы определялись общие начала и условия расчета вреда, причиненного недрам.

Обращаясь к опыту российского законодателя, отметим, что в Российской Федерации действует отдельный нормативный правовой акт, регулирующий порядок расчета вреда, причиненного недрам. Так, Постановление Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 564 «Об утверждении Правил расчета размера вреда, причиненного недрам вследствие нарушения законодательства Российской Федерации о недрах» (в редакции от 10.03.2020 г.) устанавливает порядок расчета размера вреда, повлекшего утрату учтенных запасов и утрату неучтенных полезных ископаемых, размера вреда, не повлекшего утрату полезных ископаемых, но повлекшего нарушение свойств участка недр.

С учетом многообразного экологического и экономического значения недр, предлагаем на законодательном уровне утвердить порядок расчета размера вреда, причиненного недрам. По нашему мнению, при расчете размера вреда, помимо фактических расходов на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, необходимо учитывать стоимость учтенных запасов и неучтенных полезных ископаемых, утраченных в результате вреда, вызванного в том числе загрязнением недр, затоплением, обводнением, пожарами, а также самовольным использованием недрами.

Список использованных источников

1. Слепцов, А. В. Особенности применения гражданско-правовой ответственности за нарушения требований по охране недр / А. В. Слепцов // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2019 г.: материалы науч.-метод. конф., Могилев, 29 янв. – 10 фев. 2020 г. / МГУ имени А. А. Кулешова; под ред. Н. В. Маковской, Е. К. Сычовой. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – С. 227–228.

2. Лаевская, Е. В. Возмещение вреда, причиненного окружающей среде: проблемы правового регулирования / Е. В. Лаевская, В. Е. Лизгаро, И. С. Шахрай // Юридический журнал. – 2006. – № 3. – С. 67–70.

Холупко В. Э.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ПРОДУКЦИИ ЖИВОТНОВОДСТВА

РУП «Гродноэнерго»,

пр. Космонавтов, 64, 230003, Гродно, Беларусь, volt@energo.grodno.by

*Институт повышения квалификации и переподготовки кадров
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы,
ул. Врублевского, 33, 230009, Гродно, Беларусь*

В соответствии с Доктриной национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 г., Декретом Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства», а также Директивой Президента Республики

Беларусь от 4 марта 2019 г. № 6 «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли», на основании Законов Республики Беларусь от 2 июля 2010 г. № 161-3 «О ветеринарной деятельности», от 20 мая 2013 г. «О племенном деле в животноводстве», от 15 июля 2015 г. № 287-3 «Об идентификации, регистрации, прослеживаемости сельскохозяйственных животных (стад), идентификации и прослеживаемости продуктов животного происхождения», а также государственных программ и стандартов, технических нормативных правовых актов, строительных, ветеринарных и санитарных норм и правил, в Республике Беларусь сформировалась отраслевая структура правового регулирования деятельности по производству сельскохозяйственной продукции в области животноводства.

Согласно Общегосударственному классификатору «Виды экономической деятельности ОКРБ 005-2011» выращивание и разведение животных (в том числе племенных): крупного рогатого скота, лошадей, овец, коз, свиней, птицы и прочих сельскохозяйственных животных, а также получение молока и шкур животных, относится к деятельности в области производства продукции животноводства.

На первоначальном этапе осуществления деятельности по производству животноводческой продукции необходимо обеспечить наличие материально-технической базы. Порядок строительства животноводческих объектов регулируется нормами права, содержащимися в ТКП «Генеральные планы строительства сельскохозяйственных предприятий» (ТКП 45-3.01-164-2009), СН 3.02.09-2020 «Сельскохозяйственные здания», утвержденных постановлением Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 13 ноября 2020 г. № 84, однако в них имеются отсылочные нормы к самой специфике процессов производства и содержания животных.

Декретом Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 (далее – Декрет № 7) установлены требования к содержанию и эксплуатации капитальных строений, где осуществляется деятельность по содержанию, выращиванию сельскохозяйственных животных, производству продукции животного происхождения. Данные нормы распространяются на всех субъектов хозяйствования и организации независимо от организационно-правовых форм. В пункте 20 Декрета № 7 указывается, что система содержания сельскохозяйственных животных определяется в зависимости от вида и породы животных, их производственного назначения, а также состояния кормовой базы (наличие пастбищ, водопоя), производственной мощности объекта. Таким образом, для содержания животных необходимы не только помещения, но и принятие определенной «системы содержания животных» в каждой организации.

С позиции норм права понятие «системы содержания животных» не приводится в законодательстве, и это может быть обусловлено следующим. Начиная с 1991 г. большинство сельскохозяйственных производителей имело план организационно-хозяйственного устройства и системы содержания животных были идентичные у многих организаций, что было обусловлено

аграрной политикой государства [1, с. 76]. Данный подход частично сохранился и по настоящее время. Так, в соответствии с п. 2 главы 2 Ветеринарно-санитарных правил содержания дойных животных и получения молока на молочно-товарных фермах, утвержденных постановлением Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 29 января 2019 г. № 10, любая организация, которая осуществляет деятельность по содержанию дойных животных и получению сырого молока, называется сельскохозяйственной организацией. Следовательно, нормы права по содержанию и кормлению животных являются идентичными для всех организаций, в том числе непрофильных в сельском хозяйстве. При этом содержанию животных и их кормлению данными правилами посвящены только 2 нормы из 51 (остальные касаются вопросов получения молока, доения животных).

В соответствии с п. 48 Зоогигиенических правил, устанавливающих требования к содержанию и кормлению племенных животных, племенных стад, получению и хранению спермы, эмбрионов, инкубационных яиц, икры, личинок, пчелопакетов, утвержденных постановлением Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 8 октября 2013 г. № 56, содержание и кормление племенных свиней, их выращивание также необходимо осуществлять в соответствии с технологией, принятой у каждого субъекта племенного животноводства. Следовательно, вопросы технологии кормления подлежат регулированию и локальными правовыми актами организации, в том числе являющимися непрофильными в сельском хозяйстве (что, представляется, осуществить на качественном уровне достаточно сложно).

В связи с реорганизацией колхозов и совхозов, появлением новых сельскохозяйственных производителей, отличающихся не только организационно-правовыми формами, но и видами основной деятельности, появляется необходимость в закреплении понятия «система содержания животных». Так, сельскохозяйственные филиалы РУП-облэнерго, занимающиеся животноводством, будучи в структуре одной системы Министерства энергетики Республики Беларусь отличаются между собой по видам выращиваемых животных, нормам кормления, привесом на одну кормо-единицу, условиям содержания, наличию или отсутствию собственной кормовой базы.

В соответствии с п. 24 Правил по охране труда при производстве продукции животноводства, утвержденных постановлением Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 28 декабря 2007 г. № 89, должны разрабатываться и приниматься технологические карты по осуществлению производства продукции животноводства или проекты производства работ. Таким образом, осуществление производства продукции животноводства отнесено актами законодательства к локальному уровню регулирования данной деятельности.

Анализ отраслевых регламентов (не являющихся нормативными правовыми актами), внедренных Министерством сельского хозяйства и

продовольствия Республики Беларусь в рамках постановления Совета Министров Республики Беларусь от 28 апреля 2014 г. № 399 «О некоторых вопросах нормирования и ответственности руководителей при производстве сельскохозяйственной продукции» для всех организаций, занимающихся производством сельскохозяйственной продукции, также показал, что вопросы содержания животных, их кормление отнесены зачастую к компетенции самих организаций. Например, в отраслевых регламентах: «Производство молока на молочнотоварных фермах и комплексах»; «Выращивание и откорм молодняка крупного рогатого скота», «Отраслевой регламент выращивания и откорма свиней» [2; 3] требования по технологии кормления и содержанию в качестве обязательных для применения доведены только для молодняка сельскохозяйственных животных и племенных животных, вплоть до указания количества кормлений в сутки, состава, нормы корма и рациона кормления. Для всех других животных основного стада доведены рекомендуемые нормы с указанием на то, что «кормление определяется в соответствии с принятой схемой кормления, рационом». А, например, в соответствии с таблицей 5 «Отраслевого регламента выращивания и откорма свиней» [3], рацион кормления зависит даже от характеристики самой организации. Так, предполагается наличие большего количества комбикорма в рационе свиньи при ее выращивании на крупном комплексе, а на товарной ферме, рацион питания больше включает травяной муки, зеленых кормов.

Таким образом, на наш взгляд, наличие в законодательстве понятия «система содержания сельскохозяйственных животных» способствовало бы развитию аграрного законодательства. Особенно важно включение в данную систему обязательных норм, устанавливающих типы, нормы кормления и содержания животных, от которых зависит, например, в филиале «Агрофирма «Старый Дворец» РУП «Гродноэнерго» около 59 % составляющих производства продукции животноводства.

Список использованных источников

1. Организация сельскохозяйственного производства : учебник / В. Н. Ариничев [и др.] ; под ред. Ф. К. Шакирова. – М. : Колос, 2000. – 504 с.
2. Организационно-технологические требования при производстве молока на молочных комплексах промышленного типа [Электронный ресурс] // Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь. – Режим доступа: https://mshp.gov.by/documents/animal/trebovaniya_moloko.pdf – Дата доступа: 24.05.2021.
3. Организационно-технологические нормативы производства продукции животноводства и заготовки кормов : сб. отраслевых регламентов / сост. В. Г. Гусаков [и др.] ; НАН Беларуси, ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси». – Минск : Белорусская наука, 2007. – 284 с.

Шестовская С. А.

МИНИМИЗАЦИЯ РАДИОАКТИВНЫХ ОТХОДОВ В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ekolog_310@mail.ru

Накопление радиоактивных отходов представляет собой экологическую проблему [1, с. 45; 2, с. 28], требующую принятия организационных, технических и регулирующих решений. Из категории радиоактивных отходов особую опасность представляют отходы атомной энергетики, которые будут составлять подавляющее большинство от всего количества радиоактивных отходов в результате эксплуатации Белорусской АЭС. Прогнозируемые объемы отходов атомной энергетики указывают на необходимость проведения соответствующих исследований, которые позволят определить направления по снижению количества образования радиоактивных отходов и выявить наиболее приемлемые и оптимальные пути решения обозначенной проблемы.

Одним из способов минимизации объемов образовавшихся отходов атомной энергетики является их переработка. Рассмотрим вопросы правового регулирования данного вида обращения с радиоактивными отходами.

Следует отметить, что вопросу переработки отходов атомной энергетики в комплексных правовых исследованиях отечественных и зарубежных ученых уделено недостаточно внимания. При проведении правовых исследований ученые обращались к анализу системы централизованного удаления радиоактивных отходов, их сбора, захоронения, транспортировки, международно-правовому регулированию [3; 4, с. 35–58; 5; 6]. Термин и процесс «переработка» в рассмотренных нами правовых исследованиях не упоминается [3; 4, с. 35–58; 5; 6]. Однако, полагаем уместным подчеркнуть, что научная литература содержит исследования ученых, в том числе белорусских, рассматривавших с технической точки зрения процесс переработки радиоактивных отходов, направленный на уменьшение количества образуемых отходов атомной энергетики и обеспечение безопасности при осуществлении данного вида обращения с радиоактивными отходами [7].

В настоящее время в Республике Беларусь деятельность, связанная с переработкой отходов атомной энергетики, регулируется Законом Республики Беларусь от 18 июня 2019 г. № 198-З «О радиационной безопасности», который определяет переработку отходов атомной энергетики как деятельность в системе обращения с радиоактивными отходами. Статьей 45 Закона Республики Беларусь «О радиационной безопасности» установлено, что переработка радиоактивных отходов осуществляется только на объектах обращения с радиоактивными отходами. В соответствии с положениями Указа Президента Республики Беларусь от 5 апреля 2021 г. № 137 «О регулировании деятельности в области использования атомной энергии и источников ионизирующего излучения» переработка радиоактивных отходов подлежит лицензированию.

Проектные направления по переработке отходов атомной энергетики заложены в Стратегии обращения с радиоактивными отходами Белорусской атомной электростанции, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 июня 2015 г. № 460 (далее – Стратегия). Более детальное регулирование установлено в технических нормативных правовых актах.

В соответствии с положениями норм и правил по обеспечению ядерной и радиационной безопасности «Безопасность при обращении с радиоактивными отходами. Общие положения», утвержденных постановлением Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь от 28 октября 2010 г. № 47 (далее – постановление МЧС № 47), деятельность и методы переработки отходов атомной энергетики регламентируется в проектной и эксплуатационной документации, а также документах, обосновывающих обеспечение ядерной и радиационной безопасности, исходя из агрегатного состояния, физических, химических и биологических характеристик радиоактивных отходов.

Обязательными этапами подготовки отходов атомной энергетики к переработке являются их сбор и сортировка (разделение), осуществляемые в местах образования отходов с обязательным проведением радиационного контроля. Количество пунктов сбора и количество контейнеров – сборников отходов атомной энергетики определяется в проектной и эксплуатационной документации путем прогнозирования количества твердых радиоактивных отходов, их состава и активности. Требования к организации сбора и сортировке отходов атомной энергетики установлены постановлением МЧС № 47, санитарными нормами и правилами «Требования к обеспечению радиационной безопасности персонала и населения при обращении с радиоактивными отходами», утвержденными постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 31 декабря 2015 г. № 142 и иными актами. После сортировки твердые отходы атомной энергетики поступают на переработку в специально установленных помещениях атомной станции.

В соответствии со Стратегией предусмотрено использование отдельных систем обращения с твердыми и жидкими отходами атомной энергетики. Методы их переработки в зависимости от свойств установлены в нормах и правилах по обеспечению ядерной и радиационной безопасности «Правила безопасности при обращении с радиоактивными отходами атомных электростанций», утвержденных постановлением Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь от 12 октября 2017 г. № 43. В рамках настоящего исследования отметим, что обзор существующих методов обращения с жидкими радиоактивными отходами приведен коллективом белорусских ученых Государственного научного учреждения «Объединенный институт энергетических и ядерных исследований – «Сосны» [7, с. 3–7].

В отношении газообразных радиоактивных отходов предусматривается их очистка от йодов, аэрозолей и инертных радиационных газов на фильтрах вытяжных установок спецвентиляции с последующим организованным

удалением в высотную вентиляционную трубу. Стратегией установлено, что эффективность очистки удаляемого воздуха от радиоактивных аэрозолей и соединений йода составляет не менее 99 %.

Наряду с рассмотренным, отметим, что высокоактивные радиоактивные отходы не подлежат переработке в связи большим риском облучения. Радиоактивные отходы данной категории направляются на хранение после их образования.

Из анализа рассмотренных выше нормативных положений следует, что деятельность по переработке отходов атомной энергетики является важной составляющей системы обращения с радиоактивными отходами прежде всего из-за способности минимизировать образовавшиеся радиоактивные отходы. В связи с этим представляется возможным определить следующие компоненты, направленные на минимизацию отходов атомной энергетики: планирование и нормирование образования отходов атомной энергетики, подготовка квалифицированного персонала, участвующего в переработке отходов атомной энергетики, организация контроля за образованием отходов атомной энергетики. Указанные компоненты направлены на сокращение отходов атомной энергетики, а также являются эффективным инструментом при обращении с радиоактивными отходами, образующимися в результате деятельности по использованию атомной энергии, что является приоритетным вопросом при решении сложных экологических задач.

Список использованных источников

1. Карпович, Н. А. Теоретические проблемы реализации экологической функции государства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.06 / Н. А. Карпович. – Минск, 2011. – 364 с.

2. Макарова, Т. И. Теоретические проблемы правового положения физических лиц в экологических отношениях : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.06 / Т. И. Макарова. – Минск, 2008. – 218 с.

3. Иойрыш, А. И. Концепция атомного права / А. И. Иойрыш. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 719 с.

4. Гирусов, Ф. Э. Эколого-правовое регулирование обращения с радиоактивными отходами: сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Ф. Э. Гирусов ; Российская академия наук, Институт государства и права. – Москва, 2005. – 25 с.

5. Правовое обеспечение безопасности на территориях радиоактивного загрязнения / С. А. Балашенко [и др.] ; под ред. С. А. Балашенко : учеб. пособие. – Минск : Вышэйшая школа, 2017. – 223 с.

6. Богоненко, В. А. Правовое обеспечение безопасной эксплуатации объектов атомной энергетики (на примере Франции) / В. А. Богоненко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экономические и юридические науки. – 2009. – № 10. – С. 168–172.

7. Васильев, Н. И. Технология очистки жидких радиоактивных отходов методом гидродинамического парогенератора / Н. И. Васильев, М. Л. Жемжуров, А. Н. Васильев. – Минск, 2008. – 24 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимов Алексей Павлович – профессор кафедры гражданского и международного частного права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», Российская Федерация, г. Волгоград, доктор юридических наук, профессор.

Балашенко Сергей Александрович – профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Беляева Ирина Михайловна – заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Российская Федерация, г. Челябинск, кандидат юридических наук, доцент.

Бондаренко Наталья Леонидовна – заведующий кафедрой финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Гашникова Тамара Владимировна – начальник отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», докторант кафедры экологического и аграрного права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук.

Жлоба Альберт Анатольевич – доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Ивакин Виктор Иванович – доцент кафедры административного права, экологического права, информационного права юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», Российская Федерация, г. Москва, кандидат юридических наук, доцент.

Карпович Наталья Александровна – заместитель Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь, профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Кванина Валентина Вячеславовна – заведующий кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Российская Федерация, г. Челябинск, доктор юридических наук, профессор.

Коваленко Екатерина Игоревна – старший преподаватель кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Российская Федерация, г. Челябинск.

Колесникова Кира Владимировна – доцент кафедры экологического, земельного и трудового права ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Российская Федерация, г. Ставрополь, кандидат юридических наук, доцент.

Конаневич Юрий Григорьевич – старший преподаватель кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Красуцкий Георгий Вячеславович – соискатель кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Кузьмич Ирина Петровна – доцент, докторант кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Курилович Мария Петровна – аспирантка кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, младший научный сотрудник ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси».

Лаевская Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент.

Лизгаро Виктория Евгеньевна – доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Лихолетова Светлана Вячеславовна – доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Российская Федерация, г. Челябинск, кандидат юридических наук.

Лунева Елена Викторовна – доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра прав человека, международного права и проблем интеграции юридического факультета ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Российская Федерация, г. Казань, кандидат юридических наук, доцент.

Макарова Надежда Владиславовна – доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук.

Макарова Тамара Ивановна – заведующий кафедрой экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Михайлова Анна Иосифовна – аспирантка кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Михалкевич Ирина Сергеевна – студентка юридического факультета Белорусского государственного университета.

Мороз Олег Васильевич – доцент, докторант кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Навасардова Элеонора Сергеевна – заведующий кафедрой экологического, земельного и трудового права ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Российская Федерация, г. Ставрополь, доктор юридических наук, профессор.

Никитин Евгений Владимирович – доцент кафедры правоохранительной деятельности и национальной безопасности ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Российская Федерация, г. Челябинск, кандидат юридических наук.

Нутрихин Роман Владимирович – доцент кафедры экологического, земельного и трудового права ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Российская Федерация, г. Ставрополь, кандидат юридических наук.

Пономарев Михаил Вячеславович – старший научный сотрудник отдела экологического и аграрного законодательства Федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», доцент кафедры земельного права и государственной регистрации недвижимости Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии», эксперт Российского экологического общества, Российская Федерация, г. Москва, кандидат юридических наук.

Пушкарев Игорь Петрович – доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Российская Федерация, г. Челябинск, кандидат юридических наук.

Саскевич Вероника Васильевна – доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Свирко Анастасия Александровна – старший преподаватель кафедры гражданского права УО «Полоцкий государственный университет», соискатель кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Скобелев Владимир Петрович – заместитель декана по заочному обучению юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Слепцов Андрей Витальевич – старший преподаватель кафедры юриспруденции УО «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова», соискатель кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Спиридонова Алена Вячеславовна – доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Российская Федерация, г. Челябинск, кандидат юридических наук.

Тихомирова Анжелика Витальевна – доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Российская Федерация, г. Челябинск, кандидат юридических наук.

Ткачева Наталья Викторовна – доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Российская Федерация, г. Челябинск, кандидат юридических наук, доцент.

Холупко Виктория Эдвардовна – заместитель начальника юридической службы РУП «Гродноэнерго», старший преподаватель кафедры современных технологий образования взрослых Института повышения квалификации и переподготовки кадров УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

Хотько Ольга Александровна – доцент, докторант кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Чиж Ирина Михайловна – консультант управления правовой, кадровой и организационной работы Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь.

Шахрай Ирина Сергеевна – доцент, докторант кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Шестовская Светлана Алексеевна – соискатель кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Шингель Наталия Адамовна – доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Макарова Т. И. КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ НАУКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ.....	3
Балашенко С. А. ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА БЕЛАРУСИ: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ	7
Карпович Н. А. ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВА ГРАЖДАН НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ В СВЕТЕ РАЗРАБОТКИ ПРОЕКТА ИЗМЕНЕНИЙ В КОНСТИТУЦИЮ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	17
Кузьмич И. П. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ ВЕТЕРИНАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	21
Лизгаро В. Е. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ: НОВАЦИИ И ПЛАНИРУЕМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ	24
Шахрай И. С. К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ СОГЛАСОВАННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИРОДОРЕСУРСНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	28
Шингель Н. А. НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА	32
Анисимов А. П. ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО МИРОВОМУ ОКЕАНУ	35
Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г. СОЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ И МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО, ХОЗЯЙСТВЕННОГО И КОНДИЦИОННОГО ПРАВА	39
Василевич Г. А. О ЮРИДИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	42
Кванина В. В. ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ КАК ИНСТРУМЕНТ УЛУЧШЕНИЯ ЕЕ СОСТОЯНИЯ	45
Навасардова Э. С., Колесникова К. В. ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЛИКВИДАЦИИ ПРОШЛОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЩЕРБА В СТРАНАХ – ЧЛЕНАХ ЕАЭС	48
Беляева И. М. К ВОПРОСУ О РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	52
Гашникова Т. В. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НОРМИРОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ	55

Жлоба А. А. ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРКОВ	58
Ивакин В. И. ИДЕЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РАБОТАХ ПРОФЕССОРА А. И. БОБЫЛЕВА И РАЗВИТИЕ ДАННОЙ КАТЕГОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	61
Лаевская Е. В. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ КЛИМАТИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.....	64
Лихолетова С. В. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ КАК САНКЦИИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ.....	67
Лунева Е. В. ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	71
Макарова Н. В. ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ОБЪЕКТАМИ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	75
Мороз О. В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРЯДКА ПРОВЕДЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ	77
Никитин Е. В. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	81
Нутрихин Р. В. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГО- ПРИРОДОРЕСУРСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН ЕАЭС В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ.....	84
Пономарев М. В. УЧЕТ ПРИРОДНО-РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ КАК ОСНОВА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	87
Пушкарев И. П. ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	91
Саскевич В. В. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ДОСТУПНОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ	95
Скобелев В. П. ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ	98

Спиридонова А. В. ЗЕЛЕНое КРЕДИТОВАНИЕ КАК ОДНО ИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРИРОДООХРАННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	102
Тихомирова А. В. О ФОРМИРОВАНИИ ОСНОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРОИЗВОДИТЕЛЯМ ОРГАНИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	105
Ткачева Н. В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ	109
Хотько О. А. ОТРАЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ НАУКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА И ТЕНДЕНЦИЙ ЕЕ РАЗВИТИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	112
Чиж И. М. О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННУЮ ПРОДУКЦИЮ, ПОСТАВЛЯЕМУЮ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД.....	117
Коваленко Е. И. ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОХРАНЫ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ: ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	121
Красуцкий Г. В. О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РАССРОЧКИ ВНЕСЕНИЯ ПЛАТЫ ЗА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫЕ В ЧАСТНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ	124
Курилович М. П. ИНВЕСТИЦИИ В ОХРАНУ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА	127
Михайлова А. И. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	130
Михалкевич И. С. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЖИМА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	133
Свирко А. А. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ ЧЛЕНАМ САДОВОДЧЕСКОГО ТОВАРИЩЕСТВА.....	137

Слепцов А. В. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ НЕДРАМ»	140
Холупко В. Э. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ПРОДУКЦИИ ЖИВОТНОВОДСТВА.....	142
Шестовская С. А. МИНИМИЗАЦИЯ РАДИОАКТИВНЫХ ОТХОДОВ В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ	146
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	149